

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2021

ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Улунян А.А. (Москва). Фламандское эхо Греческой революции. «Gazette van Gend» и начальный этап «греческих событий» (январь — декабрь 1821 года).....	3
Задорожнюк Э.Г. (Москва). Вацлав Гавел: контуры изменчивого мировоззрения (к 85-летию со дня рождения).....	16
Ломоносов М.Ю. (Тюмень). Слободан Милошевич между левыми и правыми: расстановка сил, политическая борьба, стратегия убеждения.....	29
Мамедов И.М. (Москва). Идейное измерение политики Турции в XX — начале XXI века.....	44
Пилько Н.С. (Москва). Новейшая история Республики Словения в современных работах словенских исследователей.....	55
Баринев И.И. (Москва). «Белоруссия» Вальтера Егера: история одной книги.....	64
Ващенко Д.Ю. (Москва). Словацкие темпоральные наречия группы «редко»: возможные семантические различия в свете корпусных данных.....	73

СООБЩЕНИЯ

Косик В.И. (Москва). Достоевский: Восточный вопрос.....	85
Белушов С.С. (Элиста). Славянские вынужденные переселенцы в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны: проблема жизнеобеспечения и адаптации.....	94
Ибрагимова Э.Н. (Москва). Русские архитекторы-эмигранты и архитектурные конкурсы в межвоенном Белграде.....	105

РЕЦЕНЗИИ

Баринев И.И. Н. Ilgiewicz. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930—1939).....	117
Косик В.И. Ю. Златкова. Константин Леонтиев и Балканите.....	121
Медведева Т.В. Русский травелог XVIII — начала XX века: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской.....	125

<i>Станков Н.Н.</i> Научная конференция «Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе в XX–XXI веках»	127
<i>Александрова А.К., Мамедов И.М.</i> Конференция «Россия – Турция – Греция: возможности диалога на Балканах»	129

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. Робинсон (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Г.Ф. Матвеев,
Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),
В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: *119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а*
Телефон *8-495-938-01-20*
E-mail: *zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу:
<https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

ФЛАМАНДСКОЕ ЭХО ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
«GAZETTE VAN GEND» И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП
«ГРЕЧЕСКИХ СОБЫТИЙ» (ЯНВАРЬ – ДЕКАБРЬ 1821 года)

© 2021 г. Ар.А. Улуныя

Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

mirditahavlar21@gmail.com

В статье рассматривается освещение первого года Греческой революции во фламандской старейшей газете «Gazette van Gend». Используя материалы европейской, а также российской и османской прессы на европейских языках, газета подробно информировала читателей во Фландрии о борьбе греков и о дипломатических коллизиях вокруг «греческого вопроса».

The article examines the coverage of the first year of the Greek Revolution in the Flemish oldest newspaper «Gazette van Gend». By publishing the materials of the European, as well as Russian and Ottoman press in European languages, the newspaper informed its readers in Flanders in detail of the struggle of the Greeks for their independence and of diplomatic disputes around the «Greek question».

Ключевые слова: Греческая революция 1821г., Россия, Османская империя, «Gazette van Gend», Фландрия.

Keywords: the Flemish region, «Gazette van Gend», Greek Revolution of 1821, Russia, Ottoman Empire.

DOI: 10.31857/S0869544X0012781-2

Греческая революция 1821 г., начавшись как восстание за национальное освобождение греков из-под власти Османской империи, превратилась в общеевропейское событие с широким международным участием. Внимание к нему в общественно-политических кругах государств Европы было привлечено вплоть до создания новогреческого государства, а роль прессы в этом процессе была столь высока, что информация, помещавшаяся на страницах газет и журналов, становилась предметом обсуждений в обществах многих стран и парламентах государств, где они существовали. Королевство Нидерланды, восстановившее окончательно свой суверенитет в 1815 г. после поражения Наполеона не было исключением и местная пресса достаточно активно освещала «греческие события», используя материалы, публиковавшиеся в европейской печати. Во фламандской области, ставшей после отсоединения Бельгии от Нидерландов в 1830 г. частью нового государства, пресса также постоянно

помещала сообщения о происходившем как в самой Греции, так и о дипломатических коллизиях вокруг разрешения «греческой проблемы». Нидерланды, откуда к сражавшимся грекам, как и из многих других европейских стран, прибывали добровольцы-филэллыны [1], и будущая независимая Бельгия оказались связаны с судьбой будущего независимого греческого государства. Первый король бельгийцев Леопольд I, происходивший из Саксен-Кобург-Готской династии и имевший родство с монаршими дворами Великобритании и России, избранный 4 июня 1831 г. Национальным конгрессом, должен был стать ранее, в 1828 г., королем Греции, но отказался от этого. В самой Фландрии, где монопольные позиции на тот момент среди изданий на фламандском языке¹ занимала издававшаяся два раза в неделю (по понедельникам и четвергам) на четырех страницах старейшая газета — «Gazette van Gend» (подробнее об ее истории см. [3–6]), информация о «греческих событиях» сообщалась достаточно подробно. В историографии до сих пор существует пока единственное исследование в виде магистерской диссертации Б. Гуссенса, защищенной в 2009 г. на факультете искусств и философии Гентского университета и называющейся «Образ Востока. Борьба Греции за независимость в современной прессе Южных Нидерландов (1821–1832 гг.)» [7]. Несмотря на указанные в ее заглавии хронологические рамки, освещение прессой региона событий 1821 г. в ней представлен весьма скромно, как и сам анализ публикаций в «Gazette van Gend» по теме Греческой революции. В то же время, буквально с самого начала «греческих событий» газета публиковала достаточно много сообщений как о борьбе греков за независимость, так и о международных отношениях в их контексте, включая дипломатические усилия великих держав по решению «греческого вопроса». О степени влияния этой газеты свидетельствует тот факт, что ее материалы, как и другого издания — франкоязычного «Journal de Bruxelles» — перепечатывались в еще одном старейшем и пользовавшемся популярностью франкоязычном издании Гента — «Journal de Gand» [7. Р. 63]. Для самой «Gazette van Gend» источниками информации очень часто выступали европейские издания, а также газеты, издававшиеся в Османской и Российской империях на европейских языках. Существенные запаздывания с получением новостей обуславливались их доставкой либо по суше (что было быстрее), либо по морю (более долгий путь) [7. Р. 63]. Исходя из приведенных Б. Гуссенсом расчетов, новости приходили со следующей задержкой: из Константинополя 31–45 суток, из Смирны 33–52, из Закинтоса (Занте) 22–39, Мессолонги (Месолонгиона) 25–52, из Бухареста 25–54, Ясс 30–36, Санкт-Петербурга 18–31, Вены 11–20, Дрездена 10–24, Венеции 12–16, Генуи 9–15, Парижа 3–5, в то время как из Парижа в Антверпен обычно трое суток, а в Брюссель до пяти дней [7. Р. 63].

Уже 2 апреля 1821 г. со ссылкой на информацию из Парижа, датированную 28 марта, газета сообщала о «восстании греческих провинций против турецкой армии» и одновременно писала о том, что «похоже, восстание началось в Валахии и Молдавском княжестве» [8. 2 IV. Р. 2]. 9 апреля и со ссылкой на сведения, полученные и ставшие известными 25 марта от лица, прибывшего в Вену из Бухареста и направлявшегося в Лайбах (совр. Любляну), давались детали происходившего, в связи с чем отмечались распространившиеся слухи о том, что «в Яссах произошел бунт, и Молдавия и Валахия потребовали защиты со

¹ Данное определение языка используется в статье в соответствии со сложившейся академической традицией. О современных дискуссиях по данному вопросу, а также фламандской и нидерландской идентичности [2].

стороны России», в то время как сами эти события в двух княжествах, по мнению газеты, «похоже, тесно связаны с тщательно продуманным замыслом всех греков по выходу из-под владычества Порты». В то же время автор публикации считал, что «трудно предсказать исход этих начинаний, возглавляемых принцем Ипсиланти, сыном бывшего господаря, но можно сказать, что две великие соседние державы [Австрия и Россия] никоим образом не будут вмешиваться в этот вопрос, и что Россия, в частности, дала наибольшие гарантии Порте» [8. 9 IV. Р. 1]. Буквально уже в следующем номере «*Gazette van Gend*» и вновь со ссылкой на новости из Вены сообщалось, что, судя по сведениям, полученным с границы Молдавского княжества 10 марта, «восстание греков усиливается с каждым днем» и что «причина этого мятежа — обезглавливание греческого патриарха в Константинополе». Более того, как отмечено в материале, по «мнению хорошо осведомленных лиц, заговорщическая партия распространила деятельность на все греческие провинции под турецким владычеством, все взоры сосредоточены на освобождении из-под этой власти и создании Греческого королевства» [8. 12 IV. Р. 1].

На этом фоне особое значение приобрели сведения о том, что «революция распространилась на Болгарию». Примечательным фактом стала публикация 12 апреля газетой прокламации А. Ипсиланти от 25 февраля (ст. стиля), распространенную в Молдавском княжестве на «молдавском языке 10 марта, развешанной на всех улицах в Яссах» и призывавшую к совместным действиям против турок с объяснением целей борьбы греков. Одновременно сообщалось также о конкретных шагах по освобождению провинции от турок [8. 12 IV. Р. 1]. С незначительным опозданием газета сообщила, ссылаясь на сведения, полученные во Франкфурте 7 апреля 1821 г., о произошедшем 21 марта «очень кровавом сражении между греками и турками в Галаце, в котором последние были полностью разбиты», а также о том, что «один из вождей восстания, по имени Теодор, или Додор (Тудор Владимиреску. — *Ар.У.*) направился в Бухарест с войском, численностью 6—7 тыс. человек», и отмечалось, что само «восстание греческих провинций против Порты, похоже, будет иметь большие последствия, чем предполагалось сначала, и это вызвало серьезные подозрения в Константинополе» [8. 12 IV. Р. 2].

К середине апреля 1821 г. сведения о действиях повстанцев в публикациях газеты детализировались. Несмотря на опоздания с получением информации, она активно публиковала ее, обращаясь к новостям, поступавшим из разных стран. Так, в частности, в соответствии с сообщением из Триеста от 25 марта, «*Gazette van Gend*» поместила 16 апреля материал о том, что князь Д. Ипсиланти — брат А. Ипсиланти, действовавшего в дунайских княжествах, отправился в Морею, и в Эпир, где объединился с Али-пашой Янинским [8. 16 IV. Р. 1]. В то же время, в газете вновь отмечалась активная роль Т. Владимиреску в Валахии, где он «приобрел много сторонников» [8. 19 IV. Р. 1]. Особый интерес для читателей представляла информация из Венгрии, в которой со ссылкой на «особое» письмо, «присланное из Ясс, в Молдавском княжестве, от 12 марта», сообщалось о том, что «общий замысел, который, кажется, был воспринят всей греческой нацией и в соответствии с которым должно быть уничтожено турецкое иго, ныне достиг своей зрелости, и нет никаких сомнений в том, что это дело тайных обществ. В Фессалии, Македонии, Сербии, Албании, Морее, Болгарии, Румелии и на островах архипелага все готово к его воплощению. Все, кто могли носить оружие, были призваны под знамена, и были собраны очень значительные средства для обеспечения этих великих предприятий. Вчера, после богослужения, появились три трехцветных флага и люди

клялись с большим энтузиазмом защищать свою свободу» [8. 19 IV. Р. 1]. При этом, как отмечено в публикации, на одном из флагов был крест и надпись «Мы победим под нашими флагами! Да здравствует Свобода!». На другом флаге была изображена птица-феникс, возрождающаяся из пепла. Принятая кокарда, как информировала газета, «состоит их черного, белого и красного цветов», а старшие командиры носят эмблему «мертвая голова» [12. Р. 1]. Особо важным в связи с развернувшимся в Греции движением был вывод, содержащийся в статье о том, что «события в Валахии являются результатом этого запланированного восстания». Более того, имея в виду важность позиций Али-паши Янинского для развития событий в Эпире, «Gazette van Gend» сообщала слухи о его переходе «в греческую веру», принятии либо имени Александр, либо Константин и дружественном договоре с греками [8. 19 IV. Р. 1].

В складывавшейся ситуации все более важную роль стала играть международная поддержка греческого восстания. Со ссылкой на новости, поступившие с границ Османской империи в Аугсбург 19 марта, газета сообщила о второй прокламации А. Ипсиланти к грекам и материальной помощи греков Одессы в размере 1 млн пиастров, а также о русских офицерах, которые встали под знамена мятежного князя, о расширении восстания в Валахии и даже о присоединении к силам Ипсиланти высланных против него османскими властями сил. Одновременно, ссылаясь на новости, полученные 19 марта во Франкфурте из Ясс, в публикации сообщалось, что войска А. Ипсиланти состоят из 20 тыс. «арнаутов, молдаван и греков» [8. 19 IV. Р. 2].

В конце апреля — начале мая 1821 г. основные сведения о происходившем в Молдавии и Валахии черпались «Gazette van Gend», судя по всему, из немецких источников. Это предположение подтверждается тем, что основные ссылки в публикациях газеты делались на новости, поступающие из Франкфурта [8. 23 IV. Р. 2]. 10 мая 1821 г. «Gazette van Gend» также привела информацию из Вены от 29 апреля и сообщила о том, что в центре внимания конгресса в Лайбахе (26 января — 12 мая 1821 г.), помимо рассмотрения вопроса о Королевстве Сардиния, был «мятеж в Молдавском княжестве, Валахии и Морее». В том же номере газеты была напечатана заметка с новостью из Аугсбурга от 5 мая, информировавшая, что «в последних письмах из Бухареста говорится, что принц Ипсиланти вошел сюда в сопровождении Теодора Владимиреско и самых старших бояр» [8. 10 V. Р. 1].

По мере усиления присутствия «греческой темы» в европейской политике, ее международный аспект приобретал все большее значение. Именно поэтому 14 мая «Gazette van Gend» опубликовала информацию из Вены от 1 мая о продолжавшемся распространяться слухе по поводу вероятного проведения некоего общеевропейского конгресса. Эта новость соседствовала с другой: сведениями о расширении масштабов восстания в Греции, а также с сообщением из Одессы о заключенном между А. Ипсиланти и князем А. Кантакузином (высокопоставленным российским военным и государственным деятелем) некоего соглашения [8. 14 V. Р. 1]. Позиция российских властей в отношении действий А. Ипсиланти в данном контексте становилась одной из важных тем, связанных с «греческим вопросом». В данной связи фламандская газета опубликовала 21 мая 1821 г. информацию из Вены от 6 мая. В ней сообщалось о получении 14 апреля (т.е. с опозданием чуть меньше месяца) из Ясс сообщения о том, что «в соответствии с собственным решением императора Александра, российский консул в Яссах издал две прокламации, обнародованные 9 апреля. В первой, он открыто приказывает князю Ипсиланти и его сторонникам отправиться

в Россию и ожидать решения Его Величества относительно их судьбы, в противном случае они будут рассматриваться как возмутители общественного спокойствия и не только столкнутся с требованиями османского правительства, но также будут нести ответственность, когда окажутся перед судом в России» [8. 21 V. P. 1]. Во втором воззвании, как сообщала газета, «всех молдаван, которые присоединились к повстанцам вопреки своему долгу, призывают вернуться к порядку и повиновению своему законному правителю, как единственное средство избежать наказания, которое императорский суд наложит на тех, кто продолжит бунтовать». В конце этой прокламации, что отмечалось в публикации, заявлялось: «Пусть все молдаване убедятся, что спокойствие и счастье этой земли может зависеть от их подданных!». Содержание двух обращений представителя российских властей соседствовало с сообщением о том, что на конгрессе в Лайбахе было принято решение о проведении нового конгресса в сентябре 1822 г. во Флоренции, что давало читателю основания сделать вывод о важности «греческого вопроса» в повестке дня этой встречи [8. 21 V. P. 1].

Очередная публикация газетой 28 мая 1821 г. сообщения от 12 апреля о событиях в самой Греции, на этот раз, полученного уже с Ионических островов, находившихся под протекторатом Великобритании, была интересна не только с точки зрения представленных читателю фактов, но и содержавшегося в материале анализа. Так, в частности, отмечалось, что «греческая революция расширяется с каждым днем и набирает силу», а события в Дунайских княжествах «были всего лишь сигналом к восстанию и ложным наступлением с целью защиты более важных движений» [8. 28 V. P. 1]. Одновременно сообщалось о том, что «вся Морея восстала». В этой связи перечислялись основные регионы, где греческие повстанцы фактически изгнали турок. При этом в публикации обращалось внимание на совместные действия греков и албанцев в борьбе против османских войск, а также говорилось о связях Али-паши Янинского с А. Ипсиланти, к которому в Бухарест был послан советник первого Дукас [8. 28 V. P. 1]. Здесь необходимо отметить, что, судя по всему, речь шла об известном греческом просветителе и религиозном деятеле архимандрите Неофитосе Дукасе — члене «Филики Этерии» — активно действовавшем в Трансильвании. Сведения о его непосредственных связях с Али-пашой, вероятно, отражали распространившиеся тогда слухи, так как в школьные годы Дукас учился в Янине, откуда позже перебрался в Бухарест (подробнее о нем см. [9]).

Особое внимание в материалах «Gazette van Gend» с конца мая 1821 г. придавалось сведениям о сформированных греческими повстанцами региональных органах власти, что было обусловлено начавшими поступать, хотя и с большим опозданием новостями. 31 мая в специальной публикации, основанной на сообщениях с Ионических островов от 28 апреля, говорилось о том, что «основной заботой временного правительства Мореи было обращение к туркам во всех городах полуострова, которым они гарантировали личную безопасность и безопасность имущества, а также религиозную свободу и равенство перед законом, но варвары ответили на эту щедрость убийством христианских женщин, детей и старейшин, снова используя репрессии в отношении греков» [8. 31 V. P. 1]. Одновременно в этом же сообщении появилась первая информация об «амазонке с острова Спеце, героизм которой упоминался в последнее время, по имени Бабулина», о ставшей впоследствии известной участнице войны греков за независимость Ласкарины «Бобулины» Пиноци [8. 31 V. P. 1].

Сочетание восстания в Греции с восстанием в Валахии создавало в публикациях фламандской газеты представление об этих событиях, как способных

серьезно повлиять на ситуацию в Балканском регионе в целом. 4 июня 1821 г. «Gazette van Gend» со ссылкой на сведения, датированные 3 мая 1821 г. из болгарского города Видин, находившегося в Османской империи, опубликовала материал о том, что «греческая армия [греческие повстанцы] в Молдавии разделены на три корпуса, во главе первого из них стоит князь Ипсиланти, стремящийся достичь Силистры и завладеть черноморским побережьем. Со своей стороны, Теодор [Тудор Владимиреску] собирается пересечь Дунай, осадить г. Никопол, развернуться на Софию с тем, чтобы расширить восстание на Болгарию и Сербию. Богатый князь Кантакузин, потомок семьи древнего греческого императора, объединился с Ипсиланти» [8. 4 VI. Р. 1]. По сведениям из Триеста, ставшими известными в Вене 21 мая и опубликованными в «Gazette van Gend» в том же номере 4 июня 1821 г., «у греков есть 300 вооруженных кораблей на море, где они ведут войну с турецким военным и торговым флотом и уже захватили фрегат и три брига» [8. 4 VI. Р. 1]. В той связи особое значение приобрели сведения из Генуи от 6 июня со ссылками на миланские газеты об успешных операциях флота повстанцев, которые свидетельствовали о серьезных поражениях Османской империи [8. 21 VI. Р. 1].

Из самой Греции новости приходили также с большим опозданием, но, несмотря на это, «Gazette van Gend» поместила 25 июня корреспонденцию из Салоник от 25 мая, судя по всему, полученную от греческой стороны. В сообщении говорилось о том, что «город Серрес [Сере], находящийся на расстоянии одного дня пути отсюда [Салоник] почти окружен македонскими горами (имелись в виду жители горного массива, а не этническая группа. — *Ар.У.*), которых называют арматолами. Мы, в свою очередь, испытываем судьбу на суше, в то время как с берега нас прикрывает греческий флот» [8. 25 VI. Р. 1]. В контексте более свежих новостей из Одессы, Мессолонги и Константинополя эти сведения лишь усиливали ощущение неизбежности серьезного военного конфликта с участием великих держав. Так, в частности, со ссылкой на полученное в Аугсбурге из Одессы 14 июня и датированное 25 мая сообщение, газета написала о распространившихся слухах относительно захвата турками русского корабля на Дунае и предположила, что это может привести к серьезным последствиям в случае подтверждения. Одновременно в том же материале из Аугсбурга «Gazette van Gend» ссылалась на сведения, полученные уже из Ливорно относительно продолжавшейся обороны греческими поставками Мессолонги и их успешных действиях против турецкого флота, перевозившего войска из Малой Азии для помощи осаждавшим этот город силам [8. 25 VI. Р. 1].

В начале июля 1821 г. фламандская газета опубликовала новости, получаемые непосредственно в Генте со ссылкой на свежие германские газеты, о расширявшейся войне греков за свою независимость. Эта информация, датированная днем выхода в свет номера «Gazette van Gend», была свежей. Однако подавляющая часть новостей о событиях, связанных с развертывавшейся борьбой греков против Османской империи, продолжала появляться в издании с разной степенью опоздания. Свидетельством этого были полученные с Корфу в Британии новости о том, что ранние сообщения о смерти Али-паши Янинского оказались не соответствующими действительности [8. 9 VII. Р. 2].

Ожидание возможного русско-турецкого конфликта, распространившееся в дипломатических кругах, являлось одной из тем европейской прессы и 16 июля 1821 г. «Gazette van Gend», во многом отражавшая этот тренд, сообщала со ссылкой на новости, циркулировавшие до середины июня 1821 г. и ставшие известными газете по сообщениям из Вены 4 июля, о том, что

российский посол прекратил отношения с властями Османской империи. Это объяснялось его протестом против их действий и о «медленном нарастании ненависти турок в отношении греков», что выразилось в убийствах и погромах [8. 16 VII. Р. 1]. На основании поступившей 10 июля во Франкфурт информации из Вены, на которую ссылалась газета, делался вывод о том, что «Россия объявила войну Порте» и о возможности вовлечения в нее Австрии, «несмотря на все, что она [Австрия] делала, чтобы избежать ее» [8. 16 VII. Р. 1]. 19 июля 1821 г. фламандская газета сообщала о том, что «день ото дня общественное мнение в России склоняется все больше в пользу греков» и о распространении нескольких брошюр с воззваниями князя Д. Ипсиланти к европейцам, в которых, помимо описания страданий греков на протяжении нескольких веков под турецким игом, содержался призыв к европейским правительствам продемонстрировать поддержку христианской нации, выступить в защиту прав греков и признать независимость Греции [8. 19 VII. Р. 1].

Сама тональность описываемых в публикации газеты событий, имевших непосредственное отношение к борьбе греков не вызвала сомнений о греческих настроениях «Gazette van Gend». Так, в частности, ссылаясь на сведения, доставленные с Корфу и относившиеся к 28 июня, в материале, опубликованном 23 июля, говорилось о том, что «новости из Греции весьма удовлетворительные. Известно, что города Салоники, Афины, укрепление Патраса, крепости Модон [Метони] и Корон [Корони] на Пелопоннесе и столица Триполис [Триполис] находятся в руках греков» [8. 26 VII. Р. 1]. На этом фоне особое значение приобрела информация об активности отдельных и наиболее известных в Европе руководителей восстания: газета сообщала о том, что «князь Деметриус Ипсиланти, переодетый домашним слугой, путешествовал по Австрии, сел на корабль с молодым князем Кантакузином 8 июня в Триесте, и был замечен 15-го числа на Корфу и прибыл оттуда на Пелопоннес. Появление этих двух молодых князей и многих других греков, известных своими талантами, не может не послужить лучшему руководству общими делами Греции» [8. 26 VII. Р. 1].

К концу июля 1821 г. тема русско-турецкой войны, активно присутствовавшая в европейской прессе и сообщениях из Константинополя, на которые ссылалась «Gazette van Gend», стала также предметом особого внимания при подборке материалов, помещавшихся на ее страницах [8. 30 VII. Р. 1]. Усиливавшееся присутствие греческого восстания в общественно-политическом пространстве европейских стран вело к активизации местных греков, готовых принять участие в борьбе Греции за независимость. В середине августа 1821 г. «Gazette van Gend» сообщила со ссылкой на сведения, полученные в Каталонии с Ионических островов, о том, что греки, ранее состоявшие на иностранной службе, стали уезжать «на помощь своей стране», например, группа добровольцев из Триеста отправилась в Морею во главе с Д. Ипсиланти и Кантакузином. Тем временем в Фессалии, как следовало из того же материала, над турецкими войсками одержал ряд побед легендарный Одиссей Андруцос, который фигурировал в публикации фламандской газеты под латинизированной формой его имени как Улисс [Ulysses] [8. 13 VIII. Р. 1].

Продолжавшееся ожидание масштабного военного столкновения Российской и Османской империй, а также интернационализации греко-турецкого конфликта сопровождалось и во многом подпитывалось поступающими в прессу европейских государств сообщениями. 13 августа 1821 г. «Gazette van Gend» опубликовала по этой теме материал из Франкфурта, датированный 6 августа

и полученный из Вены. Фламандская газета сообщала об ультиматуме России Порте, включавшем несколько пунктов. В них, как достаточно подробно раскрывалось в публикации, «Морея, Нижняя Албания, Фессалия и все побережье Греции, а также острова, оставались бы свободными под суверенитетом Порты и населенные только греками, были бы под управлением правительства, похожего на те, которые существовали у швейцарских кантонов. Турки, населявшие эти земли, должны были эвакуироваться на протяжении шести месяцев, но имели бы право на продажу своего имущества. 2. Верхняя Албания, Герцеговина, Босния, линия гор, объединяющая провинции, расположенные далеко по берегам Дуная, а также Болгария и Фракия останутся за турками, и христианам придется покинуть эти страны на тех же условиях, что и туркам Грецию. 4. У Молдовы, Валахии и Сербии будет конституционное правительство, которое навсегда освободит их от влияния бояр, они будут полностью отделены от Османской империи и будут управляться как государства-страны под защитой двух великих держав». В заключение данного сообщения в газете делался вывод о том, что «поскольку более чем вероятно, что эти предложения не будут приняты Портой, война считается неизбежной» [8. 13 VIII. Р. 1]². Данная информация, как и некоторые другие сообщения, публиковавшиеся в европейской прессе, откуда они перепечатывались газетой, хотя и не отвечала действительности, тем не менее, свидетельствовала о распространявшихся в общественно-политических кругах предположениях относительно вероятной роли России в решении «греческого вопроса».

Сочетание сведений о военно-политической ситуации в контексте греческой войны за независимость с развивавшимся в Европе филэллинским движением становилось частью общей новостной тематики «*Gazette van Gend*». Так, в частности, газета опубликовала 20 августа сообщение о том, что «во многих городах Германии, женщины, движимые христианскими чувствами, которые сподвигли их на помощь раненым и другим несчастным в предыдущих войнах, ныне стремятся определить какую пользу они могли бы представить для греков» [8. 20 VIII. Р. 1].

Обострение международной ситуации как особое направление новостных публикаций в прессе европейских стран все больше приобретало различные интерпретации. Они обуславливались просачивавшимися из правительственных и дипломатических кругов отрывочными сведениями [8. 23 VIII. Р. 1]. Эти новости публиковались вместе с материалами об усилении австрийских войск на границе с Турцией и расколе в стане повстанцев в Валахии. Так, в частности, сообщалось о действиях Савы Бимбаши (*Sava Căminarul*) — одного из их руководителей и сподвижников А. Ипсиланти, покинувшем своего союзника и согласившимся на мирные переговоры с турками, но был все равно убит последними. В этой связи фламандская газета писала, что «Каминари Сарва, который предал князя Ипсиланти и объединился с мусульманами», надеялся получить прощение, и попытался скрыться в Брашове (в тексте использовалось немецкоязычное название Кронштадт), входившем в состав Австрии [8. 23 VIII. Р. 1]. Опубликованная в том же номере «*Gazette van Gend*» информация из Аугсбурга от 13 августа сообщала с явным опозданием о том, что «князь Ипсиланти, прибывший в Венгрию, был препровожден в сопровождении

² При перечислении пунктов якобы представленного Россией ультиматума Турции, отсутствовал третий пункт и после второго следовал четвертый без каких-либо указаний на пропуск этого пункта, что могло быть объяснено либо его отсутствием в оригинале полученного фламандской газетой сообщения, либо типографской ошибкой, что ранее в текстах газеты встречалось очень редко.

австрийского офицера и заточен в крепости Мукачево (имелся в виду замок Паланокю. — *Ар. У.*)» [8. 23 VIII. Р. 1].

Таким образом, борьба греков за независимость все больше приобретала международное измерение. Это нашло отражение и в расширявшемся филэллинском движении в Европе. Данный факт отражался в публикациях фламандской газеты, поместившей в конце августа 1821 г. краткое сообщение о многих сторонниках сражавшихся греков из Испании, которые «направляют артиллерийское вооружение, снаряжение и др. в большом количестве, а из Неаполя и Пьемонта направляются офицеры пехоты и артиллерии, а также испанские добровольцы, которые едут в Грецию, чтобы предложить свои услуги» [8. 30 VIII. Р. 1].

Публиковавшиеся фламандской газетой сообщения из Пруссии и Австрии в конце августа — начале сентября 1821 г. выявили их особенность. Она заключалась в постоянном присутствии алармистских настроений, связанных с ожиданием скорого начала масштабного военного конфликта, участниками которого, в первую очередь, должны были стать Россия и Турция, а при определенных условиях и Австрия [8. 3 IX. Р. 1]. Вполне естественной в данном контексте становилась тема будущего греческого государства и его устройства. Фламандская газета пересказала информацию одного из французских периодических изданий, в котором появилась статья, содержащая сведения о том, что «лондонские игроки делают ставки по поводу Турции». При этом, как отмечалось, «одни заявляют о разделении империи на три части, как это было с Польшей; другие говорят о восстановлении греческой империи. Те, кто довольствуются заменой великого турка греческим князем, сталкиваются с трудностями выбора, ибо помимо семьи Комнина, нет других претендентов на греческий престол» [8. 3 IX. Р. 1].

Несмотря на частое запаздывание информации непосредственно с мест событий на европейской «периферии», характерное даже для крупных европейских газет, материал из Константинополя, датированный 1 августом 1821 г., помещенный «*Gazette van Gend*» в номере от 10 сентября, давал общее представление о ситуации. Так, в частности, в нем обращалось внимание на то, что «26 июля были получены сведения с Пелопоннеса, которые Диван (высший административный орган при султанах. — *Ар. У.*) держит в тайне, но народ чувствует, что эти новости неприятные. Из уст в уста передают, что день ото дня греки становятся сильнее, что они многого достигли и что турецкая армия полностью уничтожена. На следующее утро 27 числа появилось несколько банд убийц, которые долгое время наводили ужас на эту столицу, и решили не обращать никакого внимания на фирман против беспорядков; к ним присоединилось большое количество янычар; они врывались в магазины греков; грабили их, и более 200 торговцев были убиты» [8. 10 IX. Р. 1].

Борьба греков за независимость получала все большее освещение в публикациях газет и журналов европейских государств. В этом отношении фламандская газета, несмотря на региональный характер, ничем не уступала им, за исключением опозданий в получении свежих сведений. В середине сентября 1821 г. она сообщила со ссылкой на полученную с Корфу информацию относительно прибытия из Марселя в Мессолонги одного из руководителей греческого восстания А. Маврокордатоса, которого сопровождали несколько французских офицеров и молодых греков. Газета опубликовала сведения о том, что сулиоты и местные жители Парги смогли сломить силы турецкой армии и албанских отрядов, часть которых оказалась блокирована в городской крепости.

Одновременно «Gazette van Gend» также сообщила, что на помощь грекам направились много добровольцев-офицеров из Неаполя и Пьемонта [8. 17 IX. Р. 1]. Газета, ссылаясь на сообщения из Италии, писала о «завершении создания» повстанцами правительства на Пелопоннесе, а также о том, что «два временных правительства в Афинах и Морее имеют представителей [...], которые должны отправиться в Петербург с просьбой о помощи у Российского императора. Их ожидают в Триесте» [8. 17 IX. Р. 1].

Победы греческих повстанцев, о которых сообщила газета 20 сентября 1821 г., ссылаясь на сообщения с о. Закинф, ставшими известными в Ливорно еще в начале сентября, перепечатывались ею без изменения восторженной тональности в отношении греков и свидетельствовали об укреплении позиций восставших. Это нашло отражение в материале «Gazette van Gend» о том, что О. Андрусос, продолжавший фигурировать в статье под его латинизированной формой имени как Улисс, сумел собрать от 24 до 26 тыс. бойцов, атаковал войска янычар, насчитывавшие от 14 до 20 тыс. человек и нанес им два поражения [8. 20 IX. Р. 1]. В продолжение ранее опубликованного сообщения о действиях Савы Бимбаши, «отколовшегося» от А. Ипсиланти, и искавшего примирения с турецкой стороной, «Gazette van Gend», ссылаясь на немецкую газету «Allgemeine Zeitung», опубликовала материал, в котором говорилось, что на основании подтвержденных сведений С. Бимбаши был приговорен к смертной казни турками, а «арнауты, болгары и пандуры (местное крестьянское ополчение. — *Ар.У.*) (подробнее об этом в [10]), последовавшие за предателем, оказали ожесточенное сопротивление и убили много турок на улицах Бухареста, но последние закончили тем, что подожгли то место, где находились арнауты и другие, так что все они сгорели, а с ними и часть города» [8. 20 IX. Р. 1].

В то же время, сохранялась неопределенность в вопросе о судьбе А. Ипсиланти, задержанного в Австрии. 24 сентября «Gazette van Gend», ссылаясь на сведения из Аугсбурга, сообщила о том, что он «был освобожден из замка в Мукачево по приказу князя Меттерниха и, как говорят, направился в Триест для того, чтобы отправиться в Грецию. В случае подтверждения этого, император Александр использовал свое вмешательство в пользу Ипсиланти» [8. 24 IX. Р. 1]. Наряду с данным сообщением, фламандская газета опубликовала и другое, так же требовавшее подтверждения. Оно касалось уже некоего «отрывка из заявления, которое, как говорят, было сделано русским двором в адрес великих держав». В нем, в частности, говорилось о том, что «император Александр повторил свои уверения в желании сохранить мир; но как на политический аргумент против этого он сослался на общественное мнение христианских народов, которое сейчас выражается в России, где все классы населения выражают столь сильный энтузиазм в желании оказать помощь своим единоверцам, что было бы неразумно не удовлетворять это желание или принимать меры, которые противоречили бы этому желанию, поскольку религия, человеческая цивилизация поддерживают то же желание, и удовлетворить это желание означает отсутствие ущерба для правил, признанных суверенами за основы их правления» [8. 24 IX. Р. 1].

Публикации фламандской газеты о происходивших в ходе борьбы греков за независимость событиях отражали общие тенденции, господствовавшие на тот момент в европейской периодической печати. Так, в частности, 27 сентября она сообщила со ссылкой на поступившие из Ливорно сведения о том, что при отступлении после поражения, нанесенного греческим флотом, турецкие корабли направились к о. Хиос и напали на два австрийских судна и одно

из Рагузы под французским флагом. Как отмечалось в материале, «турецкий капитан убил команду и стал обладателем 20 тыс. таллеров, которые он нашел на борту австрийских кораблей». Попытки губернатора Хиоса предотвратить нападение не привели к результатам, так как капитан «не хотел слушать о чем-либо, и после того, как он уничтожил корабли, направился к [берегам Малой] Азии» [8. 27 IX. Р. 1].

Тем временем, ситуация в Валахии свидетельствовала об усилении репрессий со стороны турок в отношении мирного населения, о чем сообщала и фламандская газета со ссылкой на поступившие из Польши сведения. Она опубликовала материал об «ужасающих картинах зверств мусульман там», приводя как пример расправу над жителями одного небольшого городка в Валахии, где «жертвы были повешены на столбах у церкви» [8. 15 X. Р. 1]. В самой Греции, как отметила фламандская газета 15 октября, ссылаясь на информацию с Ионических островов, относившуюся к началу предыдущего месяца, войска под командованием князя Д. Ипсиланти и Кантакузина захватили Навплион, Монемиасию и Наварино. Одновременно сообщалось о прибытии в Морею «греческого князя по имени Маврокордато», вместе с которым высадилось «множество офицеров, получивших половину оплаты, из числа французов, англичан, итальянцев, немцев, саксонцев, греков, находящихся на русской службе, а также рядовых солдат, оружия и всех видов боевой амуниции» [8. 15 X. Р. 1].

Информация из Греции, как она освещалась в начале ноября 1821 г. в публикациях «*Gazette van Gend*», основывавшаяся на данных из Италии, свидетельствовала о все большем усилении повстанцев и их флота, а также о помощи, оказываемой греческими диаспорами, в частности из России, когда торговый дом известного предпринимателя и мецената в Таганроге происходившего с о. Псара И. Варвакиса пожертвовал греческим повстанцам в Морее 100 тыс. рублей [8. 5 XI. Р. 1].

В складывавшихся условиях важными становились новости о позиции отдельных великих держав. В этой связи сведения, опубликованные в «*Gazette van Gend*» 15 ноября 1821 г., хотя и относились к началу предыдущего месяца, давали в целом представление о политике Лондона. В материале, помещенном в газете, сообщалось о действиях британских властей Ионических островов, достаточно жестко реагировавших на любые проявления симпатий местных жителей в отношении греческих повстанцев. Одновременно в публикации было отмечено большое количество сторонников России на о. Корфу и сообщалось о крайне настороженном отношении британцев к этому факту [8. 5 XI. Р. 1].

Тем временем европейская пресса в конце октября — начале ноября 1821 г. увеличивала количество сообщений о действиях греческих повстанцев и их успехах в борьбе с османскими войсками. Фламандская газета, активно перепечатававшая эту информацию, публиковала детали происходившего, и 19 ноября она поместила материал из Константинополя, датированный 21 октября. В нем говорилось о том, что в столице Порты распространяются слухи о поражении турецких сил от Морей до Ларисы и их полном разгроме [8. 19 XI. Р. 1].

Публиковавшиеся 3 декабря 1821 г. фламандской газетой сведения, хотя и относившиеся к концу октября, о созыве съезда представителей восставших на Пелопоннесе с целью создания правительства, свидетельствовали о новом этапе борьбы греков за независимость. Более того, «*Gazette van Gend*» сообщила о прибытии еще в начале августа 1821 г. на Пелопоннес известного британского филэллина и полковника в отставке Т. Гордона вместе с несколькими

английскими и французскими офицерами на корабле, доставившем греческим повстанцам оружие и снаряжение, а также о назначении его командующим в г. Триполис [8. 10 XII. Р. 1].

На этом фоне развитие ситуации в самой Греции свидетельствовало о постепенном превращении повстанческих сил и их администрации в реальную политическую силу. Об этом сообщалось и в публикации информации с о. Закинф о том, что «Временное правительство повстанцев разделило Грецию на шесть областей, в частности Эпир, Македонию, Фессалию, Аттику, Пелопоннес и Архипелаг». В этом же материале говорилось как о создании Сената в составе 30 членов и местных органов власти, так и о переезде центрального органа восставших из Каламаты в Триполис [8. 13 XII. Р. 1].

Как становилось ясно, для великих держав создавались новые условия, в которых они уже не могли не считаться с происходящими изменениями. Особенно это касалось Великобритании, продолжавшей официально придерживаться политики «строгого нейтралитета», осуществляя, в то же время, администрирование государством Ионических островов, жители которых — греки сочувствовали повстанцам. Поэтому сведения с островов, появлявшиеся во фламандской газете, представляли особую ценность, так как давали представления об английской политике в момент усиления войны греков за независимость. Несмотря на фактически месячное опоздание, эта информация позволяла составить детальное представление о происходящем. В опубликованном 17 декабря 1821 г. «*Gazette van Gend*» материале, явно переопубликованном из британской прессы, говорилось о том, что в различных частях Семи островов начались выступления, «вызванные защитой и дружеским расположением в отношении турок со стороны английских властей, в то время как устроены широкие гонения на греков, и, говоря прямо, демонстрируется враждебное отношение, что вызывает обеспокоенность нашего (британского. — *Ар.У.*) правительства и волнует лорда-комиссара. Почувствовалось, что объявления военного положения было недостаточно, чтобы успокоить умы, что эти строгие меры, напротив, усилили горечь жителей, и легко признать, что, коль скоро был объявлен нейтралитет, необходимо придерживаться его по отношению к двум противоборствующим сторонам» [8. 17 XII. Р. 1]. В условиях, когда восстание, как сообщила фламандская газета на основании новостей, полученных из Мессолонги на Ионических островах, разрасталось и охватило полностью Эпир, а к нему присоединились албанцы-христиане и мусульмане, а также владыки, великим державам, включая Британию, становилось все трудней рассчитывать на продолжение исключительно дипломатических способов решения «греческого вопроса». Это было тем более очевидным, когда в европейской печати, включая и фламандскую «*Gazette van Gend*», публиковались материалы об ожесточенности боев. Один из подобных эпизодов описывался в материале газеты, сообщавшей, что осажденные в Патрах и уже согласившиеся на капитуляцию турецкие войска, получив сведения от предателя в рядах греческих повстанцев о том, что на помощь им выдвинулся турецкий флот с присоединившимися к нему британскими кораблями, вырвались из окружения. Помимо боевых действий в самой Греции восстание продолжалось в Молдавском княжестве и фламандская газета сообщила о том, что в их ходе ряд руководителей, включая Йоргаки Олимпиоса — известного деятеля «Филики Этерии» и одного из вождей восстания в Валахии и Молдавии, погибли в боях с турками [8. 17 XII. Р. 1] (подробнее об этих событиях см. [11]).

К концу декабря 1821 г. «греческая тема» в европейской печати включала все больший объем информации, касающийся деятельности новых органов власти, создававшихся повстанцами. Несмотря на уже упоминавшееся выше запаздывание в получении сведений, а иногда и откровенную недостоверность информации, фламандская газета все-таки достаточно точно сообщала о происходившем как в самой Греции, так и обо всем, что было связано с «греческим вопросом» [8. 24 XII. Р. 1]. Политическая деятельность повстанцев, направленная на формирование собственных органов власти и управления в подконтрольных им областях становилась новой темой сообщений о «греческих событиях» как в европейской печати, так и «Gazette van Gend», которая являлась ее естественной составной частью. Практически на протяжении всего первого года Греческой революции и вплоть до конца декабря 1821 г., фламандская газета информировала читателей о ее ходе достаточно подробно, несмотря на отсутствие у нее равных с европейскими новостными изданиями возможностей, используя, при этом, сложившуюся на тот момент в Европе практику перепубликаций из иностранной прессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Van de Kamp R.* Een Philhelleense Odyssee: Nederlandse vrijwilligers in de Griekse Onafhankelijkheidsoorlog 1821–1829. Amsterdam, 2020.
2. *Улунян Ар.* Особенности концептуализации этнокультурной и региональной идентичности в современной европейской академической и общественной дискурсивной практике (Опыт Португалии, Испании, Италии, Франции, Германии, Нидерландов, Дании и Великобритании) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 9 (63) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. — <http://history.jes.su/s207987840002029-0-1> (дата обращения: 31.08.2020). DOI: 10.18254/S0002029-0-1.
3. *Van De Velde P.* De drukkersfamilie Vander Haeghen en de «Gazette van Gent» // Oost-vlaamse zanten: driemaandelijks algemeen tijdschrift voor volkskunde. 2002. № 1–2.
4. *Vander Haeghen F.F.E.* Geschiedenis der Gazette van Gent. Gent, 1906.
5. *Van Impe S.* Mediamagnaten in de Oostenrijkse Nederlanden? De uitgevers en redacteurs van de Gazette van Antwerpen in de achttiende eeuw // De Gulden Passer. 2013. Vol. 91. Iss 2.
6. *Warzée A.* Essai historique et critique sur les journaux belges: journaux politiques. Bruxelles, 1845.
7. *Goossens B.* Beeldvorming over het Oosten. De Griekse onafhankelijkheidsstrijd in de contemporaine pers van de Zuidelijke Nederlanden. (1821–1832). Masterproef neergelegd aan de Faculteit Letteren en Wijsbegeerte van de Universiteit Gent voor het behalen van de graad van Master in de Geschiedenis. 2008–2009. [Электронный ресурс] — https://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/366/501/RUG01-001366501_2010_0001_AC.pdf (Дата обращения: 27.07.2020)
8. *Gazette van Gend.* 1821.
9. *Χαριλάου Ν.* Ο Νεόφυτος Δούκας και η συμβολή του στο νεοελληνικό Διαφωτισμό. Αθήνα, 2002.
10. *Dieaconu D.* Panduri, arnăuți, haiduci și tâlhari la 1821 // Muzeul Național. 2014. Vol. XXVI.
11. *Γκαϊντατζή Ν.* Τα γεγονότα του 1821 στη Βόρεια Μολδαβία: Γεωργάκης Ολύμπιος και Ιωάννης Φαρμάκης // Μακεδονικά. 1973. 13(1).

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ: КОНТУРЫ ИЗМЕНЧИВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (К 85-летию со дня рождения)

© 2021 г. Э.Г. Задорожнюк

Д-р ист. наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН

elzador46@mail.ru

В статье рассмотрены мировоззренческие позиции В. Гавела, повлиявшие на особенности его политического курса, политических предпочтений и заявлений. Такой анализ помогает найти ответ на вопрос о причинах как сохраняющейся популярности Гавела среди своих сограждан, так и авторитета на международной арене. Важными элементами в мировоззрении Гавела являются идеи о взаимосвязи человеческой, национальной и цивилизационной идентичности, а также «идеологическое» обоснование антикоммунизма. Ключевыми концептами в выявлении ее специфики можно считать абсурд и постмодернизм, как они явлены еще в начале становления Гавела-мыслителя.

The article considers Vaclav Havel's worldview as much as it contributes to understanding of the peculiarities of his political course, political preferences and statements. Such an analysis helps to find an answer to the question about the reasons for Havel's continued popularity both among his fellow-citizens and in the international arena. Important elements in Havel's worldview are the ideas about the relationship between human, national and civilizational identities, as well as the «ideological» justification of anti-Communism. Absurdism and Postmodernism might be identified as the key concepts in identifying its specifics, as they were manifested at the early stage of Havel's formation as a thinker.

Ключевые слова: Чехословакия, идентичность, драматургия абсурда, Хартия 77, антикоммунизм, гуманизм, евроатлантизм.

Keywords: Czechoslovakia, identity, dramaturgy of absurdity, Charter 77, anti-Communism, humanism, Euro-Atlantism.

DOI: 10.31857/S0869544X0012782–3

Если под мировоззрением понимать систему взглядов человека на мир и принципы поведения в нем, выводимые из убеждений, идеалов и ценностей, то его контуры обнаруживаются у Вацлава Гавела (1936–2011) и легко, и с трудом. Легко, потому что он вошел в историю как человек, который смог задать новые ракурсы воззрениям на социальный мир как последовательный антикоммунист, а также как создатель и носитель набора моральных ценностей и норм, основанных на присущем ему видении основ демократии и прав человека. Трудно, потому что его мировоззренческие позиции отличались

постоянной изменчивостью, моральным релятивизмом, признаками постмодернистского характера. Все это так или иначе высвечивалось в его художественном творчестве и в разных формах политической активности.

«Философ на троне» — так часто характеризовали многие мыслители и политики Томаша Гаррига Масарика. Так именовали и Вацлава Гавела, правда, не все и не всегда.

Гавел был знаком с философскими системами античности и Нового времени, они во многом определили не только его мировоззренческие позиции, но и повлияли на характер политической деятельности поначалу диссидента, а затем ведущего политика двух стран — Чехословакии и Чехии. Он постоянно выражал свою приверженность философским идеям мыслителей европейского Запада, самого Масарика в их числе, — но не в меньшей мере признавал высоко значимыми идеи Конфуция и Будды, матери Терезы и Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга и Далай-ламы. Часто апелляции к ним не столько носили эклектичный характер, сколько манифестировали последовательность в отстаивании идей гуманизма даже в отнюдь не однозначных трактовках Гавела. И все же столь яркие его ориентиры отбрасывали довольно густую тень, когда Гавелу приходилось оправдывать возвышенными аргументами достаточно прагматичные внутри- и внешнеполитические акции.

Одна из главных причин неувовимости мировоззренческих позиций Гавела заключается в том, что его установки как диссидента и президента трудно отличить от последовательного антикоммунизма как политической философии. При этом истоки коммунизма — идейного продукта Запада — в меньшей мере рассматриваются Гавелом. Для него он — продукт, скорее, Востока, причем, в первую очередь, российского или, по его словам, евразийского. А поскольку коммунистические идеи и практика социализма были во многом привнесены в Чехословакию из СССР, то они связывались и с антисоветизмом, перетекающим в недоверие к России, и даже с элементом русофобии.

После краха коммунизма и распада СССР недоверие должно было бы исчезнуть, но Гавел уже с начала 1990-х годов постоянно говорил об отсутствии у России европейской идентичности, называя ее при этом «евразийским громадным государством». Фоном таких оценок является форсированная приверженность лидеров посткоммунистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы идеям демократии, прав человека и открытого общества, а также платформа «евроатлантизма», ориентированного на их защиту.

Более важный элемент в мировоззрении Гавела — идеи о взаимосвязи человеческой, национальной и цивилизационной идентичности, обосновываемые на всем протяжении его духовной жизни. Очарование западной разнообразностью последней вывело его в ряды наиболее востребованных социальных мыслителей — защитников прав человека и демократических ценностей, но в том же западном их варианте.

Надо сказать, что сам Гавел особо не заботился о цельности и непротиворечивости своих мировоззренческих позиций. Вследствие этого и их реконструкция сопряжена с рядом трудностей, а однозначная оценка достигается с трудом. Правда, он постоянно исходил из некоторых узнаваемых и определенных ценностей: Бог, нравственная ответственность, гражданское общество — однако не всегда взаимно увязывая их, а объединяющую их платформу антикоммунизма трактуя чрезмерно расширительно [1–6].

В статье с опорой на работы В. Гавела самого разнообразного жанра (эссе, письма, заявления, выступления в чешском и западных парламентах, доклады на различных внутренних и международных форумах, выступления в чешских и зарубежных СМИ и пр.) представлены этапы эволюции его мировоззрения. Их анализ может способствовать пониманию того, почему Гавела считали президентом-философом в духе Платона и гуманитарно ориентированным лидером в международной политике, часто не вникая в суть его философских позиций и морально-религиозных взглядов. При этом при внимательном прочтении нельзя не заметить расхождения его возвышенных общих идей и попыток применять их для оправдания суженных, а иногда неблагоприятных политических целей — того же оправдания бомбардировок Югославии.

Соратник Гавела М. Жантовский отметил, что в нравственную его философию можно включить три понятия. Первое — «власть безвластных», звучащее почти как лозунг, причем очень мобилизующий лозунг, хотя его, на первый взгляд, трудно реализовать в большинстве текущих ситуаций, когда власть принадлежит властным, а безвластные соответствуют своему названию. «Парадоксально, — прокомментировал автор, — но этот принцип еще хуже реализуется, когда безвластные оказываются у власти» [1. С. 14]. Второй — «жизнь по правде» (весьма похожий одновременно на лозунг Масарика «Правда победит!» и призыв Александра Солженицына «Жить не по лжи»). Наконец, третий — ответственность, коренящаяся в «правде бытия». Это понятие трактуется Гавелом предельно широко в духе культурно-религиозно-философского движения «Новый век», предполагающего постмодернистский стиль мыслей и дел (эта «правда» перекликается с идеями «Книги жизни» его деда). Все это Гавел подавал в «стилистике абсурда и в духе постмодернизма. [...] Но в конце концов Гавел как мыслитель был человеком уникальным, как уникальной являлась и его жизнь. При этом он указывал и новый путь жизни другим» [1. С. 15].

Попытку целостно охарактеризовать мировоззренческие позиции предпринял преемник Гавела на посту президента Вацлав Клаус. В книге «Где начинается будущее» он впервые ввел концепт «гавелизм», под которым подразумевал навык диссидентского движения, отвергающего политические партии; неверие в рынок и убеждение в собственной исключительности; «отождествление России с коммунизмом и любого современного русского с Брежневым» [7. С. 101]. Цельностью такое мировоззрение, по мнению «второго Вацлава», отнюдь не отличается — более того, идеалистические установки Гавела расходились с его политической практикой кардинально.

Ключевыми концептами в выявлении специфики мировоззрения Гавела, на мой взгляд, можно также считать абсурд и постмодернизм, как они явлены еще в начале становления Гавела-мыслителя. Абсурд — всегда неожиданно встречающееся пограничье смыслов, что Гавелом было осознано с должной полнотой. В то же время его понимание данного концепта не связано ни с положением раннехристианского теолога Тертуллиана: верую, потому что абсурдно, ни с противоположным: не обращаю внимания, потому что абсурдно. Второй же ключевой концепт — идентичность, и к нему Гавел обращался постоянно. С учетом этих концептов, которые визуально могут быть представлены некими ножницами вырезывания смыслов, попытаемся выявить контуры его мировоззрения.

Как продемонстрировал М. Путна, его истоки коренятся в мозаичной культуре Чехии начала XX в. и Чехословакии межвоенного периода. Многие линии этой культуры переплелись в семейном окружении молодого Вашека Гавела.

Его дед Вацлав Гавел (1861–1921) выпустил в 1920 г. «Книгу жизни», сборник статей о «проявлениях неизведанного». Но вот псевдоним взял не столько из теософии (она была выпущена Чешским теософским обществом), сколько из сферы науки — «Атом». Поначалу позитивист, он заинтересовался оккультными учениями, испытывал влияние Анны Помарровой (1860–1945) — эзотерического философа и мистика, некоего подобия Елены Блаватской, и ее приятеля, представителя чешского символизма Отокара Бржезины (1868–1929) [4].

Отец будущего президента Вацлав М. Гавел перенял этот интерес, но все же стал «масариковцем» и приверженцем «религии гуманизма». С 1923 г. он примкнул к масонам, а в 1928–1933 гг. стал председателем пражского отделения знаменитой ИМКА (YMCA–Young Man's Christian Association, Юношеская христианская ассоциация) — надконфессиональной организации, zaloженной либеральными протестантами¹. Круг его знакомых был крайне широк, в него входили политики, философы, артисты; будучи ребенком, а затем юношей, Вашек-младший знал многих из них лично. Об этом В.М. Гавел писал в воспоминаниях, выпущенных по настоянию сына в 1975 г. в самиздатовском варианте, а в 1993 г. — в виде книги. Дядя Вацлава Милош Гавел был представителем артистической богемы — и при этом неплохим кинопродюсером. Не чуждым писательству оказался и дед со стороны матери — Гуго Вавречка (1880–1952) — автор исторических произведений, сначала служащий на предприятиях Томаша Бати, обувного короля Европы, а затем журналиста и дипломата.

Каждый оставил свой след в мировоззрении как Вацлава, так и ныне здравствующего его брата, Ивана Гавела (р. 1938) — кибернетика и приверженца религий «Нового века», тоже широко мыслящего человека, помимо прочего, хранителя семейного архива.

Указанные влияния определили и своеобразный мировоззренческий синкретизм Гавела, который проявился еще в первой половине 1950-х годов. Будучи всего лишь 17-летним, он организовал «группу 36», т.е. кружок родившихся в 1936 г., мировоззренческое направление которой определил как «гуманистический оптимализм», мало соотносимый с господствующей в то время идеологией сталинизма. Уже тогда наметились и контуры внешне аполитичного морализма Гавела, который по существу не мог не получить политического резонанса; Путь указал на преемственность ряда идей «группы 36» с идеями Хартии 77² [4. С. 92]. Группа с полузапрещенными идеями Т.Г. Масарика, а также философа Йозефа Лукаса Фишера (1894–1973), дважды изгонявшегося из Коммунистической партии и возвращавшегося в ее ряды. Кружковцы встречались в кафе «Славия» и со всемирно известными уже тогда поэтами Витезславом Незвалом и Ярославом Сейфертом, деятелями искусства, религиозными мыслителями.

По свидетельству биографа молодого Гавела Д. Кайсера, тот вел интенсивную переписку с Радимом Копецким, ныне живущим своим ровесником, активно обсуждая проблемы политической философии и даже наметив контуры системы взглядов под мудреным названием гуманистический оптимализм. В письме к этому адресату от 23 марта 1953 г. — через две с половиной недели

¹ Волонтерская организация, получившая известность благодаря созданию лагерей для детей и юношества. Основана в Лондоне в 1844 г. Д. Вильямсом (1821–1905), насчитывает около 45 млн участников более чем в 130 странах мира.

² Активность членов кружка, включая характеристику «гуманистического оптимализма», подробно описана И. Беляевым [5].

после смерти И. Сталина — Гавел отметил: «Я диалектик и вижу пути слияния двух крайностей — монополистического капитализма и марксистского коммунизма и создания нового социализма» [2. S. 38]. Конечно, что-то похожее автор письма мог услышать от Фишера, но даже писать в таком духе в те времена было немалой смелостью.

Даже крайне осмотрительная активность группы, выпускавшей рукописное периодическое издание «Разговоры — 36», привлекла внимание властей, которые поступили с издателем очень просто: сделали его солдатом. С 1957 г. Гавел служил в армии, будучи, как друг Швейка Водичка, сапером. И там он нашел нишу для творческой самореализации, добавляя новые элементы в свое мировоззрение. Сначала он ставил спектакли, а потом написал пьесу под амбивалентным названием «Жизнь впереди» — как будто в армии ее быть не может. В ней обнаруживаются признаки театра абсурда, и не только абсурда, но поисков идентичности. Затем последовали работа — отнюдь не на первых ролях — в театрах Праги и другие пьесы с растущей долей философического содержания.

А в 1964 г. Гавел написал работу под абсурдистски-пафосным названием «О диалектической метафизике» — в духе обновляющегося марксизма [8]. В это время пика своей миссии достиг выходивший в Праге журнал «Проблемы мира и социализма» (1958—1990), среди редакторов и авторов которого были ведущие неортодоксальные советские и чехословацкие философы, в диалектике разбиравшиеся неплохо. В статье же Гавел особых философских глубин не открыл, но убедительно выявил опасность директивного навязывания любой системы мыслей. И тогда даже нечто очень хорошее — живая диалектика — может превратиться в что-то очень плохое. Итогом, как намекнул Гавел, станет «механическое втискивание действительности в колодки» [8. S. 141].

В статье 1964 г. просматривались и апелляции к нравственным устоям современного человека, к поиску его идентичности — в ином случае любые социальные новшества могут стать абсурдом. Статья вряд ли привлекла особое внимание марксистов — и тех, кто ратовал за обновление, и тех, кто сохранял приверженность сталинизму.

Уподобление двух концептов — абсурдизма и идентичности — двум расходящимся концам ножниц предполагает их расхождение на краях, но сближение к центру. Таковым центром можно считать ключевые политико-философские идеи Гавела — «власть безвластных» и «неполитическая политика». Это не только яркие фигуры речи и креативные оксюмороны; это пункт того, что Гегель называл переворачиванием (*der Verkehrung*). «Неполитический» Гавел, яростно защищавший свое право сидеть за письменным столом, не заботясь о сиюминутном, превращается в политика, да еще весьма умело прокладывающего путь к президентскому креслу. Вчера еще безвластные под его водительством осваивают механизмы властности, выдвигая далеко идущие планы социальных преобразований. При этом часть бывших властных не остается внакладе — достаточно вспомнить того же члена КПЧ М. Чалфу, обеспечившего в коммунистическом парламенте единогласное избрание Гавела президентом. Оксюмороны оксюморонами, а без политиков-практиков любой партийной принадлежности обходиться было нелегко, и Гавел это признавал.

Гавел не стремился стать лидером, точнее, манифестировал это нежелание. Еще в ходе создания Хартии 77 он, явно играя в ней ключевую роль, говорил своим единомышленникам: «Мне всегда хотелось быть, скорее, делателем королей, чем королем», — привел одно из его суждений Кайсер [2. S. 117]. Так

было и в другие звездные часы Гавела — неполитического политика, ставшего властвующим из числа безвластных. В ходе одного из них — «бархатной» революции — Кайсер дал уточняющее определение стиля его политики. «Драматург, — написал он, — привыкший по роду деятельности обдумывать и разыгрывать несколько сценариев одновременно, он, конечно же, допускал, что не хотеть быть политиком по сути значит — хотеть им быть, или, точнее говоря, общественным деятелем, тем харизматичным лидером, который в решающий момент восстанет и направит ход истории в определенное русло» [2. S. 205].

Через три года после статьи о диалектической метафизике Гавел встретился с философом Яном Паточкой (1907—1977), он поддерживал эту связь 10 лет, до смерти философа. При этом Гавел в меньшей мере воспринимал философские идеи своего старшего друга, последователя самых видных мыслителей XX в. Эдмунда Гуссерля, особо привечавшего учеников из славянских стран, и Мартина Хайдеггера. Скорее, он мобилизовал Паточку на поддержку прав музыкантов-рокеров не первого ранга на подписные кампании, на организацию встреч будущих хартистов. Вместе они стали подписантами и в какой-то степени авторами «Воззвания Хартии 77», обосновав востребованность негромкой философии для звучной защиты прав человека. Паточка написал статью о Хартии 77, в которой отметил: «Понятие прав человека есть не что иное как убеждение, что государство и общество ставят себя под авторитет нравственного чувства» [9]. Не исключено, что содержание статьи обсуждалось в ходе встречи двух мыслителей в тюремной камере (там Паточка навещал Гавела). Скончался Паточка 13 марта 1977 г. после допроса.

Гавел осознал: право на оригинальную философию должно защищаться социально, и если его не может обеспечить государство и присущая ему официальная культура, то эту миссию должна взять на себя культура параллельная. Интенсивно общался Гавел с католическими философами Ладиславом Гейданеком и Вацлавом Бендой. Первый оправдывал поведение В. Гавела в тюрьме и отвергал обвинение в соглашательстве, они активно участвовали в создании Комитета в защиту несправедливо заключенных (апрель 1978 г.).

Бенда был сторонником левых убеждений, но как раз он побудил Гавела писать эссе, которые отличались неким многословием и даже заунывностью. Это сказалось и на политических речах в прошлом веселого драматурга-абсурдиста. Кайсер так охарактеризовал генезис и специфику этого стиля: «Жизнь под перманентным давлением взяла свое: в случае Гавела это приверженность особого рода мессионизму. Гавел открыто обсуждал его в своих эссе, которые как жанр освоил недавно. Он испытывал особое пристрастие к медленно текущим мыслепостроениям как до этого ранее к ритмизированным театральным пьесам» [2. S. 157].

Первая попытка донесения философских и политических взглядов Гавела до широкой общественности — выпуск сборника его работ «Об идентичности человека», изданном Вилемом Пречаном и Александром Томским в 1983 г. и переизданном в 1990 г. [10]. Первый раздел сборника называется «Жизнь в правде»; человеческая идентичность недостижима без опоры на ценности высшего порядка — такова его основная идея.

Книга открывается «Письмом к Густаву Гусаку», написанном в 1975 г., которое содержит критику политики «нормализации» и убеждение в бесперспективности общества, построенного на страхе. Он проявляется в виде экзистенциального давления, а не прямых угроз, нарушения этических устоев, ориентации

на ложь и лицемерие, что как раз и противоречит идентичности личности. «Известно, — читаем в письме, — что значение всегда имеют не столько абсолютные, сколько относительные размеры угрозы; важнее не то, что человек объективно потеряет, а скорее то, какую это играет для него — в масштабах мира, где он живет, с его иерархией ценностей — субъективную роль» [11. С. 95].

Гавел отметил, что власть ведет себя адекватно существу важной, но не единственно значимой задачи — простого самосохранения, не заботясь о человеческой целостности. Надо сказать, что подобные заключения могут быть отнесены к любому обществу, и Гавел их повторял во всех дальнейших речах, произносимых и в Индии, и в Швеции, и в Польше — после того, как стал президентом. Там они воспринимались во многом как элемент политической риторики, письмо же к Гусаку трактовалось властями как политическая диверсия, за которой последовали репрессии.

Гавел призвал в письме к отказу от манипуляций человеком и возвращению к культуре, преодолению банальности в жизненной эстетике, закреплению в политике лозунга «Правда победит!». Лишь это может преодолеть энтропию, которую Гавел трактовал как бесплодное рассеяние общественной силы, нравственную импотенцию нации и кастрацию культуры [11. С. 109], а в итоге — как деградацию живой идентичности человека. Губя же жизнь, власть губит и себя саму — т.е. в конце концов и свою способность губить жизнь, поскольку ее не остановить, а история снова и снова заявляет о себе.

Фактически Гавел в письме высказал положения, от которых не отказались бы коммунисты-реформаторы 1968 г. Письмо большинством из них было замечено, однако развернутых оценок не получило. Одна из главных причин — мнимая аполитичность письма, сосредоточенность на проблемах культуры и эстетики. Подобная новая стилистика рассуждений определяла большинство документов Хартии 77.

Гавел признавал, что тоталитарная система коммунистического типа места могла сосуществовать с частной собственностью и даже с частным предпринимательством, как это было, например, в Венгрии и Югославии, как это есть в Китае. Но с развитым гражданским обществом она принципиально не сочеталась, поскольку его, как основу основ демократии, тоталитарная власть по самой своей сути исключает. Именно поэтому приход к власти коммунистов сопровождался наступлением на гражданское общество. После свержения тоталитаризма встает задача его воссоздания, и здесь возникают особые трудности, даже в условиях Чехословакии — страны с глубокими демократическими традициями.

Таким образом, до ноября 1989 г. в работах философского характера Гавел делал акцент на задаче сохранения идентичности человека в условиях всестороннего давления на него со стороны системы. Этому, в первую очередь, помогает «жизнь по правде», а уж затем, с одной стороны, обращение к трансцендентному, а с другой — отбрасывание коммунизма с опорой на либеральную демократию и ценности гражданского общества.

Более пристальное внимание привлекали все же творения Гавела как драматурга-абсурдиста, не чуждого влияниям идей обновления социализма с надеждой придать ему «человеческое лицо» — и при этом не без обращения к наследию Ф. Кафки. Примечательно в этой связи более позднее признание Гавела: «Нравственным социалистом был и я, я являюсь им и сегодня с той лишь разницей, что свои взгляды уже не характеризую этим словом» [12. S. 16].

Поди разберись: социалист — не социалист, нравственный — не нравственный... Контуры его мировоззрения обнаружить за такого рода признаниями крайне трудно.

Остается заметить, что он постоянно обращался к авторитету Масарика: Гавел обращался к нему во многих своих трудах в дореволюционный период, подобными апелляциями он начинал эссе периода послереволюционного. В данном плане репрезентативно его новогоднее обращение к гражданам Чехословакии спустя два дня после занятия поста президента. Гавел еще раз апеллировал к Масарику, который, в свою очередь, обращался к идеям религиозного мыслителя Петра Хельчицкого (1390–1460), а также педагога-гуманиста Яна Амоса Коменского (1592–1670); Гавел считал себя преемником всех трех, но в новых исторических условиях.

Кроме взятого у первого президента Чехословакии лозунга «жить по правде» Гавел признавал еще один: «Иисус, но не кесарь». Масарик, по его словам, считал, что «основа политики — нравственная. Давайте попробуем в новую эпоху и в новое время возродить такое понимание политики. Давайте учить самих себя и других, что политика должна выражать стремление способствовать счастью человеческого сообщества, а не желание его обмануть или подмять под себя» [11. С. 143]. Этому способствует укоренение ценностей демократии и устоев гражданского общества в духовных основах жизни Чехии, которая может превратиться, по убеждению Гавела, в духовный центр Европы.

После распада СССР Гавел не считал нужным интенсифицировать идейные контакты с находящимися у власти российскими демократами, а с конца 1990-х годов постоянно говорил об отсутствии понимания Россией своей идентичности, называя ее при этом то «евразийским громадным государством» [13], то «крупной евразийской ядерной державой» [14–15]. Сохранялись его связи с довольно узкими культурными кругами и постоянно звучали речи об уважении к русской культуре. Фоном таких оценок и заявлений было форсированное выражение приверженности идеям западной демократии, прав человека и открытого общества, а также платформа «евроатлантизма», ориентированного на их защиту. В этом ракурсе Гавел обосновывал идею о взаимосвязи индивидуальной, национальной и цивилизационной идентичности на всем протяжении его интеллектуальной жизни.

Так, в речи при избрании членом Академии гуманитарных и политических наук в Париже 27 октября 1992 г., т.е. в ходе форсировавшегося распада уже Чехословакии, он говорил больше о философском феномене ожидания и надежды, о возможности вмешиваться в ход истории, о тщетных претензиях и планах разума, о неверии в техническую цивилизацию и о политике постмодернизма, чем об исходе текущих процессов в своей стране и судьбах ее граждан. Проблема в том, чтобы «научиться ждать в самом лучшем и глубоком смысле этого слова» [11. С. 161], избежать нравов иррациональности, пробужденной гордыней разума. И тогда, по мнению Гавела, человек не будет подчиняться утопиям и испытывать ненастоящее ожидание — например, коммунизма, который никогда не наступит.

Ко времени произнесения данной речи Гавел уже сложил с себя полномочия президента Чехословакии и находился в ожидании полномочий президента Чехии. В тональности речи этот момент напрямую не ощущался, хотя ее пассажи косвенно маскировали политическую неудачу Гавела: он, вопреки

заветам Масарика и воле народов (выражавшейся в опросах общественного мнения), не смог сохранить единое государство чехов и словаков.

Гавел самокритично заявил при этом, что с ужасом видит нечто «коммунистическое» или, по крайней мере, просвещенческое в том, как некоторые политики, включая его самого, нетерпеливо стремятся оживить демократию — подобно ребенку, дергающему цветок, чтобы он рос быстрее. Но в то же время он признавал, что человек в принципе обречен на активность, в этом суть его идентичности, хотя она приносит благие плоды, лишь когда соотносится с трансцендентным. Фактически пафос речи свелся к тому, что следует постоянно ожидать неожиданностей и не страшиться их.

Один из примеров апелляции к трансцендентным вершинам и корням идентичности человека — речь в Стэнфордском университете 29 сентября 1994 г. В ней Гавел продвигал значимую для личности идею общности культур и религий, которые носят не столько донаучный, сколько сверхнаучный характер, при этом трансцендентное таинственным образом объединяет сначала человека с Единым бытием, а вследствие — и людей друг с другом.

В то же время в мире интенсифицируется конфликт цивилизаций, по-разному представляющих Единое трансцендентное, что в будущем может привести к забвению единства человечества. Игнорируя границы, та или иная цивилизация стремится распространить свое влияние как можно шире. Тем самым она берет на себя миссию, присущую лишь единому человечеству. Поэтому актуален поиск способов сосуществования различных цивилизаций. «Мне, — утверждал Гавел, — представляется более правильным понимать мир сегодняшнего дня как одну глобальную цивилизацию, и я называл бы грозящие нам в будущем конфликты не более чем конфликтами индивидуальных культур или сфер цивилизации» [16]. Для этого нужно отменить «чудовищные тоталитарные утопии — нацизм и коммунизм»; устранить моральный релятивизм как источник кризиса духовности; преодолеть препятствия к распространению демократии в мире. Демократия предполагает критическую самооценку и вряд ли может принимать форму некоей новой доктрины, это многокультурное образование, обладающее новым политическим стилем. Его внедрение в конечном счете даст жизнь новому гражданскому поведению, приемлемому теми группами государств, которые Гавел называл «цивилизационными округами» и в число которых, по его убеждению, входила демократизирующаяся Россия, но не в первых рядах, а после Молдавии, Украины и Белоруссии.

Примерно те же положения он повторил в речи «Авторитет и демократия в современном мире», прочитанной год спустя и на другом конце света — в Канберре 29 марта 1995 г. В ней также отмечен факт продвижения современной глобальной цивилизации путем сотрудничества различных культур, а не борьбы между ними; нужно лишь признать трансцендентное происхождение нравственных законов. Поэтому и демократии следует вернуть тот духовный смысл, какой она имела при своем рождении [17].

Тем самым в своей политической философии Гавел сохранил некоторые общие идеи об идентичности во всем богатстве ее проявления — от индивидуальной до глобальной. Задача эта выполнима, потому что демократия — система открытая. Там же, где она не укоренилась, часто ссылаются на тысячелетние традиции авторитаризма, всецело оправдывающие светский авторитет кнута, а не миссию ответственности перед человеком и за человека. Об опасности этого, согласно Гавелу, говорил не только современный западный философ

К. Поппер, но и древний Конфуций, одинаково трактовавшие политический авторитет как метафизический дар [11. С. 169].

Журнал «Newsweek» 3 апреля 1995 г. опубликовал статью «Свержение с трона философов-королей», в которой обсуждались судьбы интеллектуалов у власти в странах региона. Собственно, к философам и в меньшей степени моралистам можно отнести Желю Желева, а к моралистам и в меньшей и менее философам — В. Гавела. Их пафоса хватило ненадолго, но Гавел, по предположению журнала, все же останется у власти, что и произошло. В качестве же политика-лидера его сменил Вацлав Клаус, экономист-прагматик, не побоявшийся взять в правительство экс-коммунистов. Но Гавел, полагал журнал, все еще будет осуществлять моральное наставничество и проповедовать демократическое евангелие [18. Р. 25].

Действительно, Гавел удержался на плаву, поставив во главу угла проповедь ценностей евроатлантизма. Поэтому гарантом беспрепятственного развития посткоммунистических стран Европы и является, по убеждению Гавела, военнополитический блок НАТО, расширение которого почему-то, как он полагал, тревожило все еще шедшую по пути демократизации Россию. А кто по этому пути идти не хочет — того предстоит наказывать всеми средствами, не исключая бомбардировок во имя гуманитарных целей. Ведь чем развитее гражданское общество, тем стабильнее политическая ситуация в стране, так что перемены не воспринимаются как катастрофические.

Весной 1999 г. заявленные благородные цели выдвигались Гавелом для того, чтобы отвергнуть идею невмешательства в дела отдельных государств, если там не соблюдаются права человека. Это помогало созданию идеологической платформы для расширения НАТО до границ России, а также борьбы с репрессивными, по его утверждению, режимами.

Подобные новые формы активизма всемирного гражданского общества имеют важные признаки: уважение к правам и свободам человека, равноправие граждан, власть закона. НАТО лучше справляется с данной задачей, чем ООН, которую нужно основательно реформировать, заверял чешский президент, очередной раз модифицируя свои мировоззренческие установки в сторону оправдания военной агрессии.

Так, на заседании в парламенте Канады 29 апреля 1999 г. он говорил о борьбе против режима Милошевича, что это «первая война, которая ведется не во имя интересов, но во имя определенных принципов и ценностей. [...] Если какую-либо войну вообще можно назвать этической [...], то это как раз тот случай [...] В этой войне права человека ставятся выше прав государства» [11. С. 199].

Такие взгляды на поддержку мира во всем мире не нашли понимания даже у тех, кто оправдывал агрессивные действия военно-политического блока — слишком ярко светящиеся их цели оставляли внушавшую подозрения тень. Речь в парламенте Канады прозвучала как раз в тот момент, когда на Белград и остальную часть Югославии обрушились бомбы.

Данная и другие речи свидетельствовали об умении Гавела сочетать духовное подвижничество с благословением конкретных политических акций. При этом особое внимание уделялось им некой посредствующей между этими двумя феноменами структуре — гражданскому обществу. И от одной речи к другой все громче звучали апелляции к военно-политическому блоку НАТО как гаранту сохранения этих ценностей. Такое сочетание высоких устремлений и земных забот — фирменный стиль политического мировоззрения Гавела.

Сакрализация же НАТО — это та характеристика его выступлений, которая не могла скрыть усиленной до экстаза политической ангажированности.

В 2000–2003 гг. тематика речей и работ Гавела изменилась. Первостепенное внимание он начал уделять идентичности Евросоюза, в ряды которого вступила в 2004 г. и Чехия; национальной чешской идентичности, которой, скорее, угрожало внутреннее безразличие, чем внешнее давление; необходимости для России определиться со своей идентичностью.

Еще задолго до вхождения Чехии в НАТО Гавел выразил опасения, что этому могут противостоять «шовинистические, пан-российские, крипто-коммунистические и крипто-тоталитарные силы» — и тогда произойдет возврат к временам холодной войны [20]. К 2000 г. такого рода угрозы, согласно Гавелу, уменьшились, но ситуацию в России следовало держать под контролем [21], хотя молодой и здоровый президент России, как полагал Гавел, сумеет решить эту задачу. «Уважая будущее России, — утверждал он, — мы (т.е. принимающий совместные решения демократический мир, в который уже входит Чехия. — Э.З.) не можем молчать, видя то, что происходит [...] Мы можем помочь России осуществить задачу поиска своей идентичности единственно надежным образом: выражая наши мысли относительно ее действий» [21]. Более того, Россия, по его убеждению, «должна в конце концов, осознать, что миссия НАТО заключается не в угрозе ей, и что если НАТО приближается к ее границам, то, напротив, тем самым к ней приближается стабильность, безопасность, демократия и зрелая политическая культура, что, является, само собой разумеется, ее сущностным (bytostní) интересом» [13].

Необходимость подобных наставлений, по мнению Гавела, не уменьшилась после 11 сентября 2001 г., когда террористическая атака в Нью-Йорке выявила значимость союза между Россией и США в противостоянии терроризму и были предприняты шаги к установлению этого союза. Но и теперь он настаивал на проведении границы между демократическим миром и «громоздкой евроазиатской державой»; тем самым президентом Чехии допускалось, что хотя Россия свою идентичность определила с большей четкостью, надежным союзником она все равно стать не может. Как отметил Жантовский, он призывал любить Россию без сентиментальности и с иммунитетом от панславизма [1. S. 387].

В целом философские взгляды Гавела отличались неуловимостью, что повлияло и на его часто менявшиеся политические предпочтения. Конечно, он не чуждался уподоблению своих воззрений взглядам Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, но все же его политическая активность носила иной характер, а идеи воспринимались весьма узкими группами интеллигенции.

В немалой степени это объясняется тем, что Гавел был политиком-постмодернистом и абсурдистом, востребованным в мире в целом, на что убедительно указал бывший друг Гавела британский журналист Дж. Кин еще в 1999 г.³ Важнее другое — мировоззренческий релятивизм Гавела: была бы поставлена цель, аргументы же для ее оправдания берутся откуда угодно. Не случайно многие аналитики позже выявили генерацию подобных политиков — от М. Саакашвили и до Б. Джонсона, а в какой-то мере Э. Макрона и даже Д. Трампа. Не говоря уже о лидерах «цветных» революций во всем мире.

³ Он же подчеркнул в отдельном разделе своей книги приверженность Гавела ценностям «Нового века» с присущими ему элементами мистицизма и даже оккультизма [23].

Гавел ставил высокосозначимую цель — вернуть в политику совесть и искренность, и во многом преуспел в ее осуществлении [22]. Правда, издержки некоторых его спрямленных суждений испытали на себе уже в начале его президентств сами чехи, а также граждане некоторых других стран. В их числе — Россия, Союзная Республика Югославия, Китай, а также Словакия при Владимире Мечъяре и Белоруссия при Александре Лукашенко.

В 2007 г. Гавел написал пьесу «Уход» о политике, воплощавшем демократию не всегда демократическими методами — такая вот диалектическая метафизика, если вспомнить его раннюю статью. Пьеса наполнена глубокими политико-философскими и экзистенциальными мыслями, но попытка ее поставить не обошлась без драматургии абсурда⁴. Мировоззренческое завещание Гавела было воспринято без особого почтения, хотя его смерть привела к общенациональному трауру и признанию его заслуг, в первую очередь, представителями евроатлантического мира.

Итак, контуры мировоззрения выявляются и фиксируются Гавелом в пьесах — и они же прячутся в многословных, нарочито запутанных эссе моралистического характера, в многозначных диалогах на разных уровнях, в однонаправленных политических заявлениях. Он мог менять мировоззренческие установки и вовсе не из-за желания приспособиться, а в силу многовекторности духовных поисков. Это помогает понять и природу его решений в качестве одной из ярких фигур общественной и политической жизни своей страны (Чехословакии и Чехии), а также Европы и всего мира, к его речам прислушивались, а с поступками считались.

В коллапсе идей коммунизма Гавел сыграл едва ли не ключевую роль, одним из первых указав на возможность трансформации этой идеи в агрессивный национализм. В то же время расширительное толкование данной неизбежности определило его сомнения в неотвратимости демократических преобразований в России, создавая идеологическое оправдание быстрому и всестороннему — вплоть до ее границ — продвижению НАТО на восток⁵.

Конечно, В. Гавел обладал и даром слова, и силой убеждения. Психологическая загадка его как политического философа в том, что Чехию он считал своего рода недостаточно большой для своей миссии — и всегда ставил задачи превосходящие ее возможности. Поэтому вместо задач регионального порядка он продвигал глобальные идеи, пренебрегая местными проблемами. При этом Гавел считал идеальными политиками таких чехов как Ян Гус, Хельчицкий, Коменский, но на задававшихся ими высотах нравственности он удержаться не мог [26. Р. 195]. Примечательна в этом плане его задача — расширить НАТО

⁴ Журналисты называли ее «дракой за Дашу», как фамильярно именуют первую леди. Дело в том, что жене Гавела, вопреки его воле, не дали ведущую роль. Жизнь затмила искусство и философское содержание пьесы.

⁵ Социалисты по убеждениям Славой Жижек и Ноам Хомски, а также левый британский журналист Т. Юндт осуждали Гавела за показной, по их убеждению, морализм; последний трактовал фигуру чехословацкого президента как «полезного идиота для Буша» [24. Р. 3]. Жижек писал о гавеловском идеализме: «Его искренняя этическая установка со временем превратилась в набор морализирующих клише, цинично оприходованных для своих нужд капиталистическими прохвостами» [25]. Слова словенца, позиционирующего себя как марксиста, в чем-то могут выглядеть несправедливыми и даже обидными. Если бы их фоном не были взрывы бомб в Белграде и если бы благословляющие их политики не считали «своим» политика-идеалиста. От этих фактов не уйти: пассажи о том, что действия НАТО в Югославии без мандата ООН — не произвол или агрессия, а акт уважения прав человека, выслушивались и одобрялись именно политиками-циниками.

до границ не просто бывшего СССР, при этом порог безопасности самой Чехии, региона и даже Европы не принимался им во внимание.

Таким образом, рассмотрение мировоззренческих позиций Гавела способствует пониманию многих политических оценок и особенностей его политического курса, его политических предпочтений и поражающих своей безапелляционностью заявлений. Кроме этого, такой анализ помогает найти ответ на вопрос о причинах сохраняющейся популярности Гавела как среди своих сограждан (хотя далеко не всех), так и авторитета на международной арене (в основном на Западе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Žantovský M.* Havel. Praha, 2014.
2. *Kaiser D.* Disident. Václav Havel. 1936–1989. Praha, 2009.
3. *Kaiser D.* Prezident. Václav Havel 1990–2003. Praha, 2014.
4. *Putna M. C.* Duchovní portrét v rámu české kultury 20. století. Praha, 2012.
5. *Беляев И.* Вацлав Гавел: Жизнь в истории. М., 2020.
6. *Задорожнюк Э. Г.* Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5.
7. *Клаус В.* Где начинается будущее / Пер. с чешского. М., 2011.
8. *Havel V.* O dialektické metafyzice // *Havel V.* Protokoly. Praha, 1966.
9. *Patočka J.* Čím je a čím není Charta 77 // csds.cz/cs/g6/3421-DS.html (дата посещения: 28.06.2019).
10. *Havel V.* O lidskou identitu. Praha, 1990.
11. *Гавел В.* Гостиница в горах / Пер. с чешского. М., 2000.
12. *Kdo byl kdo v XX století.* Praha, 1994.
13. *Havel V.* Projev na konferenci «Europe's New Democracies: Leadership and Responsibility». Bratislava. 11. května 2001 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 10.03.2020).
14. *Havel V.* Projev na obědě pořádaném prezidentem Billem Clintonem pro prezidenty Maďarska, Polska, Slovenska a České republiky. Praha. 12. ledna 1994 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 10.03.2020).
15. *Havel V.* Spoluodpovědnost Západu. Autorský text pro Foreign Affairs. Březen/duben 1994 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 18.02.2020).
16. *Havel V.* Projev při převzetí «Ceny Jacksona H. Ralstona». Stanfordská univerzita. USA. 29. září 1994 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 15.12.2019).
17. *Havel V.* Autorita a demokracie v současném světě. Projev prezidenta republiky. National Press Club. Canberra. Austrálie. 29. března 1995 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 15.12.2019).
18. *Newsweek.* 1995. 3 IV.
19. *Havel V.* Projev při odhalení pomníku T. G. Masaryka. Olomouc, 7. března 1993 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 17.01.2020).
20. *Havel V.* Projev v Poslanecké sněmovně Parlamentu České republiky. Praha. 12. října 1993 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 05.06.2020).
21. *Havel V.* Projev na závěr veřejného slyšení o porušování lidských práv v Čečensku. Pražský hrad. Míčovna. 26. května 2000 // old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index_uk.html (čeština) (дата посещения: 05.06.2020).
22. *Задорожнюк Э. Г.* Драматургия президентства. Штрихи к политическому портрету Вацлава Гавела // Кентавр. М., 1995. № 5.
23. *Keane J.* Vaclav Havel. A Political tragedy in six acts. London, 1999.
24. *Jundt T.* Bush's Useful Idiot // London Review of Books. 21. 09. 2006.
25. *Жижек С.* Уходя от логики капитализма // Интеллектуальный форум. М., 2000. № 2.
26. *O'Reilly M. I.* The ludic politics of Vaclav Havel // The New Europe at the Crossroads / Ed. by A. Beitter. New York, 1999.

СЛОБОДАН МИЛОШЕВИЧ МЕЖДУ ЛЕВЫМИ И ПРАВЫМИ: РАССТАНОВКА СИЛ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА, СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ

© 2021 г. М.Ю. Ломоносов

*PhD in Sociology (Университет МакГилла), профессор, Школа перспективных исследований,
Тюменский государственный университет, Россия*

m.lomonosov@utmn.ru

*Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-78-10125
«Как “работают” национализмы?: Сравнительный анализ факторов и механизмов рас-
пространения националистических мифологий в постконфликтных Украине и Сербии»*

Академические исследователи и различные комментаторы чаще всего рассматривают Слободана Милошевича и возглавляемую им Союзную Республику Югославию либо как глашатаев великосербской националистической идеологии, либо как охранителей принципов многонационального социалистического югославизма. Между тем, более корректно анализировать деятельность сербского лидера как архитектора гибридного посткоммунистического политического режима. С. Милошевич виртуозно маневрировал между влиятельными группами коммунистов и антикоммунистов, придерживавшихся самых разных взглядов на «сербский национальный вопрос». Для этого он использовал гибридные идеологии и мифологемы, формировал противоречивые политические программы, что позволяло политику выстраивать сложносоставную и эклектичную архитектуру социальной поддержки.

Scholars and various commentators most often view Slobodan Milošević and his Federal Republic of Yugoslavia as either heralds of Greater Serbian nationalist ideology or guardians of the multiethnic socialist Yugoslavism. However, it is more correct and heuristic to assess Milošević as an architect of a hybrid Post-Communist regime. The politician came to power and remained at its peak for many years through virtuous maneuvering between influential groups of communists and anti-Communists, who held different views on the «Serbian national question». To accomplish this, he used hybrid ideologies and political mythologies, and masterminded internally inconsistent political programs. This strategy of persuasion allowed him to build complex and eclectic architectures of his social support.

Ключевые слова: гибридная идеология, партии в Сербии, политическая риторика, политический транзит, посткоммунизм, сербский национализм, социалистический югославизм, югославский кризис.

Keywords: hybrid ideologies, parties in Serbia, political rhetoric, transition politics, Post-Communism, Serbian nationalism, socialist Yugoslavism, break-up of Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0012783-4

Слободана Милошевича, ставшего ключевой фигурой сербской политики 1987–2000 гг., нередко считают видным представителем националистической идеологии, а порой и главным виновником развязывания вооруженных конфликтов на Балканах. По мнению С.А. Романенко [1. С. 132, 192], в конце 1980-х–1990-е годы «правлящие круги Сербии увидели единственный шанс удержаться у власти на волне националистического подъема», «коммунистические лидеры постепенно встали на путь национализма, видя в нем средство укрепления своей власти» (см. также [2. С. 159, 244; 3. С. 118; 4. С. 156]). П.Е. Кандель [5. С. 282–283] утверждал, что «национал-коммунистическая риторика С. Милошевича [...] прямо легитимировала сербский национализм и использовала его мобилизационный потенциал». А.В. Сидоренко полагал, что деятельность С. Милошевича соответствовала общим тенденциям эпохи, когда «на смену идее “класса” пришла идея нации» [6. С. 133]. Как отметил К.В. Никифоров [7. С. 95], тезис о «великосербской политике» С. Милошевича глубоко укоренился в литературе и СМИ.

В то же время некоторые исследователи придерживаются мнения, что предложенная сербским лидером политическая программа защищала ценности социалистического югославизма и предполагала борьбу с более радикальными деятелями. «Сам Милошевич подвергался давлению со стороны националистов некоммунистической ориентации», — написала Е.Ю. Гуськова [8. С. 48] (см. также [9. С. 829]). Исследовательница подчеркнула, что «в Сербии национализм проявлялся как защитник “югославянства”» [10. С. 72] и «был готов идти на многие уступки ради сохранения федерации, поддержания идеи югославизма» [10. С. 76]. Е.Ю. Гуськова отметила факты постоянной трансформации политической платформы С. Милошевича, включавшей как «использование феномена национальных чувств сербского народа», так и «удивительный прагматизм» [10. С. 73, 570–572, 580–581]. Однако на уровне выводов работа обнаруживает тенденцию к преуменьшению роли этнического национализма в политической доктрине и стратегии С. Милошевича.

Я, во-первых, предлагаю рассматривать С. Милошевича не столько как убежденного националиста или защитника идеалов Югославии, сколько как представителя властных элит времени «трансформации одной разновидности недемократического режима в другую», трансформации, которая влечет за собой формирование гибридных идеологий [11. С. 71]. Во-вторых, в статье дается обзор общей расстановки политических сил, в контексте которой действовал сербский лидер, и исторические причины ее возникновения. Наконец, я подвергаю анализу риторические стратегии С. Милошевича в борьбе с оппозицией как слева, так и справа, используя публичные выступления в качестве источника. Мой интерес к дискурсу сербского политика обусловлен наметившейся в литературе тенденцией к изучению политической перформативности [12], а также процессов ведущих к порождению «коллективно разделяемых смыслов» [13. С. 75].

Идеологический спектр сербского политикума времен С. Милошевича

В условиях трансформации политической архитектуры Югославии, пытаясь противостоять консервативным силам внутри системы, поздние и посткоммунистические политики обращались за поддержкой к массам и оппозиционным движениям, «балансируя между охранителями режима и его радикальными противниками» [11. С. 68]. Описанный процесс не является «отклоняющейся чертой» Югославии, Сербии или других постъюгославских государств. Он наблюдался во всех обществах переходного периода (см. [7. С. 93]). Особенной

является лишь конкретная конфигурация внутривнутриполитических сил. Милошевичу приходилось маневрировать между сторонниками югославской централизации, приверженцами межреспубликанского равновесия образца 1974 г. и еще более радикально настроенными децентрализаторами внутри коммунистической партии (см. [10. С. 581; 9. С. 747–753]), а также националистами разных толков на плюралистичном межпартийном поле. Складывание этой специфической конфигурации было результатом югославского наследия.

К середине 1980-х годов среди политических деятелей Югославии, руководителей различных республиканских организаций и интеллектуалов наметилась устойчивая тенденция одобрения националистической идеологии с ее центробежной ориентацией и установками на партикуляризм. Однако, вопреки утверждениям многих исследователей, «национальная лихорадка» [2. С. 271] не была столь всеохватывающей и необоримой. И в рядах политического класса Югославии, и в югославском обществе существовала заметная институциональная и идеологическая инерция югославизма с его центростремительными тенденциями и ценностью «братства и единства» [14. Р. 294]. Кроме того, сам позднекоммунистический и посткоммунистический национализм являлся скорее продолжением, чем отторжением социалистического югославизма. Но последний, помимо этноцентрического компонента с его актуализацией этнического коллективизма и принципом «конституционного национализма» [15. Р. 43–67, 128–172; 16], содержал установки на межэтническое согласие и даже космополитизм [14. Р. 294, 297].

В рядах коммунистов политико-идеологическое расслоение было обусловлено постепенной фрагментацией единого югославского политического пространства: превращением Союза коммунистов Югославии (СКЮ) в ассоциацию партий, трансформацией югославской федерации из союзного государства в союз государств и преобразованием надреспубликанских федеральных органов в межреспубликанские к середине 1970-х годов [17. Р. 12–18, 31–38, 276–278; 18. С. 209–210; 19. С. 33–36; 9. С. 735–741].

После смерти бессменного президента Югославии и генерального секретаря Йосипа Броза Тито в 1980 г. децентрализованный к тому времени СКЮ превратился в трудно управляемую партийную структуру. Он уже не подчинялся принципам «демократического централизма», но в то же время не был федерализован по либеральной модели. Союз состоял из партий республик и автономных краев, связанных сложной системой сдержек и противовесов. Его единство достигалось периодическим перераспределением должностей в федеральных органах власти, консенсусным принятием ключевых политических решений (*usaglašavanje*) и патрон-клиентскими связями, часто выходящими за пределы республиканских границ.

Партийная номенклатура представляла собой отдельный класс югославского общества, уровень жизни которого, особенно в недостаточно развитых регионах страны, значительно отличался от уровня жизни основной части населения. Несмотря на обособленность партийных работников от остальных общественных групп, их ряды не были идеологически и социально однородными. Значительная часть номенклатуры стояла на позициях югославского патриотизма и с подозрением относились к внешним влияниям. Даже в условиях далеко зашедшего процесса дезинтеграции Югославии на рубеже 1980–1990-х годов, многие консервативно настроенные республиканские делегаты, включая представителей западных республик, твердо верили в возможность сохранения целостности страны [20. Р. 50–51; 10. С. 81; 3. С. 138].

Вместе с тем, с конца 1960-х годов партийные элиты пополнялись представителями нового поколения, которые не принадлежали к довоенной «старой гвардии», т.е. не участвовали в антифашистской партизанской борьбе, сыгравшей решающую роль в становлении социалистического югославизма [17. Р. 29; 9. С. 748]. Югославская система образования и воспитания привила новому поколению лидеров воспеваемые коммунистической идеологией чувства патриотизма и солидарности. Однако после реформ СКЮ и фактического превращения Югославии в полуконфедерацию по Конституции 1974 г. эти чувства стали не только универсально распространяться по всей стране, но и обособляться в республиках. Крупные институциональные реформы 1960–1970-х годов обнаружили мощный «побочный эффект». Ценности оборончества и почвенничества, изначально культивируемые партией для внутренней консолидации и защиты внешних рубежей федерации, перешли на уровень федеральных субъектов и стали одним из факторов распада страны (см. [10. С. 66]).

Политическое поведение и успехи С. Милошевича сложно понять без учета процессов фрагментации все еще югославских партийно-политических структур. Нарушение коммуникаций между властвующими элитами республик привело к парадоксальной ситуации в Сербии. С одной стороны, сербские коммунисты были обеспокоены стремительным усилением партикуляристского «дезинтегрального» югославизма. С другой стороны, именно идеология «разъединительного» югославизма и институциональные реформы позволяли им избегать давления федеральных органов. Формирование сильных централизаторских настроений в сербской партийной среде трудно представить без общегославской децентрализации 1960–1970-х годов (см. [21. Р. 328–334]).

В Союзе коммунистов Сербии (СКС) в 1980-х годах нарастало недовольство конституционным устройством страны, которое привело к фактической потере контроля Белграда над Косово и Воеводиной, только номинально сохранявшимися в составе Сербии. Надежды на административную централизацию и пересмотр югославской Конституции 1974 г. связывали с именем молодого партийного лидера Ивана Стамболича, ставшего председателем ЦК (СКС) в 1984 г. Тем не менее, Стамболич выражал интересы лишь одной фракции. Его сторонники стремились достичь целей в рамках капсулированной номенклатурной системы: постепенно, путем сугубо внутрипартийных договоренностей, без отхода от идеологии «братства и единства». Они были открыты широкому диалогу с республиканскими, краевыми и федеральными властями (*usaglašavanju*). Более решительно настроенная часть сербских коммунистов упрекала Стамболича в мягкотелости по отношению к косовским албанцам и медлительности на пути политической централизации. Они были склонны считать, что сербы, самый многочисленный народ Югославии, подвергаются систематической дискриминации, будучи разделенными внутренними границами. Лидером приверженцев радикальной борьбы с партикуляризмом и стал Милошевич, отстранив от власти Стамболича и еще более сдержанного председателя партийной организации Белграда Драгишу Павловича осенью 1987 г. [20. Р. 37–47; 9. С. 751].

Фрагментация правящих элит Сербии в процессе институциональных реформ СКЮ и федеральных органов предопределила расстановку сил внутри коммунистической партии, наследницей которой стала Социалистическая партия Сербии (СПС) С. Милошевича. Однако, после введения многопартийности сербский лидер был вынужден играть также на более широком политическом поле. На рубеже 1980–1990-х годов спектр политических сил в республике значительно расширился. В первых парламентских выборах на

альтернативной основе в декабре 1990 г. приняли участие более 50 партий. Основными конкурентами СПС были правое Сербское движение обновления (СДО) диссидентов-националистов Вука Драшковича и Воислава Шешеля и проевропейская Демократическая партия (ДП) профессора философии Драголюбa Мичуновича. В преддверии следующих парламентских выборов, прошедших в декабре 1992 г. произошла некоторая реконфигурация партийной системы. От СДО откололось крайне правое крыло под руководством Шешеля, возглавившего Сербскую радикальную партию (СРП). Разногласия по национальным проблемам и, в особенности, по вопросу Косова привели к формированию Демократической партии Сербии (ДПС) Воислава Коштуницы, покинувшего ДП [10. С. 91–93, 582–587; 7. С. 100].

Особенностью политической борьбы в Сербии 1990-х годов являлось активное использование всеми ведущими политическими силами национал-патриотических лозунгов и решительная защита узко понимаемых национальных интересов. В условиях разыгрывания «национальной карты» межпартийная борьба вела лишь к дальнейшей эскалации национализма: политики соревновались друг с другом, «перекупая» избирателя все более и более радикальными заявлениями (см. [22. Р. 349–360]). Силы, ориентирующиеся на строго гражданские ценности и готовые пойти на серьезные уступки ради достижения компромисса с югославскими соседями и западными странами, такие как Гражданский союз Сербии (ГСС), постоянно находились в маргинальном положении и не имели представительства в парламенте [10. С. 84].

Партийно-политический контекст, сформировавшийся на рубеже 1980–1990-х годов, обусловил решение Милошевича «пробивать себе дорогу» на политический Олимп между группами сторонников децентрализации 1970-х годов, конфедеративных подходов, и конституции 1963 г. (Стамболич и др.), а также перенимать часть националистических лозунгов, при этом выдерживая дистанцию от некоммунистических националистов (см. также [10. С. 66, 70, 570–572, 580–581; 9. С. 750–753]). К.В. Никифоров [7. С. 43, 114] отметил, что во время правления Милошевича была выстроена полупартийная политическая система, «где “единицей” всегда была Социалистическая партия Сербии», которая время от времени «блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра». Кабинет правительства Сербии в 1991–1992 г. был образован одной СПС, а в 1993 г. он поддерживался СРП, кабинет 1994–1997 г. включал четырех представителей небольшой либеральной партии «Новая демократия», а правительство 1998–2000 гг. сформировали СПС, «Югославские левые» и СРП, объединив диаметрально противоположные полюса политического спектра. На федеральном уровне в 1993–1996 г. СПС правила в союзе с наследниками черногорских коммунистов – Демократической партией социалистов Черногории (ДПСЧ), а для образования правительства СРЮ в 1992 г. и 1997–2000 гг. блокировалась с другими партиями, включая «Югославских левых», СРП и даже СДО.

Политические маневры С. Милошевича одновременно на внутрипартийном и на межпартийном поле сопровождались порождением эклектичных, гибридных риторических стратегий. Эти маневры обеспечивали возможность формирования политически сложносоставных и идеологически противоречивых коалиций в различных ситуациях. Именно такая комбинация позволяла политике привлекать на свою сторону как ультранационалистов, так и приверженцев югославизма, коммунистов-консерваторов, старых федеральных бюрократов и военных, сторонников умеренной линии.

До середины 1980-х годов карьера С. Милошевича развивалась по довольно стандартной для югославских коммунистов послевоенного поколения траектории. Родившись в бедной семье, будущий лидер СРЮ был воспитан в коммунистическом духе своей матерью — убежденной активисткой компартии. В восемнадцать лет он вступил в партию и поступил на юридический факультет Белградского университета. В карьерном продвижении С. Милошевича важнейшую роль сыграли брачные узы с подругой детства Мирианой Маркович, отец которой со временем занял высший пост в Президиуме ЦК СКЮ, а также близкое знакомство с однокурсником И. Стамболичем, дядя которого в разные годы стоял во главе как ЦК СКЮ, так и правительства и президиума СФРЮ. Стамболич шаг за шагом продвигал своего приятеля по карьерной лестнице вслед за собой. Примечательно, что карьера Милошевича началась с должности советника по экономическим вопросам при белградском горкоме и на протяжении долгого времени он слыл технократом, руководя сначала нефтяной компанией «Техногаз», а затем Белградским банком. Успешный «красный директор» нарастил связи в западных компаниях, выучил английский язык.

В 1983 г., вслед за Стамболичем, Милошевич перешел на руководящие партийные посты. Вплоть до 1987 г., будучи секретарем Общины Старый Белград, главой городской информационной службы и затем председателем столичного партийного комитета он не проявлял себя ярким политиком, более того, приобрел известность человека, твердо придерживавшегося партийной линии, последовательного борца с «великосербским» уклоном в партии, культурной сфере и СМИ Сербии (см. [20. Р. 31–35; 23. S. 169]). В мае 1986 г. С. Милошевич победил на выборах председателя республиканского ЦК только благодаря упорству Стамболича, причем с минимальным преимуществом. Против него был даже дядя его жены Драгослав Маркович, который в знак протеста ушел в отставку [9. С. 750]. Осень 1986 г. ознаменовалась для Югославии крупным скандалом. В прессу просочился проект Меморандума Сербской академии наук и искусств, в котором сербский народ признавался самым дискриминируемым в СФРЮ. На закрытом совещании с работниками служб госбезопасности Милошевич решительно осудил документ, назвав его выражением «самого мрачного национализма, ведущего к ликвидации текущей социалистической системы и распаду страны» (цит. по [21. Р. 321]). Однако публичную критику позиции сербских академиков он поручил преданному стороннику, члену белградского горкома Душану Митевичу. Такое поведение, по мнению некоторых авторов, означало переход Милошевича к новой стратегии [20. Р. 33].

Ведущей для публичной самопрезентации сербского лидера в период 1987–2000 гг. была роль умеренного патриота, способного на компромиссы, но не переступающего красные линии в деле защиты социалистической родины и/или сербского народа. Сторонники Милошевича изображали свою якобы взвешенную, равноудаленную позицию в сербском политикуме, осажденной многочисленными противниками. Согласно их интерпретации, против предложенного руководством страны спасительного курса выступали коррумпированные красные бюрократы, националисты-радикалы, крушители национального согласия, подрывники общественного порядка, внутренние прозападные силы, занимающие соглашательскую позицию, и, разумеется, их иностранные спонсоры (см. [25], а также ниже). Как это часто случается в политике, конкретное содержание «умеренной патриотической» программы определялось самим Милошевичем в зависимости от конъюнктуры.

Эклектичное смешение этнонационалистических, социалистических и югославских идеологем и мифологем позволяло политику маневрировать

между различными группами элит, противопоставляя свою программу предложениям левой и/или правой оппозиции, и даже сотрудничать с радикалами в обход умеренных националистов из антикоммунистического лагеря. В первом случае в качестве аргумента выдвигались идеалы патриотизма, во втором — югославские ценности, в третьем — умеренные националисты объявлялись лжепатриотами, вступившими в сговор с внешними силами.

«Долой кабинетных аппаратчиков!» — «выбор в пользу независимости и свободы»: Удар справа налево...

В конце 1980-х годов С. Милошевич активно использовал националистическую риторику и тему исторической несправедливости в Косово в ходе внутрипартийной борьбы. Его противники, группировавшиеся вокруг председателя комитета Союза коммунистов г. Белграда Драгиши Павловича, даже если и разделяли ряд централизаторских идей, были несогласны с бонапартистскими темпами Милошевича и его публичным использованием лозунгов сербских националистов. Павлович резко осудил штурмовщину и подчеркивал, что в текущей кризисной ситуации «пламенные речи могут лишь разжечь пожар» [20. Р. 41]. После популистского апрельского выступления С. Милошевича 1987 г. в г. Косово Поле перед собравшимися массами сербских протестующих он старался сдержать пыл республиканских журналистов, но сам оказался под огнем публичной критики. Стамболич, осознавая угрозы, связанные с радикализацией прессы в атмосфере и без того напряженных сербско-албанских отношений, встал на сторону Павловича. В результате, оба политика подверглись остракизму за анти-патриотизм на VIII пленуме ЦК СКС и были сняты со всех постов к концу 1987 г.

Через год Милошевич обвинил «кабинетных аппаратчиков» в руководстве Воеводины и Черногории в неготовности к решительным действиям для предотвращения массового исхода сербов из исторических земель Косова и Метохии. В ходе «антибюрократических революций» партийное и государственное руководство двух субъектов было смещено, а его места заняты сторонниками восходящего сербского лидера. В марте 1989 г. были приняты поправки в республиканскую и краевую конституции, ликвидировавшие политическую автономию Косова. Для борьбы с начавшимися в крае протестами косоваров раздираемый внутренними противоречиями Президиум Югославии ввел чрезвычайное положение. В мятежный регион был отправлен многонациональный Федеральный отряд специальных милицейских сил. В мае 1989 г. Милошевич при поддержке национал-патриотически настроенных сербских коммунистов и открытом одобрении консерваторов-титовистов из других республик стал президентом Сербии [20. Р. 50–81; 9. С. 750–752].

Важно, что приверженность Милошевича бескомпромиссной стратегии в косовском вопросе показала результативность далеко за рамками аппаратной борьбы. Помимо стремительного усиления позиций в СКС, глава ЦК заручился поддержкой на более широком политическом и общественном поле. Непокколебимая позиция Милошевича, его неустрашимое наступление на конституционный статус автономий и триумфальное июньское выступление 1989 г. во время празднований 500-летия битвы на Косовом поле вызвали широкий отклик в рядах представителей диаспоры и сербской интеллигенции. Западная диаспора, многие представители которой были глубоко убежденными монархистами и десятилетиями не признавали коммунистическое руководство Югославии, увидели в «патриоте» Милошевиче воплощение лидера Первого сербского восстания Карагеоргия и руководителя партизан-монархистов во время Второй мировой войны Драже Михайловича. Они

горячо одобрили подход Милошевича к решению межнациональных вопросов. Массы эмигрантов с большим энтузиазмом восприняли первое за долгие годы официальное приглашение республиканских властей посетить торжества, приуроченные к 500-летию Косовской битвы. Американцы и британцы сербского происхождения срывались с места, бросали дела, а то и вовсе уходили с работы, чтоб попасть на один из специально организованных чартерных рейсов и отправиться в тур по Сербии. В июне 1990 г. группа влиятельных американских сербов, принявших участие в торжествах по случаю юбилея сражения, создала лоббистскую организацию в Вашингтоне с целью привлечения внимания публики США к тяжелому положению сербского народа на Балканах и продвижению интересов республики в Конгрессе. Комментируя торжественную речь С. Милошевича, произнесенную в день памяти средневековой битвы, известная поэтесса Десанка Максимович призналась прессе, что «никогда не была так счастлива с самого момента своего рождения». Авторитетный литератор Оскар Давичо публично выразил восхищение действиями нового лидера и заявил, что «Сербия, наконец, нашла себя» (см. [24. Р. 105–129, 132–133]).

В 1990–1993 гг. С. Милошевич перешел к борьбе за власть и влияние как внутри Сербии (впоследствии — также СРЮ), так и на пространстве СФРЮ. Усиливающиеся центробежные тенденции на территории федерации, развитие многопартийности и фракционизм внутри реформированного СПС требовали особенно тщательной проработки политической платформы и тонкой настройки риторической модели. В начале 1990-х годов Милошевич применил национально-патриотическую фразеологию дабы еще больше дистанцироваться от медлительных бюрократов и недостаточно «патриотичных» сторонников гражданских ценностей, а затем, чтобы привлечь на свою сторону часть националистов. Лозунги сербского этнонационализма и социалистического югославизма попеременно использовались им в борьбе с руководством других югославских республик. Наконец, призывы к дальнейшим социально-экономическим преобразованиям и демократизации в рамках прогрессивного югославизма помогали Милошевичу сдерживать правую оппозицию (об апелляциях к идеалам второй Югославии см. ниже).

На XIV чрезвычайном съезде СКЮ, который состоялся в январе 1990 г. и стал последним для партии. Милошевич, подводя промежуточный итог своей политики, обратил внимание на националистическую сторону своей политической персоны. В выступлении он отмежевался от недостаточно патриотичных деятелей: «У нас в Сербии больше нет комплекса насчет того, что раз уж сербов больше всего в Югославии, мы должны сидеть в мышиной норе и соглашаться со всем тем, что не в наших интересах, дабы оказавшиеся в меньшинстве не чувствовали себя неудобно» [25. С. 30]. Через год политик подчеркнул в сербской Скупшине, что только бескомпромиссная позиция позволила Сербии вернуться на естественный путь исторического развития, а сербам избежать национального позора: «Республика Сербия после многих лет сделала выбор в пользу достижения реальной конституционно-правовой целостности и выхода из позорного положения, в котором находилась много десятилетий, расколотая и разобщенная» [25. С. 35].

На том же заседании Скупщины он обвинил хорватское и словенское руководство в связях с «вредоносными внешними силами» и в сдаче интересов Югославии: «Внешние факторы оказывают уже неприкрытую поддержку силам дезинтеграции Югославии [...]. Их цель — повлиять на построение отношений в Сербии и Югославии. Они хотят, чтоб эти отношения строились по рецепту, написанному вне Сербии и Югославии» [25. С. 43]. С. Милошевич

противопоставил антипатриотичному сепаратизму республик борьбу за право сербского народа остаться в Югославии: «Националистические цели руководства [...] республик угрожают интересам всей страны, всех югославских народов и всех граждан Югославии, а, в особенности, угрожают интересам сербского народа, треть которого живет вне современной Республики Сербии [...]». В подобных условиях на историческую сцену выходит естественная, легитимная [народная] самооборона [...] Мы в Сербии [...] приняли в качестве ориентира позицию, что сербы должны жить в одном государстве и, разумеется, желаем, чтоб таким государством была Югославия» [25. С. 46, 48–49].

Переориентация С. Милошевича на борьбу на уровне СФРЮ и артикуляция интересов сербских общин в республиках в рамках идеологии «сербского единства», а также введение серии жестких санкций СБ ООН в 1992 г. создали благодатную почву для сотрудничества СПС с СРП В. Шешеля (см. [10. С. 77, 566, 575; 7. С. 97–98; 9. С. 757, 840]). Межпартийная координация действий началась еще до всеобщих выборов декабря 1992 г., а их результатом стало доминирование социалистов и радикалов в сербской Скупшине и Вече граждан союзной скупщины. До конца 1993 г. СРП поддерживала третий кабинет посткоммунистической Сербии, пока не разошлась с СПС по вопросу мирного урегулирования в Боснии и Хорватии [10. С. 572, 575, 584].

Новое усиление этнонационалистической риторики сущностного исторического пути произошло в период Косовского кризиса. Важно то, что помимо оправдания политики в области межэтнических отношений, националистическое мифотворчество преследовало и внутривнутриполитическую цель. Едва не проиграв сербские выборы националистам, в марте 1998 г. Милошевич стал инициатором формирования правительства «национального единства», вновь приглашая к сотрудничеству РПС Шешеля. Такой неожиданный поворот сербского лидера от резкого осуждения радикалов в постдейтонский период к прямому сотрудничеству с ними вызывал возмущение в рядах других политических партий и СМИ. В ответ Милошевич призвал граждан к единению, к защите своего «однозначного выбора в пользу независимости и свободы» и обвинил противников «правительства национального единства» в антипатриотизме. По его словам, всенародное сопротивление было необходимо не только из-за Косова. «Под вопросом оказалась свобода всей нашей страны, ведь Косово могло бы стать теми воротами, через которые пройдут иностранные войска, способные поставить под угрозу наши самые высокие ценности» [25. С. 95].

Как и во многих других ситуациях, объединяясь с ультраправым Шешелем, Милошевич якобы вновь ставил Сербию на самый разумный, магистральный путь развития, который в конкретной политической ситуации оправдывался национальной историей. Проблема Косова обозначалась как вопрос «национальной важности» [25. С. 92]. Бескомпромиссная борьба с несправедливостью западных держав, вошедших в сговор с албанскими сепаратистами, провозглашалась «выбором в пользу независимости и свободы» [25. С. 95], что должно было вызывать в памяти масс примеры «освободительной борьбы сербов» от Косовского сражения до партизанского сопротивления. Примечательно, что в этот период Милошевич утверждал, что более умеренные националисты (например, ДПС) и либеральные организации, но не ультраправые сторонники радикалов Шешеля, получают поддержку извне и являются, по сути, коллаборационистами. В «пятую колонну» националисты зачислялись избирательно и в зависимости от политической конъюнктуры.

«Силы хаоса и безумства» и «сепаратизм под личиной демократии»: Удар слева направо...

Сербский лидер никогда полностью не отказывался от публичного использования репутации защитника сербов в Югославии, этноисторической мифологии и других атрибутов этнического национализма. Но при необходимости он делал особый акцент на своей умеренности, говоря о приверженности югославистской идеологии с ее постулатами общественной гармонии, социальных гарантий, мирного сосуществования, «братства и единства». Политическое позиционирование Милошевича отличалось удивительной изменчивостью. В отличие от периодов 1987 — начала 1990 г., середины 1992 г. — осени 1993 г. и 1998—2000 гг., в середине 1990 г. — середине 1992 г. и конце 1993—1997 гг. его критика была направлена против широкого спектра сербских националистов от З. Джинджича до В. Шешеля, а не против нерешительных бюрократов и мягкотелых сторонников гражданских ценностей. Соответственно, политик придерживался другой линии в оценке внешнего фактора. В этот период заявлялось, что злонамеренные иностранные спонсоры поддерживают широкий фронт националистов, которые разом зачислялись в разряд крайних радикалов, сторонников «беззакония» и «насилия» [25. С. 33, 35]. В 1990—1993 гг. югославистские лозунги использовались также для борьбы с руководством других югославских республик, хотя в этом случае в ход шла и риторика сербского единства.

Еще во время внутрипартийной борьбы в СФРЮ в январе 1990 г. Милошевич обвинил в раскольничестве, партикуляризме, этноэгоизме и всех югославских бедах хорватскую и словенскую делегации [25. С. 27—31] (см. также [26. С. 262—263]), которые покинули последний федеральный партийный съезд, опасаясь гегемонии сербских коммунистов. При этом сербский лидер интерпретировал свою деятельность как борьбу за прогрессивные югославские ценности — «за единую Югославию, за социализм как богатое и демократическое общество, за демократический социализм, к которому идет современный мир в целом» [25. С. 30]. Он особо подчеркивал, что выступает за единое югославское государство «не потому, что на его просторах живут сербы, а потому что в Сербии живут не одни сербы», потому что «югославские народы [...] тесно взаимосвязаны как граждане единой страны» [25. С. 29]. Отмечая свою связь с югославским народом, Милошевич, напротив, обвинил лидеров других республик в оторванности от интересов масс: «Отсутствие единства в работе настоящего конгресса не означает антагонизм коммунистов, а лишь их руководства. Предложение преобразовать Союз коммунистов Югославии в союз союзов соответствует интересам бюрократических элит тех самых союзов. Именно из их штабов исходят планы междоусобной войны югославских коммунистов и, я бы сказал, югославских народов» [25. С. 28].

Вскоре стратегия осуждения национализма перешла в риторический арсенал политической борьбы в границах республики [26. С. 269—272]. Готовясь к президентским выборам в декабре 1990 г., Милошевич поспешил отмежеваться от всех «шовинистов», выставляя себя трезвым современным политиком. Во время поездок по стране и встреч с избирателями он не выбирал слова, чтоб очернить потенциальных соперников с правого фланга: «Изо дня в день мы становимся свидетелями экспансии насильственного, примитивного, шовинистического иступления представителей некоторых политических партий. [...] Они угрожают всем: коммунистам, другим народам, народностям. Им нет разницы [кому угрожать]». Порой дело доходило до того, что Милошевич примерял на себя роль критика всякой этноисторической мифологии, которую сам активно использовал [27. Р. 242—254;

28. S. 363—377]. Он выступал против «гипертрофированной ориентации на прошлое» в ущерб «экономическому процветанию и развитию» (цит. по [26. С. 271]).

В марте 1991 г. состоялись массовые выступления в Белграде против нарушений на прошедших президентских выборах и государственного контроля над СМИ. Протесты были организованы СДО и ДП, образованными группами патриотически настроенных диссидентов. В такой ситуации аргументация сербского лидера носила двойственный характер. Как и в ходе антибюрократических революций, он изображал из себя истинного патриота и осуждал отступление противников от исторических целей сербского народа. На весенних заседаниях Скупщины Сербии было заявлено: «Сербия и сербский народ столкнулись с самым великим злом в своей истории, с вызовами смуты и междоусобных столкновений» [25. С. 35]. Однако теперь акцент в риторике Милошевича сместился в сторону защиты общественного согласия, прав человека, демократии, социальных гарантий и общечеловеческих ценностей, воплощенных в югославистской идеологии: «Все требования о том, чтобы положить конец единой стране и создать [на ее просторах] несколько националистических государств, мелких страншек, прямо противоположны современным мировым процессам и являются выражением антиисторических, консервативных убеждений» [25. С. 48]. «Свобода, самостоятельность, мирная и достойная жизнь» объявлялись С. Милошевичем «святыми ценностями сербского народа» [25. С. 34], преисполненного решимости «и дальше жить в едином демократическом федеральном содружестве совместно и равноправно с другими народами» [25. С. 40]. В заявлении для СМИ по поводу демонстраций политик объявил протестующих «силами хаоса и безумства» и предостерег их от действий по подрыву правопорядка [25. С. 33].

Нетерпеливые и заносчивые националисты обвинялись в связях с радикалами из других республик — «фашиствующими силами усташей, албанскими сепаратистами и другими силами антисербской коалиции» [25. С. 35], стремящимися «реализовать сецессионизм под личиной демократии» [25. С. 44], — и со «злонамеренными внешними игроками». В условиях, когда сербское общество, наконец, «уверенно встало на ноги», построив «истинную демократию» и изжив статус «вассального государства», «синхронно открываются все фронты против Сербии, мобилизуются все ее враги» [25. С. 37]. Милошевич утверждал, что «нам навязчиво предлагают, возможно, самое эффективное средство достижения того, чтобы Сербия [тоже] настаивала на отступлении от идеи Югославии, чтоб она поддавалась диктату северо-запада относительно развала Югославии» [25. С. 38]. Все потому — провозглашал С. Милошевич — что самозванные патриоты, лишь прикрывающиеся именем народа, преследуют личные интересы: «Народ спонтанно и массово вышел на [историческую] сцену, когда нужно было восстановить территориальную и политическую целостность Сербии, когда требовалось остановить террор в Косове. Сегодня же мы являемся свидетелями лишь голой борьбы за власть» (цит. по [26. С. 272]).

Риторика мирного сосуществования, равноправия народов и прогрессивных поступательных реформ сохранялась и в период концентрации усилий Милошевича на поддержке сербских общин в югославских республиках и во время его тесного сотрудничества с радикалами. Такая риторика ставила целью подчеркнуть благие намерения СРЮ в регионе. В январе 1992 г. С. Милошевич направил открытое письмо президенту провозглашенной в Хорватии Республики Сербская Краина Милану Бабичу по поводу его сопротивления мирному плану Сайруса Венса. Отходя от риторики непримиримой борьбы за национальные интересы Милошевич подчеркивал, что «между миром и войной

каждый разумный и достойный человек выберет мир» [25. С. 62]. И, если менее года назад он резко осуждал «намерение великих и сильных держав поставить нас в подчиненное положение, только потому что мы маленькая страна и наше поведение пришлось им не по вкусу» и отвергал построение межэтнических отношений «по рецепту, написанному вне Сербии и Югославии» [25. С. 43–44], то теперь говорил, что «отказ от защиты миротворческих сил ООН ставит под вопрос самые существенные интересы сербского народа» [25. С. 61]. Более того, выражая уважение и доверие международным посредникам, в письме Бабичу Милошевич отметил, что, «если обеспечение мира и безопасности передается в руки всего мира в лице международной организации», то «возникает вопрос, возможно ли вообще ожидать больших гарантий» [25. С. 62]. В конце концов, он назвал потенциальный «подрыв мирного плана» «ударом в спину Сербии» и сравнил его с геноцидом сербов [25. С. 63, 65].

В конце апреля 1992 г. скупщины Сербии и Черногории провозгласили преобразование СФРЮ в СРЮ. В новой конституции Югославия «объявлялась плюралистическим государством, базирующимся на парламентской демократии, законах, социальной справедливости, правах человека, свободной рыночной экономике, свободе деятельности и равноправии всех ее граждан» [7. С. 43]. Власти СРЮ заявили о признании всех бывших югославских республик и отсутствии к ним территориальных претензий [10. С. 564, 574; 9. С. 838].

В течение 1993 г. произошел постепенный поворот в политике Милошевича по отношению к сербским общинам в Хорватии и Би Г. Сербский лидер начал деятельно поддерживать усилия международных посредников. На этом фоне обострились отношения с СРП. В мае Милошевич в сопровождении президентов СРЮ и Черногории и премьер-министра Греции отправился в Республику Сербскую (РС) с целью убедить местные власти принять план Вэнса — Оуэна. На заседании Народной скупщины он выступил с эмоциональной речью [10. С. 576]. Слово забыв свои предыдущие утверждения о едином государстве для сербов и зловещем влиянии зарубежья, политик заявил: «Во всей нашей борьбе цель сербского народа — быть свободным и равноправным. [...] Настоящее решение (международного сообщества! — *М.Л.*) предусматривает такую степень равноправия, которая свидетельствует, что сербский народ в Боснии и Герцеговине своей борьбой вернул статус государствообразующего народа» [25. С. 67, 69]. К осени отношения с радикалами заметно ухудшились, и Шешель выступил с предложением об отставке правительства. Эти обстоятельства вынудили Милошевича назначить внеочередные республиканские выборы на декабрь 1993 г. Успех СПС на выборах позволил сформировать новое правительство Сербии. Политическая позиция Милошевича продолжала смещаться все ближе «к центру и далее в левом направлении» [10. С. 580]. Шешель же, напротив, перешел в глубокую оппозицию и подвергся аресту в 1994 и 1995 г.

Заметной вехой в отходе Милошевича от этнонационалистического курса стало решение установить блокаду Республики Сербской после отказа ее руководства от плана Контактной группы в августе 1994 г. [10. С. 580; 7. С. 100; 9. С. 829, 843]. Продолжая давление на сербских лидеров в Боснии и Хорватии, президент Сербии сделал пространное заявление, в котором назвал все «объяснения [руководства в г. Пале] о том, что сербскому народу угрожает план по поддержанию мира» «бессмысленными и абсурдными, поскольку таким образом отвергается твердая граница, которую гарантирует международное сообщество» [25. С. 73]. Политик обвинил лидеров боснийских сербов в «амбициях и честолюбии», поддержке «торговцев смертью», «наплевательском отношении

к жизненным интересам подавляющего большинства сербского народа и всех граждан Югославии», игнорировании проблем «безопасности и интересов Сербской Краины» [25. С. 74]. При этом, он, сам неоднократно злоупотреблявший плебисцитарной демократией в условиях контроля над СМИ и превозносивший тесные связи лидеров с народом, на этот раз резко осудил «тяжкое и подлое решение» провести референдум в РС как средство «скрыться от ответственности за спинами граждан и того народа, который каждый день истекает кровью и который оповестили о настоящем положении дел только настолько, насколько [политикам] нужно» [25. С. 73–74].

Переход властей Сербии и Югославии к политике «борьбы за мир в регионе», «возвращение к нормальной жизни» и «интеграции в мировое сообщество», угрожало им электоральными потерями. Лидеры большинства оппозиционных партий осудили разрыв СРЮ с сербскими государственными образованиями на территории бывшей Югославии, а затем и Дейтонские соглашения. В 1994 г. прошли встречи оппозиции с целью формирования коалиции и совместных действий в сербской Скупщине. В начале 1995 г. Шешель инициировал договор СРП, ДП и ДПС о сотрудничестве на местных выборах. Для отражения угрозы справа на политическую сцену вышла супруга С. Милошевича Мириана Маркович. Она активно участвовала в формировании политической организации «Югославские левые», объединившей двадцать четыре левацких и коммунистических партии, в том числе ортодоксальный Союз Коммунистов — Движение за Югославию, который был сформирован расхившимися во взглядах с Милошевичем офицерами ЮНА в конце 1990 г. В марте 1995 г. в торжественной атмосфере прошел конгресс «Югославских левых». В условиях тяжелых последствий экономических трансформаций, внешних санкций и этногражданских войн, они провозгласили борьбу против социального неравенства, разбойной приватизации и всех форм дискриминации, за всемерное возвращение к спокойной жизни периода 1970-х годов, «братство и единство» и возрождение Югославии в форме конфедерации, против которой Милошевич рьяно выступал на рубеже 1980–1990-х годов. Новая политическая организация «не проникала в правящую социалистическую партию, но пользовалась ее полной поддержкой» [10. С. 580] (см. также [9. С. 842, 848]).

Сотрудничество социалистов и «Югославских левых» позволило Милошевичу переформатировать сербское политическое пространство. В условиях разгорающегося конфликта между руководством Сербии и РС в феврале 1995 г. девять сербских оппозиционных партий в Боснии, ведомые Социалистической партией РС и Союзом коммунистов — Движением за Югославию, заявили о необходимости проведения многопартийных выборов для того, чтобы «создать законные органы власти, которые бы смогли ответственно и более удачно решать насущные проблемы своего народа, в первую очередь — окончания войны и установления мира» (цит. по [9. С. 829]). Они искали поддержку у армии боснийских сербов, большинство офицеров которой ранее служили в ЮНА и критически относилось к симпатиям политической элиты РС по отношению к монархизму и четническому движению. В Сербии «Югославские левые» сформировали с СПС и партией «Новая демократия» «Левую коалицию» для участия в предстоящих сербских местных, федеральных парламентских (ноябрь 1996 г.) и сербских парламентских выборах (сентябрь 1997). И если местные выборы, результаты которых югославское руководство было вынуждено признать под давлением ОБСЕ, привели к победе оппозиционных партий в большинстве крупных городов, то успех «Левой коалиции» на парламентских

выборах значительно облегчил Милошевичу задачу формирования федерального и республиканского правительств.

Во время массовых демонстраций рубежа 1997 и 1998 г. против манипуляций на местных выборах Милошевич обвинил организовавших протесты ДСО и ДП и даже Сербскую православную церковь в пораженчестве и «скрытом сотрудничестве с враждебным внешним окружением» (о роли церкви [3. С. 76–77; 26. С. 270]). Учитывая, что широкие круги интеллигенции и оппозиция в это время бурно обсуждали возможные уступки для мирного разрешения проблемы Косова, Милошевич заявил: «[С]ильная Сербия не пришлась по вкусу сильным мира сего за рубежом. Именно поэтому они в сговоре с пятой колонной, сформированной внутри страны, предприняли попытки дестабилизировать наше государство» [25. С. 82]. В условиях стремительной эскалации вооруженного противостояния в южном крае сербский лидер вновь перешел к стратегии противостояния «новому мировому порядку» и пригласил видных представителей СРП занять кресла в республиканском и федеральном правительствах «национального единства». Маятник политического позиционирования С. Милошевича в очередной раз качнулся в сторону национализма и оборончества.

Заключение

Как отмечалось выше, многие исследователи стараются дать окончательный ответ на вопрос опирался ли политический режим времен С. Милошевича на националистическую идеологию или же служил последним оплотом идеалов второй Югославии. Несмотря на наметившиеся в литературе тренды, на мой взгляд, более эмпирически обоснованным и эвристичным является характеристика сербского лидера как архитектора одного из гибридных режимов на посткоммунистическом пространстве.

Настоящая статья проблематизирует присутствующее в историографии и публичных оценках представление о том, что «только после 2000 г., после падения режима Милошевича, Сербия, наконец, вернулась на общую для всех трансформационную дорогу», а также тенденцию рассматривать и политическое поведение С. Милошевича, и развитие третьей Югославии «как нечто совершенно выбивавшееся» из общего процесса посткоммунистических трансформаций (см. [7. С. 93]) — девиантно националистическое или же, наоборот, обнаруживающее удивительную склонность к сохранению социалистических принципов в разных сферах жизни общества — в любом случае, «застывшее» на пути транзита.

Оказавшись в ситуации борьбы за власть, С. Милошевич балансировал между влиятельными группами коммунистов и антикоммунистов, придерживавшихся самых разных, порой диаметрально противоположных, взглядов на «сербский национальный вопрос». Для этого он использовал гибридные идеологии и мифологии, формировал эклектичные политические программы.

В рамках эклектичной националистическо-югославистской доктрины, «медлительные» бюрократы превращались в антипатриотов. В свою очередь, националисты могли избирательно объявляться хулиателями югославских ценностей, крушителями общественного порядка и врагами уверенного возрожденческого курса. Так они автоматически зачислялись в ряды лжепатриотов. Умело совмещая отсылки к идеологии югославизма, этноисторическую мифологию и откровенно этнонационалистическую риторику, С. Милошевич удачно вписывался в общую тенденцию «перекупки» масс радикальными

лозунгами и одновременно завоевывал симпатии более умеренно настроенных слоев общества, консерваторов-коммунистов в политико-административном аппарате, представителей силовых структур (см. подробнее [27. Р. 242–254]). Короче, не столько идеологический разворот, «становление на путь национализма», или, напротив, защита оснований социалистической Югославии, как это принято считать, сколько формирование гибридных идеологий и риторических стратегий стало в Сербии конца 1980–1990-х годов «способом легализации власти все той же номенклатуры» [29. С. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000.
2. *Косик В.И.* Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.). М., 2014.
3. *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: Народы и политика. М., 1998.
4. *Романенко С.А.* Постъюгославское пространство 1992–2014 гг.: проблемы национального самоопределения и непризнанных государств // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1.
5. *Кандель П.Е.* Косовский кризис и этнополитические конфликты постсоветского пространства // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д.В. Тренина. М., 1999.
6. *Сидоренко А.В.* Югославская трагедия: двадцать лет спустя // Власть. 2012. № 2.
7. *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012.
8. *Гуськова Е.Ю.* Динамика косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д.В. Тренина. М., 1999.
9. Югославия в XX в. Очерки политической истории / Под ред. К.В. Никифорова, А.М. Филимоновой, А.Л. Шемякина. М., 2011.
10. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М, 2001.
11. *Мельвил А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2004. № 2.
12. *Edelman M.J.* The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1985.
13. *Татарчевская Т.* О новом историческом повороте в социологии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1.
14. *Adamson K. and Jović D.* The Macedonian–Albanian Political Frontier: the re-articulation of post-Yugoslav political identities // Nations and Nationalism. 2004. Vol. 10. № 3.
15. *Connor W.* The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, 1984.
16. *Hayden R.M.* Constitutional Nationalism in the Formerly Yugoslav Republics // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 4.
17. *Ramet S.P.* Nationalism and Federalism in Yugoslavia, 1962–1991. Bloomington, 1992.
18. *Пономарева Е.Г.* Как была разрушена Югославия // Свободная мысль. 2013. № 3.
19. *Шмелев Б.А.* Югославский кризис и Россия. Балканы: между прошлым и будущим / Под ред. А.А. Язьковой. М., 1995.
20. *Silber L. and Little A.* The Death of Yugoslavia. London, 1995.
21. *Ramet S.P.* The Three Yugoslavias: State-building and legitimation, 1918–2005. Bloomington, 2006.
22. *Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 2001.
23. *Živković M.* Serbian Dreambook: National imaginary in the time of Milošević. Bloomington, 2011.
24. *Hockenos P.* Homeland Calling: Exile patriotism and the Balkan wars. Ithaca, 2003.
25. *Милошевић С.* Говори и јавни наступи. Београд, 2004.
26. *Николић К.* Политички портрет Слободана Милошевића 1988–1991 // Tokovi istorije. 2013. № 1.
27. *Mock S.* Symbols of Defeat in the Construction of National Identity. Cambridge, 2012.
28. *Rekść M.* Mity narodowe i ich rola w kreowaniu polityki na przykładzie państw byłej Jugosławii. Łódź, 2013.
29. *Кандель П.Е.* Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. 1994. Т. 6. № 6.

ИДЕЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© 2021 г. И.М. Мамедов

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

ilgarmm@yandex.com

В Османской империи государственной идеологией был османизм, в поздний период империи младотурецкие идеи создали предпосылки для кемализма, идеологии республиканской Турции. После Второй мировой войны кемализм начал подвергаться эволюции. Ныне в Турции идет процесс поиска идейных подходов, способных ответить на новые вызовы глобальной и региональной политики.

In the Ottoman Empire, the dominating ideology was Osmanism. In the later period of the Empire, the young Turk's ideas created the prerequisites for Kemalism, the ideology of the Republican Turkey. After the Second World War, Kemalism started to evolve. Currently Turkey is in the process of searching for ideological approaches that can meet the new challenges of global and regional policy.

Ключевые слова: евразийство, европеизация, кемализм, туранизм, национализм.

Keywords: Eurasianism, Europeanisation, Kemalism, Turanism, nationalism.

DOI: 10.31857/S0869544X0012825-0

Происходящие в современном мире изменения достаточно остро ставят вопрос о самосознании, как это уже было столетие назад также после фундаментальных трансформаций в международной политике. Для полноценного понимания идейных измерений турецкой политики необходимо рассмотреть вопрос в более широких рамках, историческом контексте и, где уместно, в сравнении со схожими процессами в России и Европе, с которыми тюрки тесно соприкасались.

Государственной идеологией Османской империи был османизм. Затем его последовательно сменяли исламизм и тюркизм (см. [1–4]). Он был продекларирован в первом танзимате (постановлении) в 1839 г. и уточнен во втором в 1856 г. В этих документах-манифестах приветствовались одновременно и шариат, и европеизация, и равенство наций, и процветание империи [1. С. 85]. На рубеже XIX и XX вв. Османская империя, как, впрочем, и Российская империя, переживала кризис и находилась в лихорадочном поиске новых идей, которые помогли бы реформировать и европеизировать государство, и сохранить при этом исламское самосознание и империю.

Мустафа Кемаль Ататюрк вдохнул в старые идеологии свое содержание в новых исторических условиях. Создавая новое государство, необходимо было разработать принципы его управления. Кемаль исходил из верховенства интересов народа, он написал, что «наша концепция — это народовластие, ибо она состоит в том, чтобы предать всю полноту власти, все управление непосредственно народу, в его руки» [5. С. 106]. По идейным убеждениям Мустафа Кемаль не был ни демократом, ни социалистом и создавал «не демократическое и не социалистическое, а народное правительство» [5. С. 182].

Опора на идею народовластия логически привела его к национализму, но особого типа: «Мы такие националисты, которые уважают и почитают все нации, сотрудничающие с нами. [...] Наш национализм — это, во всяком случае, не эгоистический, не надменный национализм» [5. С. 106—107]. Он подчеркнул, что «немусульманским народам следует предоставить такие же права, какими пользуются мусульманские народы» [5. С. 48]. Кемалистский национализм распространялся на всех, считающих себя турками и живущих на территории Республики Турция. Гражданство было тем институтом, который закреплял принцип национализма, т.е. кемалистский национализм был политическим и юридическим понятием.

Принципы народничества и национализма закономерно получили воплощение в республиканской форме государственного правления. Логика была следующей: «Это есть [...] правительство народной власти. Это есть республика» [6. Т. II. С. 75]. Одним из основных правил создаваемой им республики он считал «принцип отделения армии от политики» [5. С. 325].

Мустафа Кемаль понимал, что независимость страны невозможна без сильной экономики и подчеркивал: «Единственным прочным фундаментом, могущим обеспечить полный успех, является экономика» [5. С. 275]. При этом полная независимость возможна только при условии финансовой независимости. Поэтому для поддержания нормальной жизни и деятельности государственного организма Кемаль предложил «изыскать средства и источники доходов у себя в стране без обращения за границу» и «без возложения тяжелого гнета на народ», а также «установить государственную монополию на некоторые товары» [5. С. 219]. Одну из важных задач экономической политики он видел в том, чтобы «огосударствить те предприятия и учреждения, которые будут представлять непосредственный общественный интерес» [5. С. 216]. В Турции этатизм рассматривали как «третий путь», отличающийся от коммунистического и капиталистического путей развития. Турецкие ученые марксистский тезис о противоречии между пролетариатом и буржуазией применительно к странам Азии и Африки считали неверным. По их мнению, главным противоречием выступали резкие различия между бедными афро-азиатскими и богатыми европейскими странами. Разрешить это противоречие могло только национально-освободительное движение наподобие турецкой войны за независимость [7. С. 151—153].

Мустафа Кемаль был твердым сторонником отделения религии от общественной жизни и политики. Полностью уважая ислам, принадлежностью к которому гордился, он выступил за то, чтобы религия «не была больше средством политики, каким она являлась в течение многих веков» [5. С. 325]. Управление и руководство всем мусульманским обществом из одного центра он назвал фантазией, которая противоречит науке, знанию, логике, и категорически был против того, чтобы халиф стал «господином над обществом». «Это несовместимо с высокочтимым шариатом Мухаммеда», аргументировал

Кемаль, ссылаясь как раз на шариат, «ибо сказано: “Нет господства над нацией, есть служение ей”» [5. С. 188]. При этом Ататюрк отличали веротерпимость и уважение к другим этническим и религиозным меньшинствам, за которыми он признавал свободу совести, мнений и взглядов, так как, «если среди граждан государства имеются элементы, принадлежащие к различным вероисповеданиям, то государство обязано [...], как в отношении иностранцев, так и в отношении собственных граждан, соблюдать принцип свободы совести и мнений» [6. Т. IV. С. 125].

Принципы национализма и народности легли в идейную основу балканской политики Мустафы Кемалья, в которой он исходил из этнического родства, культурного сродства и общности истории балканских народов. Ататюрк, выступая перед участниками Второй балканской конференции, состоявшейся в Анкаре 25 октября 1931 г., сказал, что «балканские нации [...] имеют общих предков — пришедших из Средней Азии близких друг другу, единокровных родов. И несмотря на то, что поселившиеся на Балканах человеческие массы, которые в течение тысячелетий шли друг за другом, подобно морским волнам, по путям к северу и югу от Черного моря, стали пользоваться разными именами, они в действительности не что иное, как вышедшие из одной колыбели единокровные братские народы. Таким образом, вы видите, что узы, которые могут тесно связать балканские нации друг с другом, относятся не столько к недавнему прошлому, сколько к далекой истории» [5. С. 362–363].

Идеология, основанная на взглядах Ататюрка, получила наименование кемализма. В 1937 г. конституция с опорой на нее провозгласила государственные принципы Республики Турция [7. С. 161–162]: 1) республиканизм; 2) национализм; 3) народность; 4) государственничество (этатизм); 5) светскость (лаицизм); 6) революционность. Республиканизм означал форму правления и государственного устройства. Под национализмом подразумевалось единство всех этнических общин в рамках нации, имеющей не этническую, а политическую основу, под народностью — народный суверенитет, принадлежность власти народу. Этатизм подразумевал политику государственного капитализма, доминирование государства в экономике. Лаицизм выражал светский характер турецкого государства. Революционность предполагала стремление к прогрессивным изменениям и реформам, верность кемалистской революции. Турецкий исследователь Кылычбейли считал, что в модели «нация – государство», созданной Мустафой Кемалем, были объединены три принципа Французской революции: республиканизм, национализм и светскость и аналогичные принципы Российской революции: революционность, государственность и народность [8. С. 279].

Со временем кемалистские принципы наполнились новым содержанием. С 1945 г. политическая система Турции стала многопартийной. Пришедшая к власти после выборов 1950 г. Демократическая партия начала проводить либеральную экономическую политику, уменьшив контроль государства в экономике. Принцип этатизма дополнился концепцией «смешанной экономики». Однако, во второй половине 1950-х годов в связи с экономическим кризисом правительство отказалось от либерализма и началась политика «делиберализации». Конституция 1961 г. предоставила каждому право на собственность (ст. 36) и свободу предпринимательства (ст. 40). В то же время в экономике государство сохраняло ключевые позиции, поэтому было обязано увеличивать национальные финансовые ресурсы, отдавая приоритет тем инвестициям, которые способствовали повышению благосостояния населения (ст. 41). Конституция 1982 г. была выдержана примерно в том же духе. Похожую тенденцию

можно наблюдать ныне в России, обсуждающей предложения по усилению социальной роли государства.

После 1983 г. правительство, возглавляемое Тургуттом Озалом, перешло к либеральным экономическим реформам. Суть его первых законодательных мер состояла, во-первых, в отмене монополии государства в ряде отраслей экономики и допуск в них частных компаний; во-вторых, в старте приватизации государственных предприятий; в-третьих, в отмене жесткого контроля государства над валютной системой, либерализации деятельности иностранного капитала, ограничении вмешательства государства в ценообразование; в-четвертых, в либерализации режима импорта и поощрении экспорта. Участие государства в экономике ограничивалось лишь теми областями, где частный сектор не мог рассчитывать на получение дохода [1. С. 343–344]. В 1990-е годы либерализация экономики и приватизация госпредприятий продолжились. Некоторые авторы трактовали это как отказ от этатистской модели в пользу неолиберальной, которая подрывала традиционную власть государственной бюрократии и тесно связанной с ней стамбульской буржуазии [9. С. 121].

Трансформации подверглась также религиозная политика. В конституциях 1921 и 1924 г. утверждалось, что ислам является государственной религией Турции. В 1928 г. это положение уже отсутствовало в конституции, а конституция 1937 г. провозгласила светский характер республики. После Второй мировой войны лаицизм начал эволюционировать в другую сторону. В 1947 г. в Народно-республиканской партии (НРП) сложилась группировка, выступившая в поддержку ислама. В 1948 г. правительство впервые разрешило паломничество в Мекку. С 1949 г. было введено обучение основам ислама в школах, открыт богословский факультет в Анкарском университете, созданы курсы для богослужителей, снят запрет на посещение гробниц мусульманских святых [7. С. 221]. Началось строительство новых мечетей и реставрация старых. В 1950–1960-е годы возобновили деятельность запрещенные кемалистами тарикаты (суфийские ордена) и появились новые. Американцы советовали преградить путь коммунизму с помощью ислама [7. С. 233]. Вместе с тем конституция 1961 г. подтверждала светский характер республики (ст. 2) и конституционность законов по обеспечению духовной секуляризации, принятых в 1924–1934 гг. (ст. 153–154).

В 1970–1980-е годы интерес к исламу усилился. Мехмет Доган в книге «Коварство западизации» весьма критически оценил предпринятые Турцией шаги по европеизации. По его мнению, по инициативе бюрократии произошла «иностранизация» турецкого общества, его интеллигенции, культуры, идеологии, политики и т.п. (см. [10. С. 20–21]).

Касаба, американский исследователь турецкого происхождения, писал, что, по мнению кемалистов, нацию сбили с ее истинного пути реакционные силы, стремящиеся подтвердить верховенство религии в турецком обществе. Мусульманская интеллигенция посчитала цели кемалистской модернизации противоречащими основам мусульманской культуры, неотъемлемой частью которой является турецкий народ, при Ататюрке насильно лишенный своих религиозных традиций. Как только будут сняты ограничительные рамки кемалистской идеологии, турки создадут общество, которое будет не только современным, но и более равноправным и справедливым, чем общество, созданное кемалистской элитой по западному образу [11. Р. 17–18].

Политика либерализации Т. Озала способствовала восстановлению исламом статуса одного из самых влиятельных институтов не только в личной, но и в общественной жизни в стране. Появились многочисленные религиозные фонды-вакфы социального назначения, стипендии и интернаты для неимущих учащихся школ и вузов. Часто за такими вакфами стояли религиозные ордена, за орденами и их руководителями — крупный капитал из исламских государств. Новое законодательство предоставляло особые льготы инвесторам из Саудовской Аравии, Ливии, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна и Катара [1. С. 346–347].

Изменение отношения к религии проявилось и в содержании национализма. По мнению У. Узера, в результате демократизации политики и провинциализации крупных городов из-за миграции населения из сельской местности, а также тому факту, что ислам занял главное место в определении турецкой идентичности, в 1950–1960-е годы возник консервативный национализм [2. Р. 4]. В 1950-е годы он стал идеологией с сильным исламским подтекстом. Хотя для консерваторов ведущей оставалась этнорелигиозная составляющая с акцентом на анатолийские ценности, они утверждали, что секуляризм является общественным делом. С другой стороны, местная националистическая консервативная интеллигенция, оказавшаяся весьма востребованной в условиях холодной войны, подчеркивала свою аутентичность, но в то же время и желание быть в гармонии с Западом, хотя и критиковала его приверженцев в Турции за то, что они отделили турецкую культуру от ее корней. Противоречивость их идей, по мнению Узера, заключалась в том, что они, с одной стороны, поддерживали проамериканскую внешнюю политику Турции, а с другой — защищали собственную культуру и независимость как значимый элемент национализма [2. Р. 166–167].

Столкновение с курдским сепаратизмом обнажило слабости турецкого национализма. Мустафа Кемаль предполагал для Турции организованный, четко сформулированный, линейный процесс модернизации, в которую будет вовлечена вся нация. Когда курды доказали культурную и этническую самобытность и использовали ее в качестве основы для организации вооруженной борьбы, позиции кемалистов и их критиков стали еще более поляризованными. Кемалисты отрицают существование «курдской проблемы» и характеризуют курдов как «террористов» и «отсталые слои населения». Они настаивают на эффективности принятия против курдов и других нетурецких этнических групп методов подавления, применявшихся еще в XIX и начале XX в. Но в современной Турции существуют и иные точки зрения на способы решения конфликтов на национальной почве, что демонстрирует, по мнению Касабы, потерю кемализмом единства и позиций в обществе [11. Р. 18–19].

Отражая происшедшие изменения, Кафесоглу в 1970-х годах ввел термин «турецко-исламский синтез». Этот термин был принят на вооружение как идеология в дополнение к кемализму по инициативе Высшего совета культуры, языка и истории им. Ататюрка, который в 1980-х годах стал влиятельным идеологическим органом при правительстве. Высший совет 20 июня 1986 г. «одобрил доклад на предмет принятия всей нацией понятия культуры, что составляет основу турецко-исламского синтеза». В документе подчеркивалось, что «источниками национальной культуры Турции являются и тюркская, и исламская культуры. Эти две культуры пришли в Анатолии к синтезу при сельджуках и окончательно при османах. [...] Сегодняшнее поколение имеет дело с культурным наследием, основанным на трех тенденциях — тюркизме, исламизме и вестернизации» [12. С. 172]. Турецкие специалисты подчеркивали,

что «руководство Турции, проявляя мудрость, было категорично в отвержении пантюркизма и пантуранизма» [13. Р. 10], ничего общего не имеющих с тюркизмом.

Новые подходы к религии и национализму отразились во внутривнутриполитической жизни. Начиная с 1970 г. в стране начали создаваться многочисленные так называемые исламские партии. С 2002 г. у власти находилась Партия справедливости и развития (далее — ПСР), образовавшаяся в 2001 г. Известным идеологом этой партии стал Ахмет Давутоглу, бывший премьер-министр и министр иностранных дел. Он — автор внешнеполитической концепции «стратегической глубины» — дополнил и трансформировал кемализм в соответствии с новыми историческими реалиями международной политики после холодной войны. Вопрос о международной позиции Турции и вытекающие из этой позиции стратегические и тактические цели Давутоглу предложил рассматривать не только в контексте процесса международных отношений, но и опираясь на теорию, учитывающую многомерность этого положения. Он соединил, среди прочего, культурно-историческую методологию, геокультурный подход и кемалистские принципы: национализм, светскость, этатизм и революционность в анализе международного положения и внешней политики Турции. Вопросы национализма и религии после холодной войны, с его точки зрения, приобрели большое значение во внешней политике Турции. Он подчеркнул, что его страна во избежание балканской катастрофы, подобной той, что случилась в начале прошлого века, должна проводить активную политику во всех вопросах, касающихся будущего мусульманских общин в регионе [14. С. 123–124]. Две оси — Босния и Герцеговина и Косово, по его мнению, являются как базовыми элементами в балканской геополитике, так и линиями интенсивного геокультурного противостояния, что ведет к вовлеченности в него глобальных и региональных игроков в борьбе за стратегический узел на Балканах [14. С. 291–292]. С тех пор, как Османское государство доминировало на Балканах, по мнению А. Давутоглу, османская-турецкая традиционная балканская политика опиралась только на босняков и албанцев. Эти два народа, выбрав ислам, свою ношу в балканской геокультуре, которая держится на католическо-православно-исламской или римско-германо-русско-османской основе, переложили на османов [14. С. 316]. Это означает, что Турция несет ответственность за эти народы.

Принцип этатизма служил для А. Давутоглу инструментом для решения внешнеполитических задач. Он полагал, что для этого «нужна экономическая основа турецкой внешней политики на Балканах» [14. С. 124]. Особую ставку в балканской политике он сделал на Организацию исламской конференции (ОИК) [14. С. 321], где, в отличие от НАТО и ЕС, Турция нашла поддержку своих интересов на Балканах. В свою очередь Турцию в ОИК рассматривали как защитника и проводника интересов балканских мусульман и в определенной мере стратегического влияния организации.

Правящая партия и сегодня подтверждает свою приверженность кемализму. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, выступая на торжественном мероприятии, посвященном 79-й годовщине смерти Ататюрка, заявил, что правящая партия стремится «защитить наследие» Мустафы Кемаля Ататюрка, основателя Республики Турция, охраняя его от «идеологического фанатизма, который инструментализирует его имя» [15].

Что касается *этатизма*, то в связи с финансовыми сложностями, возникшими после санкций США в сентябре 2018 г., президент Эрдоган заявил, что

правительство Турции решит все вопросы, затрагивающие «нашу экономику, не выходя за пределы свободной рыночной системы» [16]. Правящая партия исходит из того, что человек является как ресурсом, так и целью экономического развития; благоприятствует рыночной экономике; признает, что государство в целом должно оставаться за пределами всех видов экономической деятельности; определяет функции государства в экономике как регулятора и контролера; рассматривает приватизацию как важный инструмент формирования более рациональной экономической структуры [17].

ПСР рассматривает *секуляризм* как предпосылку демократии, гарантию свободы совести и отвергает его интерпретацию как врага религии. По мнению партии, секуляризм — это принцип, который позволяет людям всех религий и убеждений иметь возможность спокойно практиковать свои религии, выражать свои религиозные убеждения и жить соответственно, но который также позволяет атеистам строить свою жизнь в соответствии со своими взглядами. С этой точки зрения, полагает партия, секуляризм — это принцип свободы и социального мира. ПСР выступает против использования священных религиозных ценностей и этнической принадлежности в политических, экономических и других целях, и оказания давления на людей, которые думают и живут иначе.

Согласно партийному восприятию политики, воля нации является основой каждого действия. Демократия — это форма правления, при которой правовые нормы создаются с одобрения граждан. В условиях демократии суверенитет принадлежит *народу*. Правительство не должно определять, формировать или навязывать свои предпочтения гражданам, а, наоборот, должно контролироваться и формироваться гражданами, т.е. народом. По мнению ПСР, *республика* является одним из важнейших достижений страны за тысячелетнюю историю. Вместе с тем, пройденный путь для превращения республики в демократическую республику является еще недостаточным. ПСР рассматривает *всех граждан* Республики Турция равноправными независимо от различий в религии, языке, места рождения, этнической или родовой принадлежности [17].

Она характеризует свою политическую платформу как «консервативно-демократическую», политически привлекательную также для стран региона. Ее консерватизм выступает против всех видов авторитаризма, подчеркивает, что свобода будет иметь смысл только в конкретных проявлениях, поддерживает семью, общественные институты, духовные и моральные основы. Такое политическое мировоззрение, по мнению ПСР, может быть обеспечено только на основе демократии. Критическое мышление, поведенческий плюрализм, фундаментальные права и свободы, а также ценность принадлежности к цивилизации и терпимость предопределяют консерватизм в демократической форме.

С точки зрения партии, на протяжении десятилетий турецкая политика находилась под тяжестью напряженности, возникающей из отношений между религией и политикой, традицией и современностью, религией и государством, а также государством, обществом и индивидуумом. ПСР попыталась перестроить эти отношения для решения этих проблем. Она выбрала новый тип политики, основанной на *цивилизационных* ценностях. Консервативная демократия ценит политическую легитимность, основанную на воле народа и общих ценностях человечества. ПСР не рассматривает консерватизм как препятствие для *перемен*. Скорее, она считает его средством противодействия авторитарным и радикальным изменениям. В ее программе отмечается, что партия будет развивать и, при необходимости, изменять политику Турции на Балканах в свете исторических, культурных

и экономических отношений со странами региона [17]. Таким образом одна из ведущих турецких партий завершила «тихие революции», основанные на понимании процесса постепенных изменений и общественной динамики [18].

В целом, относительно новой роли религии и сути национализма, а также пессимизма в успехе западной ориентации существуют разные точки зрения. Турецкие реформаторы отождествляли модернизацию с западнизацией — с обретением места в европейской цивилизации. Английский ученый турецкого происхождения Ч. Кейдер поддержал эту позицию. Современность, по мнению сторонников этой концепции, — цельный проект, охватывающий и усваивающий все культурные аспекты, которые позволили Европе достичь высоких результатов во многих сферах жизни, но он низвел местную культуру до уровня фольклора, не допускал использования таких словосочетаний, как исламская или турецкая культура. Именно это отождествление модернизации с западнизацией привело к сомнению в возможности ее реализации. Существует, однако, и другая концепция, сторонники которой объявляют о завершении проекта модернизации как импорта идеалов Просвещения и отмечают возможность местного и исламского (и поэтому подлинного, как утверждают некоторые) решения проблем современности [19. Р. 35].

Турецкий исследователь Гюльальп вместо термина «западнизация» использовал термин «модернизация» и утверждал, что исламизм является продуктом разочарования невыполненными обещаниями западной модернизации и представляет собой критику модернизма. Центральным понятием, по его мнению, здесь стала «импортозамещающая индустриализация», общая модель модернизации стран третьего мира в XX в. В основе этой модели лежит представление о том, что страна может развиваться, заменяя импортируемые ею ранее товары собственным производством с помощью государственного вмешательства. Таким образом, если идея развития путем «импортозамещающей индустриализации», провалилась, а вместе с ней и вера в модернизацию, то кризис развития и подъем исламизма, по мнению ученого, должны быть связаны [20. Р. 47–48]. Исламизм признает существенную оппозицию между исламом и Западом, но отвергает западное утверждение превосходства. Он утверждает превосходство духовных ценностей ислама над материальными богатствами Запада [20. Р. 52].

Некоторые политики и политологи полагают, что современный турецкий исламизм и проповедуемый им религиозный национализм, так называемая теория тюрко-исламского синтеза — новое явление в истории Турции. Они задаются вопросом, сумеют ли современные турецкие умеренные исламисты удержать этот средний путь развития [21. С. 18]. Другая точка зрения исходит из того, что сегодня в Турции есть твердо установившаяся и оформившаяся власть анатолийской буржуазии, которой удалось демонтировать этатистскую, светскую модель и армию как ее хранительницу. Провал военного переворота 16 июля 2017 г. знаменует собой окончательный закат эры Турции Ататюрка [9. С. 124].

Сторонники третьей точки зрения считают, что некоторые концепции организации государственной власти, вырванные из общего контекста исламской мысли, используются для того, чтобы отвергнуть восприятие любой демократической идеи или даже оправдать политический экстремизм. Центральное место в теоретическом наследии ислама и в современной исламской мысли принадлежит не догматическим взглядам, а совсем иным ценностям — таким как, поиск компромиссов, стабильность, защита чести и достоинства человека, диалог и взаимные консультации. Исходным началом исламской политической мысли является нацеленность на реализацию трех фундаментальных

ценностей — равенства, справедливости и, прежде всего, решения спорных вопросов с помощью консультаций. Что же касается путей и форм их претворения, то их должны выбрать сами мусульмане [22. С. 207].

Кемализм в Турции, как и социализм в России, стал ответом на поиски ценностного, идейного самоопределения после краха империи, когда надо было создавать новую страну на других основах. Мустафа Кемаль, опираясь на самосознание и мировоззрение тюрок, вдохнул новую жизнь в понятия «тюркизм», «исламизм» и «модернизация», выдвинутых предшествующими идеологами. Тюркизм/туранизм, трактованный с этнический и культурной точки зрения и географически охватывавший все регионы проживания тюркских народов и призывавший к их объединению, в его интерпретации превратился в политическое и юридическое понятие, институализировался в гражданство, объединил всех жителей в рамках территории Республики Турция и сделал их нацией. Поэтому тюркизм ничего общего не имеет с пантуранизмом или пантюркизмом, как это иногда представляют. Став нацией, граждане Турции законно претендовали на свою власть в рамках республиканской формы правления.

Ататюрк ликвидировал халифат, тем самым отделил религию от государства, веру от политики, оставил первой духовные функции в частной жизни. Но он пошел достаточно далеко, полностью запретив все официальные и публичные его проявления в обществе, которое теперь управлялось не религиозными, а гражданскими нормами, позаимствованными из законодательства европейских стран. Функции же государства расширил, особенно в сфере экономики. Турецкое общество должно было реформироваться основательно. Похожими проявлениями в России стали атеизм, интернационализм и борьба против иностранной интервенции. Широко распространена трактовка кемалистских реформ как попытка европеизироваться. Однако к Европе Ататюрк относился с подозрением и недоверием. Он ставил целью только задачу модернизировать, перенять у Европы все полезное, что могло бы служить интересам Турции.

Поэтому закономерно, что отношение Запада к кипрскому конфликту, тип политики евроинтеграции, поддержка США курдов на Ближнем Востоке — очень чувствительные вопросы внешней политики Турции — вызвали разочарование и поколебали веру в обоснованность западной ориентации. Политическая демократизация и экономическая либерализация, миграция в города сельского населения, значительная часть которого была верующей, усиление национально ориентированной провинциальной буржуазии и потеря позиций европейски настроенной буржуазии крупных городов начали менять баланс сил, официально сделали религию и ее открытое исповедание допустимой, а общественное обсуждение поставили по-новому вопросы национализма и религии.

Попытка сохранить свою мусульманскую идентичность и европеизироваться была безуспешно предпринята еще Османской империей. Современная Турция пытается сохранить, с одной стороны, национально-религиозное самосознание и, с другой, стать частью Европы, что также пока безрезультатно. Синтез национализма и светскости с исламом как «ценностно-идеологические подходы входят в еще большее противоречие с курсом на вестернизацию и европеизацию» [23. С. 59]. Стали очевидными противоречие и несовместимость между западной ориентацией во внешней политике и национализмом и светскостью во внутренней политике. Это отчетливо проявилось на Балканах. Здесь, с одной стороны, стремление Турции и некоторых балканских стран к членству в ЕС не поддерживается ЕС, который чуждым с религиозной

точки зрения странам, включая Турцию, отказал. С другой стороны, политика Турции по развитию чисто балканских региональных инициатив противоречит ее стремлению к вступлению в ЕС, равно как и обязательствам ряда балканских стран, принятых в рамках этой организации.

В нынешний период Турция находится в новом поиске. Времена и обстоятельства меняются, и турецкие исследователи и политики адаптируют кемализм к новым условиям, от него не отказываются, как утверждают некоторые, но приветствуют его изменение. Эволюция кемализма соответствует принципу революционности. В западных рамках Турция не чувствует себя уютно, это не свое, а чужое. На первый взгляд может показаться невероятным, но при более глубоком — закономерным, что в результате подписанного в 1967 г. торгового соглашения, предоставил Турции технологии именно СССР, благодаря помощи которого закладывались основы турецкой экономики, в то время как западные союзники предоставлять Турции технологии отказались [24. С. 138].

Кемалистский секуляризм авторитарно официально запретил ислам, но он сохранился в частной жизни. Да и эта ситуация держалась относительно недолго. Ислам начал пробивать себе дорогу в публичную жизнь сразу после Второй мировой войны. Возобновление интереса к исламу стало возможным благодаря дальнейшей демократизации. Сомнительна также правомерность взгляда на демонтаж этатизма и наступление заката эры Ататюрка. Этатизм допускал частное предпринимательство и смешанную экономику, где государство по-прежнему играет значительную роль.

Широко используемые словосочетания «политический ислам» или «исламская партия» на самом деле — термины, не вполне отражающие реальность. Опасения создания исламского правления вряд ли выглядят обоснованными. Государством правят не религиозные деятели, а светские люди. Управляют они не по шариату, не по религиозному праву, а по светским законам. Ислам стал, да и всегда был одним из идейных компонентов наряду с национализмом, одной из составляющих национальной идентичности. Больше внимания заслуживает мнение о том, что при сохранении светского законодательства происходит не противоречащий друг другу сплав исламских ценностей и традиций, и демократических норм, процесс, похожий на существующий опыт европейских христианско-демократических партий.

Турция находится на перепутье, как и в конце XIX — начале XX в. Так же, как и посткоммунистическая Россия, она ищет и формулирует основы самоидентификации, идеологию и место в мировом сообществе. Это проявляется и в балканской политике Турции. Как я уже отметил ранее, «в XXI в. в основу политики применительно к Турции следует положить не религиозные, как это было в XIX в., или идеологические, как это было в XX в., а геополитические принципы, и евразийство могло бы создать соответствующую геополитическую основу и политическую доктрину. Тем более, что в цивилизационном плане Турция — скорее евразийская, чем европейская страна» [25. С. 469] (см. также [26. С. 281–283; 27]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Куреев Н. Г.* История Турции. XX век. М., 2007.
2. *Uzer U.* An Intellectual History of Turkish Nationalism. Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. Salt Lake City, 2016.

3. *Мухамметдинов Р. Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма: (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ, 70-е гг. XIX в.— 90-е гг. XX в.). Казань, 1996.
4. *Inalcik H.* Turkey between Europe and the Middle East // *Diş Politika — Foreign Policy*. 1991. № 15.
5. *Кемаль Ататюрк.* Избранные речи и выступления. М., 1966.
6. *Кемаль М.* Путь новой Турции. 1919–1927. М., 1932. Т. II. 1919–1920; М., 1934. Т. IV. 1921–1927.
7. *Еремеев Д. Е.* Турки. Историко-этнографический очерк. 2-е изд., испр. М., 2018.
8. *Кылычбейли Э. Х.* Евразийская геополитика: Турция и Россия (старые понятия, новые подходы) // Турция в XX веке. М., 2004.
9. *Лебский М.* Турция — мир на разломе истории (сб. статей). М., 2017.
10. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
11. *Kasaba R.* Kemalist Certainties and Modern Ambiguities // *Rethinking Modernity and National Identity in Turkey* / Bozdogan S and Kasaba R. (eds.). Washington, 1997.
12. *Варбанец П. А.* К вопросу о зарождении и эволюции идеологии кемализма в Турции // Турция в XX веке. М., 2004.
13. *Kemal K.* Turkish Foreign Policy: Some Introductory Remarks // *Turkish Foreign Policy: Recent Developments* / Kemal H. Karpat (eds.). Madison, Wisconsin, 1996.
14. *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2001.
15. We will protect Atatürk's legacy: President Erdoğan, November 10, 2017 [Электронный ресурс] // *Hürriyet Daily News*. Turkey. Politics. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/we-will-protect-ataturks-legacy-president-erdogan-122240> (дата обращения 02.03.2018).
16. Turkey committed to solving economic issues within bounds of free market system, September 13, 2018 [Электронный ресурс] // *Daily Sabah*. Business. Economy. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2018/09/14/turkey-committed-to-solving-economic-issues-within-bounds-of-free-market-system> (дата обращения: 15.09.2018).
17. Party Program [Электронный ресурс] // AK Parti. URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme#bolum_ (дата обращения: 04.08.2018).
18. 2023 Political Vision [Электронный ресурс] // AK Parti. URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/2023-political-vision#bolum_ (дата обращения: 04.08.2018).
19. *Keyder Ç.* Whither the project of Modernity? Turkey in the 1990s // *Rethinking Modernity and National Identity in Turkey*. Washington, 1997.
20. *Gülalp H.* Modernization Policy and İslamic Politics in Turkey // *Rethinking Modernity and National Identity in Turkey*. Washington, 1997.
21. *Орешкова С. Ф.* Исламизм в Турции: восстановление былого или новое явление? // Турция в период правления партии справедливости и развития. Сборник статей. М., 2012.
22. *Сюкияйнен Л. Р.* Религия, право и исламская мысль в современной Турции // Турция на рубеже XX и XXI веков. М., 2008.
23. *Мамедов И.* Турецкий фактор в глобальной политике // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 2 (2), апрель.
24. *Телляль Э.* Советское наследие в российско-турецких отношениях // Турция в XX веке / Ин-т Востоковедения РАН. М., 2004.
25. *Мамедов И.* Политика Турции в контексте евроскептицизма // Европа. Евразия. XXI век начинается / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2018.
26. *Мамедов И.* Русско-тюркские культурно-исторические связи // Славянский альманах. 2019. М., 2019. Вып. 3–4.
27. *Мамедов И.* Балканы: еще один регион для сотрудничества России и Турции? 12 сентября 2019 // Российский совет по международным делам. Блоги. Блог Ильгара Мамедова. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/imamedov/34826/?sphrase_id=31498186

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ СЛОВЕНИИ В СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ СЛОВЕНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© 2021 г. Н.С. Пилько

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

nbg2005@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

В статье рассматриваются наиболее интересные работы словенских авторов по современной истории Республики Словения. Словенская историческая наука, несмотря на кризис и нестабильное финансирование, продолжает развиваться. Ежегодно выходят новые исследования по новой и новейшей истории Словении, что, несомненно, имеет важное значение для развития славистики.

The article is devoted to the most interesting works of Slovenian authors on the contemporary history of the Republic of Slovenia. Slovenian historical science, despite the crisis and unstable funding, continues to develop. New research-works in the history of Slovenia are published every year, and this fact is undoubtedly important for the development of the Slavic studies.

Ключевые слова: Югославия, библиография, транзит, приватизация, парламент, многопартийная система, экономика.

Keywords: Yugoslavia, bibliography, transit, privatisation, Parliament, multi-party system, economics.

DOI: 10.31857/S0869544X0012826-1

Прошло почти тридцать лет с момента обретения Словенией независимости. За эти годы страна смогла достичь многого. Но тогда, в 1991 г. еще предстояло преодолеть нелегкий путь самоидентификации, построения нового политического общества, экономики, государственных институтов. Несомненно, на тот момент, транзит из социалистического настоящего в демократическое будущее был нелегкой задачей. В условиях неопределенности словенским политикам приходилось двигаться на ощупь. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы делать выводы о том, насколько удачным был для Словении переходный период. В современной словенской историографии появляется много работ, в которых не только восстанавливается последовательность событий того времени, но и дается их критическая оценка. Три десятилетия — срок немалый.

И с высоты этих лет, уже можно дать более или менее определенные оценки тем или иным событиям, решениям, процессам и проследить их результаты.

Словенские исследователи, которые занимаются изучением современной истории своей страны, затрагивают в основном такие проблемы, как становление словенской экономики, политической системы и парламентаризма. Есть работы как общего, так и философского характера, в которых авторы посредством анализа прошлого пытаются предсказать будущее Словении и возможные пути ее развития. В большинстве из них дается экскурс в историю социалистической Югославии и Словении в ее составе, что, несомненно, позволяет лучше понимать современные процессы.

Особый интерес представляют собой труды словенских историков, изданные Институтом новейшей истории (Inštitut za novejšo zgodovino) в Любляне и объединенные в серии «Razpoznavanja». Работы написаны с использованием обширного архивного материала, словенской и югославской историографии, прессы.

Начать мне бы хотелось с монографии Йоже Принчича «Путь к словенской национально-экономической суверенности. 1945–1991» [1], изданной в 2013 г. Принчич является сотрудником Института новейшей истории с 1986 г. Он занимается изучением экономической истории Словении. Данная работа – комплексное исследование экономических процессов, происходивших на словенских землях с 1945 г. по 1991 г.

Автор начал книгу с очерка об экономической ситуации на словенских землях, сложившейся после окончания Второй мировой войны. Он придерживается традиционной позиции, смысл которой заключается в том, что Словения вошла во второе югославское государство в качестве его наиболее развитой части и с прекрасными перспективами для развития. Однако введение в 1946 г. плановой экономики лишило словенское правительство возможности влиять на экономические события не только в стране, но и в самой республике [1. S. 15]. По окончании военных действий, Словения должна была оценить материальные потери, которые она понесла во время войны. Автор отметил, что в то время в стране бытовала убежденность в незначительности экономических убытков республики по сравнению с другими частями страны. В итоговом отчете была указана цифра 966 млн американских долларов, что едва ли составляло 10% от общей суммы югославских потерь. Это в свою очередь повлияло на размер государственных дотаций, которые были не столь большими, как у других республик.

По мнению автора, Словения, несмотря ни на что, за период с 1945 г. по 1991 г. сумела преобразовать свою экономику из региональной в национальную, хотя до середины 1960-х годов словенские политики были не в состоянии защищать национальные интересы словенцев. Только с приходом Стане Кавчича впервые был поднят вопрос о преобразованиях в государстве, об отказе от централизма в экономической политике, ослаблении рыночных отношений и изменении в системе поддержки малообеспеченных краев и республик [1. S. 356]. Именно он первым публично озвучил идею о необходимости большей свободы для Словении в рамках федерации. Его инновационные идеи не нашли поддержки и были осуждены на государственном уровне. Однако затронутые им вопросы остались на поверхности, и продолжали будоражить умы нового поколения.

Автор предположил, что одной из причин торможения экономического прогресса Словении было значительное различие в экономическом развитии

составляющих Югославию республик. Он отметил, что в то время как в Хорватии и Словении индустриальный прогресс достиг высокого уровня, в других республиках он находился в зачаточном состоянии. По его мнению, перелом произошел только в 1974 г., когда была принята новая конституция. Расширившиеся права республик стали первым шагом к децентрализации, заложили принципы конфедерации [1. S. 357]. Однако руководство республики не торопилось воспользоваться новыми возможностями и оставалось более или менее нейтральным вплоть до 1980 г. После смерти Тито оно все более и более решительно вставало на прогрессивные позиции, а с середины 1980-х годов констатировало, что «в государстве отсутствует “климат” для улучшения экономической жизни и пришлось к заключению, что Словения должна взять бразды экономического управления в республике в свои руки» [1. S. 357].

Автор отметил, что югославская экономическая модель мало способствовала развитию Словении, однако в период с 1945 по 1985 г. она, вопреки всему, сумела извлечь пользу. За прошедшие годы завершилась индустриализация, изменилось руководство и его взгляды, Словения стала экспортировать продукцию, и тем самым создала себе хороший имидж за рубежом, открыла возможности для развития малого бизнеса, подготовила талантливых управленцев, создала свою банковскую систему, разработала амбициозную экономическую программу, связав науку и производство. К концу 1980-х годов, по мнению автора, Словения уже была готова заявить о своей независимости и начать процесс формирования государственности [1. S. 358]. Немалую роль в этом сыграл последний глава словенского Исполнительного комитета Душан Шинигой. В 1988 г. он удвоил усилия, чтобы вытянуть словенскую экономику из кризиса. К 1990 г. союзное законодательство уладило все ключевые экономические вопросы, направив экономику республики из социалистического в капиталистическое русло, и приступило к процессу выхода из состава государства. Решающий вклад в этот процесс внесла коалиция ДЕМОС. С декабря 1990 г. по июнь 1991 г. руководство Словении сделало все, чтобы отделиться от югославской экономики. Была создана своя налоговая система, изменена банковская система и принцип кредитования, создана своя таможенная служба. Итогом стало принятие словенским парламентом законов, согласно которым органы Республики Словении взяли на себя права и функции, которые до тех пор были под контролем органов СФРЮ. 7 октября 1991 г. Словения заявила о введении собственной валюты, и это стало концом 70-летней «привязанности» республики к Югославии, «югославские рынки окончательно стали иностранными рынками» [1. S. 360].

В целом Йоже Принчич довольно детально и подробно рассмотрел экономику Республики Словения, приводя массу статистических данных. Кроме того, автор акцентировал внимание и на основных политических деятелях Республики, чей вклад в становление экономической системы был неоспорим. Эта работа будет интересна не только специалистам по истории Словении, но и тем исследователям, которые интересуются экономикой СФРЮ в целом.

Монография Александра Лоренчича «Конец старого и начало нового. Транзит словенской экономики из социализма в капитализм (1990–2004)» [2], как уже видно из заголовка, посвящена переходному периоду словенской экономики и политической системы. Лоренчич закончил философский факультет Люблянского университета. В 2011 г. там же защитил диссертацию. В настоящее время является директором краевого музея Птуй – Ормож. Занимается изучением современной экономической истории.

По мнению автора, в настоящее время нет однозначной оценки периода транзита Словении. Часть исследователей склоняется к тому, что Словения с успехом преодолела трудности, другие же, напротив считают, что подобная оценка не имеет под собой достаточных оснований. Лоренчич также отметил, что большая часть источников все еще не открыта, и это не позволяет воссоздать полную картину. В Словении были более благоприятные условия для прохождения переходного периода. Даже несмотря на то, что ее экономика, как часть экономики СФРЮ, строилась на общественной собственности и имела плановую систему, которая сдерживала развитие государства. С его точки зрения, к тому времени у Словении уже были развиты многие рыночные институты. Так, например, товарооборот республики не был нацелен только на Восток, местные власти практически дали предприятиям *carte blanche*, это же касалось и образования цен, производство работало с учетом рыночных интересов, единственным препятствием стало давление центральной власти и ее вмешательство в кадровую политику.

Лоренчич разделил транзит на три фазы. В ходе первой Словения должна была создать все необходимые структуры для «функционирования демократического и правового государства» практически с нуля [2. S. 441], а также войти в состав мировых экономических организаций. Вторая фаза касалась процесса макроэкономической стабилизации. Автор отметил, что эту стадию, которая длилась с 1990 по 2004 г., Словения прошла более успешно и спокойно, чем другие страны. Самая сложная фаза, которая «добавила седых волос», — приватизация. В 1991 г. был принят закон о приватизации квартир и денационализации. Если приватизация квартир и домов прошла более или менее спокойно, то денационализация вызвала массу споров и недовольство тех, у кого собственность в свое время была экспроприирована. Они объединились в Общество собственников экспроприированного имущества Словении (*Združenje lastnikov razlaščenega premoženja Slovenije*). По их мнению, процесс возврата собственности проходил очень медленно. Однако самые большие трудности возникли, когда началась приватизация предприятий. Для этого в 1993 г. было создано Агентство Республики Словения по реструктуризации и приватизации (*Agencija Republike Slovenije za prestrukturiranje in privatizacijo*), которое следило за процессом, подготавливало указания и утверждало приватизационные программы. До 1996 г. приватизация проходила стихийно. По мнению автора, этот процесс сопровождался нечестными сделками и махинациями.

Причины современного расслоения общества, кризисной ситуации, сложившейся в экономике, следует искать, по мнению А. Лоренчича, не в настоящем, а в прошлом, в начале периода транзита. «Дикая приватизация» во многом пренебрегала законом, особенно это касалось общественных предприятий и их капиталов. Многие в стране разбогатели только благодаря тому, что скупали сертификаты (ваучеры) у населения, которое считало их ничего незначущими бумажками. Начиная с 1993 г. рынок торговли ваучерами процветал, создавались посреднические компании, приобретающие сертификаты по низким ценам и перепродававшим их по завышенным. В 1998 г. был принят Закон о прекращении права собственности и приватизации юридических лиц, что означало переход из децентрализованной в централизованную форму приватизации [2. S. 447].

Автор отметил, что ожидания, которые возлагались на переходный период были большими. Слишком большими. Это привело к тому, что в современной Словении сложилась атмосфера безнадежности и непонимания происходящего.

Часто можно услышать критику, что, дескать, в конституции заявили о введении рыночной экономики, а в реальности была построена капиталистическая. Возможно, что словенцы слишком идеализировали капитализм, для них это понятие было некой иллюзией. Они хотели иметь частную собственность без хозяев, равное распределение доходов и капитализм без общественного расслоения. С одной стороны, они хотят как можно меньшего вмешательства государства в экономику, с другой стороны, во время кризиса требуют его помощи [2. S. 451–452].

Эта монография, в отличие от подобных ей, содержит критический взгляд на современную экономику Словении. Автор попытался отойти от ставшей традиционной эйфорической характеристики транзита, трезво оценивая факты, статистические данные и их влияние на дальнейшее развитие Республики.

Что касается политической истории Югославии и Социалистической Республики Словении в ее составе, то, на мой взгляд, работа Марьетки Рангус «Парламентские практики социалистической Югославии. В поиске равновесия между системой скупщин и парламентаризмом» [3], представляет новый взгляд на политическое устройство Югославии. Несколько слов об авторе этой монографии. Марьетка Рангус закончила факультет общественных наук университета в Любляне. Занималась изучением югославской политической системы, Европейского Союза, словенских политических партий. В настоящее время работает на факультете туризма в университете в Мариборе.

В целом данная работа носит теоретический характер. В первых главах автор рассмотрела историю возникновения парламентаризма как такового. Наибольший интерес представляют разделы, посвященные непосредственно истории югославского парламентаризма. Автор начала обзор с Временной народной скупщины, образованной в 1945 г., продолжила обзором деятельности Учредительной скупщины. М. Рангус, опираясь на стенографические записи ее заседаний, отметила, что во время обсуждений нового конституционного закона, словенцы изначально отошли от общей тенденции восхваления Тито и Коммунистической партии, уделив основное внимание национальному вопросу и его решению в новом государстве, а так же судьбе словенцев в Юлийской Крайне, Каринтии и Триесте. Этой традиции они придерживались вплоть до обретения независимости. Автор привела высказывания Э. Коцбека, Й. Руса, Л. Амброжича [3. S. 194–204], которые, несмотря на то что были наполнены идеологической составляющей, хорошо отразили озабоченность словенцев своей судьбой в тогда еще новом для них государстве. По мнению Рангус, югославская послевоенная система свидетельствует об отступлении от либерально-демократического парламентаризма, впрочем, как и от марксистской модели. Все процессы, которые начали происходить в стране, ослабляли единственного актора политической системы, который по идее должен был быть самым сильным и самым главным, а именно, народную скупщину [3. S. 201–203]. А принятая конституция ФНРЮ не имела ничего общего ни с реальностью, ни с дальнейшими планами развития социалистической демократии в Югославии [3. S. 203].

Начиная с 1950-х годов главным югославским идеологом стал Э. Кардель. Он видел два пути развития социализма в Югославии: сталинский путь, с сильным государством и партией, и марксистское самоуправление, которое в итоге нашло отражение в «Основном законе об управлении государственными хозяйственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны трудовых коллективов», принятом в 1950 г. Этот закон стал своеобразной альтернативой советскому типу социалистического развития. Принятый

в январе 1953 г. «Конституционный закон об основах общественного и политического устройства ФНРЮ и о союзных органах власти», по мнению автора, стал первым шагом к централизации политической системы, которая базировалась на идеологии единства рабочего класса, строительства социализма и отмирании государства [3. S. 229]. Более четкое отражение эта тенденция получила в конституции 1963 г. Рангус отметила, что введение понятия «общественно-политическая система», которое должно было свидетельствовать о процессе отмирания государства, было одним из самых радикальных нововведений конституции. Однако новая конституция лишила скупщину некоторых особенностей и полномочий. Прежде всего, скупщина потеряла представительскую функцию. В конституции она теперь значилась не как представительский орган национальной суверенности, а как орган власти. Об отклонении от классического парламентаризма говорило и введение делегатской системы. Союзная скупщина *de facto* и *de jure* потеряла статус центрального органа власти [3. S. 253]. Депутаты были недовольны и тем, что к ним мало прислушивались в процессе разработки законов, большинство которых принималось по сокращенной процедуре, быстро и без дискуссий. У депутатов просто не было такой возможности. Выступления готовились заранее и просто зачитывались с листа.

Конституция 1974 г. внесла изменения в югославский парламентаризм. Союзная скупщина была переименована в Скупщину Социалистической Федеративной Республики Югославия, что должно было отразить новую функцию федерации и ответственность республик и краев. По мнению автора, конституция 1974 г. стала первой конституцией, которая за все время существования второй Югославии в целом удовлетворила словенцев, особенно в области межнациональных отношений, но не надолго, лишь на ближайшие десять лет [3. S. 317]. Впоследствии стало ясно, что федеральная структура, как таковая, существовала без федеральных процессов, которые в первую очередь базируются на равноправном участии в переговорах, и, по сути, была больше ориентирована на подавление этнических конфликтов чем на их разрешение. Автор пришла к выводу, что модели решения национального вопроса в социалистической Югославии были безуспешными.

По мнению М. Рангус, югославская скупщина в целом не смогла занять центральное положение в политической системе. Политики и делегаты стремились дистанцироваться от западной системы парламентаризма по идеологическим соображениям, благодаря которым отвергали многопартийность и формирование оппозиции. Югославский парламентаризм стремился быть чем-то средним между буржуазным парламентаризмом и советской системой, механизмом с разделением функций власти и некоторыми непосредственными демократическими практиками, и общественным плюрализмом.

Монография Юре Гашпарича «Государственное собрание 1992–2012. О словенском парламентаризме» [4] посвящена словенскому парламентаризму, процессу его становления и развития. Ю. Гашпарич словенский историк, закончил философский факультет университета в Любляне. В 2006 г. защитил докторскую диссертацию «Диктатура короля Александра и Словенская народная партия в 1929–1935 гг.», вышедшую впоследствии отдельной книгой. Работает в Институте новейшей истории, занимается словенской и югославской политической историей.

В водной главе автор дал краткую историю парламентаризма на словенских землях. В этой исторической справке он отметил, что словенский парламентаризм имеет старые традиции и корнями уходит во времена Австро-Венгрии.

Данная концепция в настоящее время весьма популярна в словенской историографии. Главная ценность книги заключается в том, что автор, представил сведения о всех парламентских партиях и работе парламента, начиная с 1992 г. и заканчивая 2012 г.

По его мнению, после Второй мировой войны парламентаризм в Югославии как таковой отсутствовал. Послевоенная Югославия с однопартийной системой чем-то напоминала монархию. Введенная федеральная система не улучшила ситуации. Начиная с 1986 г. и вплоть до 1990 г. именно словенская скупщина стала одним из главных лидеров в мирном и эволюционном процессе трансформации однопартийного парламента в многопартийный. После того, как республика обрела независимость, она избрала для себя систему, где парламент стал центральной политической силой. В целом работа будет интересна исследователям современной политической истории Словении, поскольку дает исчерпывающие сведения о формировании основных словенских партий и их деятельности на протяжении первых 20 лет независимого существования Республики.

Другая не менее интересная книга о словенском парламентаризме «Политическая система Республики Словения» принадлежит двум авторам: Марьяну Брезовшеку и Миро Хачеку [5]. Оба они — профессора университета в Любляне, работают на кафедре анализа политики и общественного права.

Если в предыдущих книгах словенский парламентаризм рассматривался через призму истории, то в этой работе основное внимание уделено политологии. В монографии дан доскональный анализ первых 20 лет существования независимой политической системы республики и объяснены причины стремления Словении к независимости.

Авторы отметили, что как СФРЮ отличалась от других социалистических государств, так Словения отличалась от остальных югославских республик [5. S. 52]. В период транзита у Словении было три преимущества. Первое — в Республике была высокая национальная гомогенность в отличие от Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии, что облегчило путь к независимости. Именно национальная гомогенность стала залогом безболезненного перехода к независимости. Другим преимуществом были более высокий уровень экономического развития и связи с западным рынком. И третьим — близость двух развитых стран Австрии и Италии, что давало словенцам возможность модернизировать общественные и политические взгляды [5. S. 53].

Книга состоит из семи глав. Каждая из них посвящена отдельным аспектам развития демократии в Словении. В целом работа будет интересна тем, кто интересуется расстановкой политических сил в Словении в первые двадцать лет ее независимого существования. Авторы дали исчерпывающую характеристику основных словенских политических партий, подробно останавливаясь на составе и программах наиболее крупных из них. Авторы отметили, что большинство партий создавались в стремлении противостоять режиму и многие из них не имели представления о том, как дальше строить государство, к чему стремиться и какие цели ставить [5. S. 266]. В книге перечисляются все выборы в Государственное собрание с 1991 по 2011 гг. и составы правительств.

Отдельный раздел посвящен президентским выборам и выборам в Европейский парламент. Парламентским коалициям отведена специальная часть. Для облегчения восприятия довольно объемного материала, читателю

предложены таблицы, по которым можно проследить изменение расстановки политических сил.

В заключительном разделе говорится о процессе утверждения прав человека и основных свобод в Словении, об их роли в создании свободного демократического общества. Также особое место уделено влиянию западного культурного пространства на становление словенской политической мысли. Авторы особо отметили, что вплоть до 2011 г. Словения была практически закрыта для культурного воздействия Запада. Год из года ностальгия по прежним временам возрастает, а популярность демократического общества снижается [5. S. 342].

Книга Росвиты Песек «Правительство периода становления независимости» [6] посвящена периоду 1990—1991 гг. — одному из самых переломных моментов в истории словенского народа. Р. Песек историк, сотрудник телевидения Словении. В годы борьбы Словении за независимость работала журналистом. Эту книгу нельзя назвать историческим исследованием, скорее она носит публицистический характер. Автор использовала обширные материалы прессы и телевидения. Особый интерес представляют интервью членов правительства того времени: Лойзе Петерле, Янеза Янши, Елко Кацина, Дмитрия Рупела и др., собранные в специальном разделе. Книга написана живым языком и хорошо передает атмосферу того времени, когда Словения вступила на путь независимости.

Еще одна работа, о которой мне хотелось бы сказать, это монография Петера Ямбрека «Создание Словении» [7], изданная Новым университетом. Петер Ямбрек — профессор упомянутого университета, один из авторов Конституции Словении. Его монография — это довольно обширный экскурс в историю словенского народа с древнейших времен до нашего времени. Книга написана на обширном библиографическом материале. Автор пытается проследить становление словенской политической мысли и определить, что же такое власть и как к ней следует относиться. Особый интерес представляют главы, посвященные современной истории Словении. Автор углубляется в философский анализ будущего страны исходя из ее прошлого. Будучи непосредственным участником тех событий, он, с высоты пройденных лет, пришел к выводу, что именно из-за допущенных в то время ошибок республика переживает сейчас глубокий системный кризис [7. S. 555]. Пережить этот кризис может помочь только время, поскольку, по его мнению, исправить накопившиеся проблемы в одночасье нереально, слишком много погрешностей. Он полагал, что необходимо создать новую политическую культуру, но это удел нового поколения, не отягощенного социалистическим прошлым [7. S. 556]. В целом работа носит философско-социальный характер. Автор ставит много вопросов, ответы на которые предлагает найти читателю.

Словенская историческая наука, несмотря на кризис и нестабильное финансирование, продолжает развиваться. Ежегодно выходят работы по истории Словении не только современного периода. Широко освещается тема Первой и Второй мировой войны, словенского национального меньшинства за рубежом. Переиздаются труды югославских историков. Большой вклад в это вносит Институт новейшей истории и факультет общественных наук Люблянского университета. Рассмотренные в очерке монографии являются, на мой взгляд, наиболее интересными и информативными и могут стать хорошим подспорьем при изучении современной истории Республики Словения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske suverenosti. 1945–1991. Inštitut za novejšo zgodovino. Ljubljana, 2013.
2. *Lorenčič A.* Prelom s starim in začetek novega. Tranzicija slovenskega gospodarstva iz socializma v kapitalizem. (1994–2004). Inštitut za novejšo zgodovino. Ljubljana, 2012.
3. *Rangus M.* Parlamentarne prakse socialistične Jugoslavije. V iskanju ravnotežja med skupščinskim sistemom in parlamentarizmom. Inštitut za novejšo zgodovino. Ljubljana, 2016.
4. *Gašparič J.* Državni zbor 1992–2012. O slovenskem parlamentarizmu. Inštitut za novejšo zgodovino Ljubljana, 2012.
5. *Brezovšek M., Haček M.* Politični sistem Republike Slovenije. Ljubljana, 2012.
6. *Pesek R.* Osamosvojitvena vlada. Celovec, 2012.
7. *Jambrek P.* Ustanovitev Slovenije. Ljubljana, 2018.

«БЕЛОРУССИЯ» ВАЛЬТЕРА ЕГЕРА: ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИГИ

© 2021 г. И.И. Баринов

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

barinovnoble@gmail.com

Статья посвящена истории возникновения и распространения книги «Белоруссия», первой обобщающей работы по белорусской тематике на немецком языке. Ее появление было тесно связано с работой дипломатической миссии Белорусской народной республики в Берлине и белорусской делегации на Парижской мирной конференции. Долгое время об этой работе бытовало представление как о монографическом исследовании. Тем не менее, в реальности это была информационная брошюра, составленная из разрозненных материалов редактором издания, немецким журналистом Вальтером Егером. По ряду причин книга не получила широкого распространения. На основе ранее неизвестных архивных документов предпринята реконструкция создания книги, а также описана ее дальнейшая судьба.

The article explores the origins and distribution of the book «Weissruthenien», the first reference work on Belarus in German. Its publication was closely connected with the work of the diplomatic mission of the Belarusian People's Republic in Berlin and Belarusian delegation to the peace conference in Paris. For a long time, this work had been perceived as a monographic study. However, it occurred to be rather an informational brochure compiled from scattered materials by its editor, German journalist Walter Jaeger. Due to various circumstances, the book did not reach the general reader. The article, based on previously unknown archival documents, provides a reconstruction of its creation and further fate.

Ключевые слова: Германия, Парижская мирная конференция, белорусское национальное движение.

Keywords: Germany, Peace conference in Paris, Belarusian national movement.

DOI: 10.31857/S0869544X0012827-2

В начале XX в. о Белоруссии и белорусах были хорошо осведомлены разве что их ближайшие соседи. За пределами Российской империи они и вовсе не воспринимались в отрыве от нее. Так, «Британская энциклопедия» рассматривала Белоруссию через призму общероссийской переписи 1897 г. Хотя в соответствующем разделе уже встречался термин «белорусы» (*the Byelorusses*), они пока что описывались как одна из ветвей русского народа, а Белоруссия — как одна из западных провинций России [1. Р. 884—885]. Такой же подход прослеживался

и в немецкой энциклопедии Брокгауза [2. Р. 70–72], и во французском словаре Ларусса, причем в последнем указывалось, что, в отличие от малоросса, «белорус лишь незначительно отличался от великоросса» [3. Р. 425–427].

Данный подход начал меняться в годы Первой мировой войны. В ходе наступления на Восточном фронте кайзеровские войска заняли обширные территории на западной окраине Российской империи. Наряду с выполнением военно-стратегических задач немцы активно изучали внутреннее положение оккупированных областей. В основном этим занимались прибывшие вместе с германской армией интеллектуалы. За три года нахождения на Востоке они сумели накопить значительные сведения по этнографии, культуре и языку местных народов. В частности, белорусов изучали специалисты из «восточных» университетов — славист Рудольф Абихт и искусствовед Альберт Иппель (Бреслау), а также географ Фриц Куршман (Грайфсвальд).

Стоит сказать, что ситуация имела достаточно противоречивый характер. Действительно, материалы о белорусах печатались в оккупационной прессе, а иногда даже попадали в центральную печать в Германии. Вместе с тем, активисты белорусского национального движения фактически находились в информационной изоляции. Изменить ее не смогло даже провозглашение в марте 1918 г. Белорусской народной республики (БНР) в Минске, поскольку почти вся территория Белоруссии на тот момент контролировалась немцами. Положение изменилось только в конце 1918 г., когда германские войска уже эвакуировались с Востока. К тому моменту из-за наступления большевиков правительство БНР во главе с Антоном Луцкевичем было вынуждено перебраться в Гродно.

Окончание Первой мировой войны обозначило перестройку всей системы международных отношений. Особое значение оно имело для Восточной Европы, где молодые нации начали строить (или возрождать) собственную государственность. Первоочередной задачей для них было утвердить за собой ту или иную территорию. С этой целью самые разные доказательства исторического, этнографического и экономического свойства в виде меморандумов предоставлялись на рассмотрение мирной конференции, открывшейся в Париже в январе 1919 г. Главную роль в ее работе играла Большая четверка стран Антанты — Великобритания, Франция, Италия и США.

Стоит отметить, что белорусская сторона с самого начала оказалась в крайне тяжелом положении. На территорию, которую оспаривала БНР, претендовали также Польша и Литва. В отличие от белорусов, они смогли сформировать вооруженные силы и устойчивую администрацию в границах собственных государств. Свои претензии относительно белорусских земель поляки и литовцы «обкатали» еще во время войны, и их делегации отправились на конференцию с готовым материалом. Правительство БНР пока что не имело своей армии, Белоруссия стремительно становилась ареной столкновения большевиков и поляков, а поездка в Париж затягивалась из-за отсутствия денег [4. С. 104].

Наконец, когда был получен кредит от украинской Директории, Луцкевич с частью правительства выехал из Гродно в Берлин, куда прибыл в конце марта 1919 г. Почти год спустя, в конце января 1920, он объяснил в отчете причины этого шага: в условиях близившейся оккупации Гродно поляками легче было добраться до Берлина, чтобы уже оттуда «пробиваться» на мирную конференцию. Так возник временный политический центр, ставший передаточным звеном между Парижем и Литвой, где находилась часть правительства БНР [5. С. 631–633].

Стоит добавить, что для нахождения в Берлине было еще две немаловажных причины. В отличие от Франции и Великобритании, в Германии существовало, пусть и слабое, представление о Белоруссии. Поскольку молодая республика нуждалась в любой международной поддержке, Луцкевич, очевидно, предпочел не сосредотачиваться только на Антанте. Это оказалось его роковой ошибкой. В глазах хозяев мирной конференции любая связь с «германизмом» автоматически означала дисквалификацию переговорщика. Тот факт, что свою первую дипломатическую миссию белорусы, во многом под давлением обстоятельств, организовали в Берлине, стал тайным козырем польских и литовских делегатов.

Кроме того, как следовало из того же доклада Луцкевича, главными задачами берлинской миссии стала работа с военнопленными (с целью формирования армии) и информационная кампания. Это определило структуру будущего посольства: его ядром стали военный отдел и пресс-служба. Симптоматично, что первым печатным продуктом миссии оказалась памятка для белорусских военнопленных, вышедшая под названием «Из родного края». Она, как и легендарная карта БНР, была напечатана в типографии Вильгельма Гартмана. Возникает вопрос, почему белорусы выбрали именно его? Скорее всего, это произошло случайно, когда прибывшие в Берлин дипломаты листали адресную книгу в поисках подходящей фирмы. В объявлении Гартман подчеркнул, что делает все «быстро, аккуратно и по доступным ценам», специализируясь на издании русских, украинских и болгарских книг [6. Р. 57]. Наличие у него кириллических литер определило выбор миссии.

Несмотря на стесненность в деньгах, белорусы поспешили сделать Гартману новый заказ. Речь шла об издании немецкой и французской версий брошюры «Основы государственности Белоруссии» авторства Митрофана Довнара-Запольского. Текст был написан им по-русски в Киеве еще в 1918 г., затем перевезен в Гродно и опубликован как в оригинале, так и в белорусском переводе, выполненном Луцкевичем. Символически на новых версиях местом издания тоже было указано Гродно. Первым в конце апреля 1919 г. был выпущен немецкий перевод [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 91–92], очевидно, предназначенный для текущих нужд в Берлине. Французский текст выверялся гораздо тщательнее — правка растянулась почти на месяц. Его тираж был полностью получен лишь 17 мая 1919 г., перед самым отбытием Луцкевича в Париж [4. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 87, 89, 93, 95–96].

Пока готовились переводы Довнара-Запольского, Луцкевич занялся более крупным проектом — информационным изданием, посвященным экономике, истории и культуре Белоруссии [4. С. 121]. Для осуществления такой масштабной работы глава белорусского кабинета решил обратиться к профессору Рудольфу Абихту, которого считал наиболее авторитетным немецким специалистом по данной теме. Впервые познакомившись с белорусскими реалиями в 1916 г., Абихт искренне заинтересовался краем, выучил белорусский язык и установил личные контакты с рядом белорусских интеллектуалов. Его публикации, касавшиеся Белоруссии, то и дело появлялись на страницах немецких изданий, выходивших на оккупированной территории [8. С. 56–57].

Как следует из ответных писем Абихта Луцкевичу, последний написал ему сразу после прибытия в Берлин, в конце марта 1919 г., попросив разрешения на перепечатку одной из статей Абихта. Несомненно, речь идет о фрагменте его большой публикации «Из древней и современной истории Белоруссии», посвященном духовной культуре белорусов [9. № 162. Р. 2–3]. Откликнувшись

на просьбу Луцкевича, Абихт в письмах от 2 и 7 апреля 1919 г. отправил ему необходимые материалы, приложив рукопись своей неопубликованной статьи о белорусской литературе и перевод стихотворения Янки Купалы «Родная речь». Позже к ним добавились переводы фольклора и некоторые белорусские песни с нотами, переложенные на немецкий язык по наброскам Абихта Эльзой Вецман, супругой физика Эриха Вецмана [8. С. 72–73; 5. С. 523], занимавшейся вместе с ним исследованиями акустики.

Эти материалы, поступившие первыми, составили заключительную часть будущей книги. Так, отрывок старой статьи Абихта после редакторской правки стал главой «Духовная культура» [10. Р. 69–88]. Следом за ним под названием «Из белорусской литературы» [10. Р. 97–113] шел его новый текст. Все переводы Абихта, включая стихи Купалы, были отнесены к разделу «Из белорусского народного творчества» [10. Р. 114–140]. Сюда же была добавлена небольшая статья Альберта Иппеля, который в качестве куратора выставки в Минске летом 1918 г. исследовал произведения белорусского искусства [10. Р. 89–96]. Возможно, Луцкевич видел Абихта единственным автором всего издания. Однако тот был академическим ученым, тогда как целью проекта была подготовка справочной брошюры, а не научной монографии.

После отъезда Луцкевича в Париж в конце мая 1919 г. перед миссией вставала непростая задача — в сжатые сроки подготовить и издать книгу, чтобы создать информационный фон для работы белорусской делегации. Скорее всего, предполагалось действовать по той же схеме, т.е. сначала сделать и апробировать «черновую» немецкую версию, а затем перевести ее на французский. Для подобной работы требовался грамотный редактор, при этом хотя бы примерно знакомый с той фактурой, с которой ему предстояло работать. В этом смысле логичным выходом из ситуации стало найти бывшего сотрудника одной из военных газет, издававшихся на Восточном фронте. Так белорусы вышли на Вальтера Егера. Вероятно, его порекомендовала Луцкевичу общая знакомая, Юлиана Менке (будущая Витан-Дубейковская). В свое время она активно участвовала в деятельности белорусских организаций в Вильне, одновременно работая переводчицей, в том числе для оккупационной прессы, и таким образом познакомилась с Егером [11. С. 53].

Как ни парадоксально, о личности составителя первой немецкоязычной книги о Белоруссии практически ничего неизвестно. Он родился в Берлине 5 апреля 1885 г., был профессиональным журналистом и большую часть жизни писал о театре и драматургии. С началом войны Егер был призван в армию в качестве ополченца-резервиста и оказался в Вильне. Там он сначала вел раздел городской хроники в официальной «Газете 10-й армии». Позже Егеру доверили готовить более развернутые материалы, и он вернулся к первоначальной специальности [12. Р. 4]. Параллельно журналист по заданию редакции изучал местное культурное наследие, прежде всего, архитектуру [13].

Согласившись на предложение белорусов, Егер энергично принялся за дело, однако быстро обнаружилось, что ключевые для мирной конференции темы (население, территория, экономика, история) не проработаны. 16 июня 1919 г. Егер писал Леонарду Зайцу, главе белорусской миссии, может ли он получить сведения о народном хозяйстве [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 101об–102]. Заяц, в свое время служивший по финансовой части, в принципе мог сам написать соответствующий раздел, но был слишком занят текущими делами. Другим потенциальным автором этой части мог стать Александр Власов, бывший редактор «Нашей нивы», который активно изучал экономику Белоруссии.

Однако в 1918 г. он входил в консервативное Минское белорусское представительство, выступая таким образом политическим оппонентом Зайца и других членов берлинской миссии и правительства БНР.

В итоге эта работа была препоручена Петру Кречевскому, секретарю рады БНР, который до революции работал в банке. Тем не менее, источников, отражающих актуальное состояние Белоруссии, у Кречевского не было. В итоге ему пришлось пользоваться самыми общими и во многом устаревшими работами [10. Р. 56; 14. С. 230]. Основной упор был сделан на аграрный сектор, при этом автор очерка подчеркнул тот факт, что больше половины земельного фонда в белорусских губерниях находилось в индивидуальном пользовании. Из этого Кречевский делал вывод о том, что коммунистическая по своей сути община, присущая великороссам, у белорусов не прижилась, и это приближало их к западноевропейской культуре [10. Р. 57].

С описанием народонаселения и территории дело обстоит еще хуже. Реальные специалисты (такие как Довнар-Запольский или Ефим Карский), которые могли бы написать соответствующие разделы, были отрезаны от Берлина. Из-за этого Егеру пришлось справляться своими силами. Хотя он и был знаком с белорусскими реалиями, у него не было опыта написания такого рода текстов. В результате в первом случае у него получилась смесь историософии Абихта и живого этнографического материала из публикации Куршмана о материальной культуре белорусов [10. Р. 21–26; 9. № 97. Р. 1, № 156. Р. 3, № 163. Р. 2]. Глава про территорию вышла более удачной [10. Р. 5–19], впрочем, и она была написана скорее в стиле путевого дневника.

Стоит сказать, что самым запоминающимся стал раздел по истории Белоруссии. Он был подготовлен советником миссии по делам прессы, бывшим гродненским адвокатом Валентином Дитманом. Как показывает текстологический анализ, концептуально, вплоть до прямых заимствований, Дитман опирался на брошюру Довнара-Запольского [10. Р. 37–38, 44; 15. Р. 4, 8]. Фактуру для раздела автор брал в «Короткой истории Белоруссии» Вацлава Ластовского в изложении Абихта — об этом свидетельствуют многочисленные интертекстуальные заимствования этих трех работ. По Дитману, белорусские княжества, находясь в составе Киевской Руси, сохраняли широкую автономию. Принципиальные вопросы решало национальное представительство (вече). В управлении белорусы, в отличие от авторитарного Киева и позже «по-азиатски деспотичной» Москвы, поддерживали «чисто демократические тенденции» и равноправие граждан.

Во времена Великого княжества Литовского белорусы, имевшие «развитую государственность, богатую письменную традицию и оживленные торговые сношения с Западной Европой», занимали ведущее положение в государстве и внушили литовцам принципы государственного устройства и торговли, а также даровали письменный язык. После Люблинской, а в особенности Брестской унии началась борьба между «польским империализмом» и «глубоким чувством свободы» белорусов. Путем интриг католическая церковь сумела ополчить белорусские элиты. Чтобы окончательно не потерять самостоятельность и сохранить свою культуру, белорусы были вынуждены обратиться к «братьям по вере». Русские цари, как следует из текста, воспользовались этим, чтобы раз за разом присоединить к России всю территорию Белоруссии. Царское правительство, как писал Дитман, стремилось задуть любой росток национальной жизни. Пассивное сопротивление шло долгие годы, пока в 1917 г. не «пробил час освобождения». С провозглашением БНР наступило время «возрождения древнейшего славянского государства и пробудило к жизни народ,

которого столетиями лишали любой возможности национального развития» [10. Р. 33–51].

Следует отметить ряд существенных моментов данного нарратива. По характеру аргументации и тону текст Дитмана наиболее соответствовал меморандумам, которые представлялись на Парижскую мирную конференцию. Похожие доводы о собственной «историчности», высокой культуре и врожденном демократизме приводили другие «молодые» нации Восточной Европы. Кроме того, Дитман воспроизвел типичный для романтического национализма нарратив, в рамках которого структурируется непрерывная национальная история, а события древности модернизируются и осмысляются через актуальные политические категории. Примечательно, что поскольку данный текст изначально писался для употребления внутри Германии, в нем присутствует характерный мотив благотворной роли немцев в белорусской истории. В других случаях авторы подчеркивали принадлежность своих наций к более размытой «европейской культуре».

Пока Егер занимался редактированием книги, белорусы рассматривали пути организации информационной кампании. В июне 1919 г. при миссии было основано пресс-бюро, которое периодически выпускало новостные дайджесты (корреспонденции) на немецком языке, посвященные Белоруссии. С этим начинанием связан важный момент. Испытывая постоянную нужду в деньгах, белорусские дипломаты стремились сэкономить на печати и подыскивали более дешевую Славянскую типографию Юзефа Галевского. Впоследствии именно здесь печатались все белорусские издания, включая паспорта БНР. Впрочем, на картах решили не экономить и по-прежнему заказывали их у Гартмана. Именно в корреспонденциях были впервые обкатаны тексты из будущей книги. Так, раздел «История» появился в середине августа 1919 г. под названием «Возрождение Белоруссии» [16. № 14. Р. 1–2]. Фрагменты главы про экономику были опубликованы во второй половине сентября [16. № 18. Р. 1–2, № 19. Р. 1].

Примерно в это же время белорусские дипломаты наняли в качестве информационного консультанта Вальтера Эме. В дни ноябрьской революции 1918 г. он был одним из руководителей солдатского совета в Гродно, который затем делегировал его в Берлин. Очевидно, немаловажную роль в приглашении Эме сыграл его антипольский настрой [17. Р. 12–16]. За 300 марок в месяц этот 27-летний журналист, известный в левых кругах, обязался два раза в неделю продвигать материалы корреспонденций в социалистических газетах по составленному им же за 2000 марок плану пиар-кампании (*Nachrichten-Aktion-Plan*) [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 153, 159].

Тем временем, в июле-августе 1919 г. работа мирной конференции достигла пика, а книга все еще находилась на стадии макета. Уже в июньском письме Егер спрашивал Зайца, готовы ли необходимые иллюстрации. Видимо, за два месяца ситуация не изменилась, и картинки пришлось спешно подыскивать в любых доступных источниках. Так, для раздела «Население» фотографии были позаимствованы из статьи Куршмана и старой энциклопедии «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». При этом подписи к ним не всегда соответствовали действительности: к примеру, двинские старообрядцы из дореволюционного издания стали «крестьянской семьей из Смоленска» [10. Р. 24; 14. С. 205]. В качестве городских видов Белоруссии использовались фронтовые зарисовки из приложения к «Газете 10-й армии» [10. Р. 7, 14–15; 18. № 117. Р. 2–3]. Изображения «белорусских князей» были позаимствованы из «Описания Европейской Сарматии» Александра Гваньини.

Печатные клише, о которых также спрашивал Егер, не были проверены. Из-за этого окончание фразы могло оказаться внизу страницы, а кое-где повествование обрывалось на полуслове. Это было обнаружено, когда книга уже поступила в продажу, и издатели поспешили отшутиться. Так, в экземпляре из собрания Баварской государственной библиотеки сохранилась вклейка с поправками, гласившая, что «дух опечаток немного напроказничал». Порой, однако, его проказы выходили за всякие рамки. В экземпляре, хранящемся в библиотеке Института Гердера в Марбурге, отсутствует блок из 18 страниц. Расстановка иллюстраций была небрежной: к примеру, фотографии произведений искусства с минской выставки 1918 г. оказались как в главе «Духовная жизнь», так и в разделе «Народное хозяйство» [10. Р. 60–65, 95–96; 18. № 124. Р. 2–3]. Виньетки для украшения текста были взяты из «Очерка славянской кирилловской палеографии» Карского, причем, по словам последнего, большая их часть вообще не была белорусской, а некоторые были развернуты в тексте «вверх ногами» [19. Р. 430].

Как бы то ни было, во второй половине августа 1919 г. рукопись была сдана в типографию. 27 августа того же года Галевский отправил в белорусскую миссию письмо, в котором описывал физические характеристики будущей книги и просил дать финальный ответ не позднее 1 октября [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 61]. Очевидно, белорусскую сторону все устроило: уже 2 сентября министр финансов Василий Захарко поспешил обрадовать Луцкевича, к тому моменту покинувшего мирную конференцию, что книга уже печатается и на днях должна появиться [5. С. 425]. Помимо этого, белорусам удалось договориться с берлинским издательством Карла Курциуса, чтобы получить на книгу его гриф. Несомненно, этот выбор был продиктован двумя причинами. Во-первых, оно специализировалось на актуальных политических изданиях, при этом сохраняя академизм. С другой стороны, данное издательство было комиссионным, т.е. через него можно было распространять книгу. Заказав у Галевского 1000 экземпляров общей стоимостью 2700 марок, белорусы передали 200 штук на комиссию Курциусу, который обещал платить по 5 марок за каждый проданный экземпляр [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 36, 61]. Таким образом, распространяя брошюру, белорусская сторона стремилась еще и заработать на ее продаже. Это было особенно актуально, так как финансовые дела миссии, как и прежде, находились в плачевном состоянии.

По каким-то причинам выход «Белоруссии» задержался. Судя по тому, что предисловие Егер писал «осенью» (сентябрь в немецком понимании — это еще «позднее лето»), а остаток тиража миссия получила в начале ноября [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 55], можно предположить, что книгу напечатали в середине второй половине октября 1919 г. Она стала первым в истории немецкоязычным изданием, полностью посвященным белорусским землям. При этом было бы преувеличением назвать ее монографией, поскольку речь шла скорее об информационном буклете. Передняя страница обложки имитировала бело-красно-белый национальный флаг, а на задней — художественно обыгрывался герб «Погоня». Название «Белоруссия» (*Weissruthenien*) сопровождалось громоздким подзаголовком «Страна, жители, история, народное хозяйство, культура, поэзия», отражавшим содержание книги. Под одной обложкой Галевский встретился с Гартманом: в самом конце, после оглавления, была вклеена карта БНР. Особо отметив роль Абихта в подготовке новой книги, белорусская миссия с благодарностью выслала ему пять авторских экземпляров [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 2]. Для пожилого профессора занятия Белоруссией на этом фактически закончились. Год спустя, в ноябре 1920 г., он упомянул в частном письме, что уже пару лет не держал в руках белорусской книги и разучился писать по-белорусски. Там

же Абихт отметил, что полностью поглощен текущей работой, хотя и допускал возможность вернуться к белорусской тематике позднее [5. С. 964].

К моменту выхода «Белоруссии» мирная конференция уже подходила к концу, и надобность в переводе на французский отпала. Как следовало из сообщения Белорусского пресс-бюро в конце декабря 1919 г., издатели теперь делали ставку на «по возможности широкое распространение» ее материалов «среди немецкого народа» [16. № 30. Р. 2]. Пытаясь работать с материалами, присылаемыми из белорусской миссии, Эме в ответных письмах неизменно подчеркивал их вторичность и отсутствие актуальной позитивной повестки. По его словам, они «в значительной степени содержали совершенно не нужную для прессы полемику или перепечатки иностранных газет», что делало их неинтересными для немецкого читателя. Положение не спасало даже появление брошюры Егера. Белорусы, однако, не согласились с доводами консультанта и разорвали с ним договор [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 19. Л. 151–155об].

Сейчас, по прошествии ста лет, мы можем увидеть, что Эме в самом деле был слишком категоричен. Действительно, подобное специфическое издание было более востребовано в узком кругу интересантов [20. Р. 152], чем у широкой публики. Тем не менее, книга расходилась. На сегодняшний день в библиотеках, архивах и музеях по всему миру доступны не менее 45 экземпляров «Белоруссии». Как показывает изучение инвентарных записей, брошюра чаще всего поступала на хранение тремя путями: в составе личных собраний, путем покупки через букинистические магазины или в качестве пожертвования. Для стран, где сохранилось наибольшее количество экземпляров «Белоруссии» (это Германия и Литва), являются релевантными именно названные сценарии. Помимо прочего, эти случаи роднит то обстоятельство, что в свое время все книги находилось в частном владении. Скорее всего, это именно те экземпляры, которые были реализованы через фирму Курциуса. Судьба остальной части тиража остается неясной. Согласно документам, когда Заяц в середине декабря 1919 г. сдавал дела новому главе миссии, Леониду Баркову, среди переданных материалов находилось 650 экземпляров «Белоруссии» [7. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 14]. Куда они делись после отставки Баркова в марте 1921 г., неизвестно.

Следует заметить, что работа Егера получила в целом положительные отклики на территории, которую она описывала — в Белоруссии. Так, профессор Пичета, известный московский славист, вскоре ставший ректором Белорусского государственного университета, в рецензии отметил удачную композицию работы и хорошо подобранные иллюстрации [21. С. 175]. Языковед Николай Байков также оценил усердие составителей и особо выделил раздел о белорусском искусстве [22. С. 21]. Впрочем, по мнению Карского, брошюра Егера представляла собой «впопыхах составленную работу», которая так и не внесла ясность в различия между «общерусским, великорусским и белорусским» [19. Р. 430].

После заключения Рижского мира между советской Россией и Польшей в марте 1921 г. белорусская тематика в Германии стала рассматриваться соответственно через русскую (советскую) или польскую призму. Профессор Абихт к тому времени уже умер, а другие авторы, писавшие о Белоруссии, вернулись к своей основной специализации. Егер в дальнейшем тоже не занимался белорусскими сюжетами. Его основной сферой вновь стала драматургия, в частности, социология радиопостановок. Благополучно пережив гитлеровские времена, Егер оказался в ГДР. Поселившись в Веймаре, он сотрудничал с различными периодическими изданиями и писал книги для детей и юношества. Там же он и скончался 11 сентября 1962 г.

Подводя итог, хочется повторить основные моменты появления книги «Белоруссия». Она изначально мыслилась как информационное издание, призванное распространить сведения об этом регионе. Это начинание было тесно связано с Парижской мирной конференцией, куда отправилась белорусская делегация, и немецкая версия должна была стать своего рода «черновиком» французской. В основном работа над книгой велась летом 1919 г. Ее разделы были подготовлены авторами различного уровня и специализации, что заметно сказалось на качестве конечного текста. Из-за быстро менявшейся международной ситуации книга делалась второпях. Это определило как ее компилятивный характер, так и серьезные технические недочеты.

Опубликованная на завершающем этапе мирной конференции в октябре 1919 г., «Белоруссия» уже к моменту публикации во многом потеряла свою актуальность. Из-за вторичности использованных материалов и сумбурности изложения она не снискала популярности. В данной связи можно говорить о том, что «Белоруссия» имела скорее символическое, чем практическое значение. Выпущенная в Берлине польским типографом на деньги из украинского займа, она является своего рода моральным артефактом, отражающим нелегкую судьбу белорусской государственности. В свою очередь, для Вальтера Егера, малоизвестного немецкого журналиста, приглашенного в качестве редактора, эта книга стала самой известной работой, а его имя оказалось навсегда связано с белорусской тематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Encyclopædia Britannica. New York, 1911. Vol. 23.
2. Brockhaus Konversations-Lexikon. Leipzig, 1908. Bd. 14.
3. Nouveau Larousse illustré. Paris, 1898. Vol. 7.
4. *Чернякевич А. Н.* БНР: триумф побежденных. Минск, 2018.
5. Архівы БНР. Вільня; Нью Ерк; Менск; Прага, 1998.
6. Berliner Adreßbuch 1919. Bd. 1. Handel- und Gewerbetreibende.
7. Государственный архив Российской Федерации.
8. *Сакалоўскі У.* Забытыя старонкі гісторыі. Рудольф Абіхт і Антон Луцкевіч. Перапіска (1916–1921) // Шляхам гадоў. Мінск, 1994. Вып. 4.
9. Der Beobachter. 1918.
10. *Jäger W.* Weissruthenien: Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung. Berlin, 1919.
11. *Вітан-Дубейкаўская Ю.* Мае ўспаміны. Вільня, 1994.
12. *Jäger W.* Deutsches Theater in Wilna // Zeitung der 10. Armee. 1918. Nr. 555 (27.04. 1918).
13. *Jäger W.* Die St. Annenkirche und die Klosterkirchen von St. Bernardin und St. Michael in Wilna. Wilna, 1918.
14. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1905. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия.
15. *Downar-Sapolski M.* Die Grundlagen des Staatswesens Weissruthenien. Grodno; Berlin, 1919.
16. Weissruthenisches Pressebüro. 1919.
17. *Oehme W.* Damals in der Reichskanzlei: Erinnerungen aus den Jahren 1918/1919. Berlin, 1958.
18. Scheinwerfer. 1918.
19. *Karskij E.* Die weißrussische Philologie in den letzten zehn Jahren // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1924. № 3/4.
20. Die wirtschaftliche Zukunft des Ostens. Leipzig, 1920.
21. Печать и революция. М., 1921. Кн. 1.
22. *Байкоў М.* Кніга аб Беларусі на нямецкай мове // Вольны сцяг. 1921. № 1.

СЛОВАЦКИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ ГРУППЫ «РЕДКО»: ВОЗМОЖНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

© 2021 г. Д.Ю. Ващенко

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

daranis@mail.ru

В статье на материале Словацкого национального корпуса рассматривается семантика словацких наречий с общим значением «редко, через длинные промежутки времени», из которых в плане установления между ними синонимичных либо квазисинонимичных отношений анализируются два наречия — *málokedy* и *zriedka*. В первой части статьи в ракурсе показателей меры ассоциации Minimal Sensitivity, logDice и MI.log.f исследуется сочетаемость каждого наречия в отдельности, также учитываются основные контексты появления соответствующей лексемы. Во второй части статьи рассматриваются ситуации совместного появления наречий. Показано, что наречия не вполне синонимичны: *málokedy* тяготеет к обозначению уникальных либо нерегулярных ситуаций и может употребляться для выражения смягченной категоричности; в свою очередь для *zriedka* более характерно обозначение ситуаций, регулярно повторяющихся, лексема может сближаться по значению с наречиями группы «иногда».

The article uses the material of the Slovak national corpus to examine the semantics of Slovak adverbs with the General meaning, of which two adverbs — *málokedy* and *zriedka* — are analysed in terms of establishing synonymous or quasi-synonymous relations between them. In the first part of the article, the combinability of each adverb separately is studied from the perspective of the association measure Minimal sensitivity, logDice, and MI.log.f, and the main contexts of the corresponding lexeme appearance are also taken into account. In the second part of the article, situations of joint appearance of adverbs are considered. It is shown that adverbs are not completely synonymous: *málokedy* tends to denote unique or irregular situations and can be used to express a softened categoricity; in turn, *zriedka* is more characteristic of denoting situations that are regularly repeated, the lexeme can converge in meaning with adverbs of the «sometimes» group.

Ключевые слова: темпоральная лексика, семантика, сочетаемость, меры ассоциации, квазисинонимия.

Keywords: temporal vocabulary, semantics, combinability, Association measures, quasi-synonymy.

DOI: 10.31857/S0869544X0012828-3

Предметом рассмотрения в статье будут являться словацкие темпоральные наречия с общей семантикой «редко», которая предполагает повторяемость ситуации через длинные временные интервалы¹. В словацком языке в данную семантическую группу входят наречия *málokedy*, *zriedkakedy*, *zriedka*, *zriedkavo*, которые в синонимических и толковых словарях словацкого языка, как правило, приводятся в качестве абсолютных синонимов, ср. определение, данное наречию *málokedy* в «Кратком словаре словацкого языка»: «выражает неопределенность с оттенком минимального множества (времени), *iba niekedy*, *zriedkakedy*, *zriedkavo*» [3]. В новейшем «Словаре современного словацкого языка» для *málokedy* приведено следующее толкование: «указывает на минимальное повторение действия или состояния либо на повторение действия, состояния в больших временных отрезках, *iba niekedy*, *zriedkakedy*, *zriedkavo*» [4]. Тем самым возникает вопрос о возможной синонимии либо квазисинонимии данных наречий. В Словацком национальном корпусе [5], на материале которого выполнено данное исследование, *málokedy* насчитывает 14065 вхождений (8,68 на миллион), *zriedkakedy* — 3524 вхождения (2,17 на миллион), *zriedka* — 11035 вхождений (6,81 на миллион), и, наконец, *zriedkavo* — 9129 (5,63 на миллион), из которых собственно форма *zriedkavo* употребляется 6732 раза, сравнительная степень *zriedkavejšie* — 2351 раз и превосходная *najzriedkavejšie* — 46 раз.

Основное мое внимание будет сосредоточено на поиске возможных семантических различий между наречиями *málokedy* и *zriedka*, которые, во-первых, сопоставимы по частотности, и во-вторых, не образуют степеней сравнения. Как я постараюсь показать, данные наречия не вполне синонимичны и в употреблении тяготеют к принципиально разным типам контекстов. Анализироваться будут в первую очередь сочетаемостные характеристики лексем. В первой части статьи рассматриваются различия в глагольной сочетаемости каждого наречия, которые выводятся на основании так называемых показателей меры ассоциации (о мерах ассоциации ср., например в [3]), которые отличаются от показателей абсолютной частотности тем, что здесь учитывается встречаемость обеих лемм, образующих соотносительную пару, при этом по определенной формуле рассчитывается степень притяжения между лексемами. При работе с близкими синонимами применение мер ассоциации удобно тем, что в данном случае затруднена либо исключена работа с отрицательным языковым материалом, и речь, как правило, не идет об ограничениях на сочетаемость как таковых, однако тяготение конкретных лексем к словам с определенной семантикой будет свидетельствовать, что между ними существуют различия в значении. Из мер ассоциации, доступных в рамках программы SketchEngine, использовались три — это Minimal Sensitivity, logDice и Mi.log.f². Рассматривать данные меры я буду комплексно — о необходимости их использования в корпусно ориентированных исследованиях см., например, в [9; 10]. Для каждой меры были выбраны первые 40 коллокаций соответственно, из которых учитывались только глагольные коллокации. Помимо сопоставления

¹ В русистике наречия с соответствующей семантикой рассматриваются, в частности, в исследованиях Е.В. Падучевой [1] и Е.С. Яковлевой [2]. О смысловых различиях внутри самой семантической группы авторы, впрочем, не пишут: так, Е.С. Яковлева пишет о разнице в модальной нейтральности / отмеченности внутри группы «часто», и не указывает таковые для группы «редко» [2. С. 299–301].

² Про Minimal Sensitivity см., например, в [6], logDice в качестве корпусной меры вводится в работе [7], которая в свою очередь базируется на исследовании [8], мера Mi.log.f сравнительно редко применяется в корпусных исследованиях, однако на моем материале она также показала свою эффективность — ср. ее использование в [9].

коллокаций, имеющих сравнительно высокий ранг у каждой лексемы, были также проанализированы основные ситуации, в которых то или иное сочетание появляется. Во второй части статьи анализируются случаи взаимной сочетаемости лексем, когда, употребляясь в ближайшей окрестности друг друга (задавалось значение от –6 до 6 токенов), они могут фигурировать в идентичных либо в неидентичных контекстах.

1. Данные показателей мер ассоциации применительно к наречиям *málokedy* и *zriedka*

1.1. Так, только для *málokedy* высокие ранги имеют следующие глаголы: *bývať* ‘бывать’, *naskytnúť* (*sa*) ‘подвернуться, случиться, явиться’, *podariť* (*sa*) ‘удаться’, *vidieť* ‘видеть’, *vedomovať* ‘понимать, осознавать’.

В случае с глаголом *bývať* ‘бывать, иногда быть’ *málokedy* отличается от *zriedka* в плане основных контекстов употребления сочетаний. Для наречия характерно обозначение уникальных, исключительных положений дел. Ср. (1), где описывается ситуация, практически невозможная в реальной жизни, и (2), где подчеркивается уникальность актуальной ситуации – в обоих случаях наречие фактически употребляется в значении «почти никогда»:

(1) *Neschopnosť vidieť máme vrodenu: nemôžeme si vidieť svoju vlastnú tvár, ale ani svoje vlastné chyby. [...] Málokedy býva človek až taký nešikovný, aby nevedel svoje chyby ospravedlniť. Toto majstrovstvo ovládajú aj deti, a to aj bez učiteľa.* Неспособность видеть у нас врожденная: мы не можем видеть ни свое собственное лицо, ни свои собственные ошибки. [...] **Редко**, однако, человек бывает таким глупым, что не может оправдать собственные ошибки. Этим искусством владеют даже дети, причем без учителя.

(2) *Málokedy býva trvanie vojny takým dôležitým faktorom ako teraz, keď rozhodne o víťazstve či prehre USA v Iraku. Редко когда* продолжение войны бывает таким важным фактором, как сейчас, когда решается выигрыш или проигрыш США в Ираке.

Близость по значению *málokedy* и *nikdy* см. в следующих двух примерах: в (3) *málokedy* подчеркивается и уточняется сочетанием *takmer nikdy* ‘практически никогда’, в (4) одна и та же отличительная черта говорящего (эмоциональная холодность) характеризуется в двух различных аспектах – в первом случае употреблено *málokedy*, во втором *takmer nikdy*:

(3) *«Má obrovské skúsenosti, [...]» vyjadril sa Effenberg na adresu Mandžukiča. «Málokedy býva zranený, takmer nikdy. Je mentálne silný, vie sa obetovať pre mužstvo. To sa mi na ňom páči najviac a vždy som to na ňom obdivoval», napísal niekdajší režisér hry Bayernu [...]. «У него колоссальный опыт, [...]» – высказался Эффенберг касательно Манджукича. «Он **редко** бывает травмирован, практически никогда. Он душевно силен, может жертвовать собой ради команды. Это мне в нем нравится больше всего, меня всегда это в нем восхищало», – написал «экс-режиссер» матча «Баварии» [...].*

(4) *Môj záujem o zážitky iných býva málokedy viac než zvedavosťou a takmer nikdy nie som schopný úprimnej sústrasti.* Мой интерес к чужим впечатлениям **редко** бывает больше, чем любопытством, и я практически никогда не способен искренне сочувствовать.

Для *zriedka* основным контекстом появления с коллокатом является противопоставление более распространенной ситуации менее распространенной.

В (5) для девушки более типично не влюбляться в мужа, в (6) мало фирм, которые реализуют стандарты на практике:

(5) *Na tom, čo navrhuje tvoj otec, nie je nič čudné. Takto vydávajú každú dcéru z dobrej rodiny. Možno sa niektoje podarí do muža, ktorého jej vyberú, aj zaľúbiť, ale to býva **zriedka**.* В том, что предлагает твой отец, нет ничего странного. Так выходят замуж каждую девушку из хорошей семьи. Возможно, какой-то из них удастся даже влюбиться в мужчину, которого ей выберут, но это бывает **редко**.

(6) *Mnohé spoločnosti už dnes často majú vytvorené logistické štandardy, ktoré sa viac či menej dodržiavajú. No v praxi tomu tak býva len **zriedka**.* Многие компании уже сейчас имеют сложившиеся логистические стандарты, которых более-мнее придерживаются. Но на практике такое бывает лишь **редко**.

Аналогичное соотношение наречий представлено для сочетаний с глаголом *naskytnúť* ‘подвернуться, случиться, явиться’ — *málokedy* в большей степени ориентировано на обозначение уникальной ситуации, которая в принципе редко повторяется, см. в (7) — чемпионат мира в карьере футболиста бывает не чаще, чем два-три раза, а вероятность выиграть этот чемпионат еще меньше, в (8) шансы женщины встретить хорошего мужчину оцениваются как минимальные:

(7) *«**Len málokedy** sa naskytne druhá šanca. Tentoraz ju musíme využiť. Chcem túto trofej držať prvýkrát v rukách», zdôraznil brazílsky ofenzívny stredopoliar Kaká. «**Вряд ли когда-нибудь** (досл. лишь редко) будет второй шанс. Мы должны использовать этот. Я хочу впервые в жизни держать в руках этот трофей», — подчеркнул бразильский полузащитник Кака.*

(8) *Prvé manželstvo sa jej nevydarilo. [...] Druhá šanca sa človeku naskytne **málokedy**. Keď však príde, treba ju pevne uchopiť a urobiť všetko, aby sme druhý raz nezlyhali.* Первый ее брак был неудачным. [...] Второй шанс человеку предоставляется **редко**. Когда он придет, необходимо хорошо им воспользоваться и сделать все, чтобы не ошибиться второй раз.

Ср. для *zriedka* ситуации с тем же коллокатом, когда речь идет не столько об уникальности, сколько о меньшей распространенности — в (9) охотники чаще видят оленя или серну, нежели дикую свинью, в (10) говорящий не берется утверждать за других туристов, однако считает свой случай крайне удачным:

(9) *Sviňa divá (Sus scrofa) bola dlho zahalená rúškom tajomstva, hoci o nej sníval ne jeden lovec. Na rozdiel od jeleňa či srnca sa len veľmi **zriedka** naskytne príležitosť, aby sa na nej poľovník pokochal pohľadom. Pováčšine sa rýchlo stratí z očí.* Дикая свинья (Sus scrofa) долгое время была покрыта ореолом тайны, хотя о ней мечтал не один охотник. В отличие от оленя или серны, лишь очень **редко** предоставляется возможность, чтобы охотник остановил на ней свой взгляд. Обычно она быстро скрывается.

(10) *Možnosť navštíviť moslimskú kosovskú domácnosť sa turistovi naskytne len veľmi **zriedka**. Mne sa tej cti dostalo.* Возможность побывать дома у косовских мусульман предоставляется туристу лишь очень **редко**. Я был удостоен этой чести.

В сочетаниях с глаголом *podariť (sa)* ‘удаться’ различие состоит скорее в том, что *málokedy* обозначает ситуации нереализованные (речь идет о том, что по факту не получилось), а *zriedka* — ситуации реализованные. В (11) говорящий эксплицирует свои сомнения — ср. *v tomto som skeptický* ‘я отношусь к этому скептически’, *šance sú dosť malé* ‘шансы довольно малы’, в (12) подчеркивается, что попытки отговорить женщину делать пластическую операцию,

как правило, безуспешны, однако долг врача в том, чтобы вообще попробовать это сделать, в (13), где употреблено как раз *zriedka*, речь идет об уникальности матча, который уже состоялся:

(11) *Aj my máme možnosť pokutovať prostitútky. Problém však je dokázať tým slečnám ponúkanie sexuálnych služieb. To sa málokedy podarí, takže v tomto som skeptický. Pokiaľ sa neprijme zákon, ktorý jednoznačne upraví tieto záležitosti, šance poradiť si s týmto javom len na úrovni miest sú dosť malé.* И у нас есть возможность штрафовать проституток. Проблема в том, чтобы доказать, что эти девушки предоставляют сексуальные услуги. Это **редко** удается, так что в этом смысле я скептически настроен. Пока не будет принят закон, который однозначноотрегулирует эти проблемы, шансы справиться с данным явлением только на местном уровне довольно малы.

(12) *Plastickou chirurgiou sa nedajú riešiť psychologické problémy a ak zistíme, že dievčaťu ide práve o toto, snažíme sa ju odhovoriť. Málokedy sa to síce podarí, ale aspoň sa o to pokúsime.* Пластическая хирургия не может решить психологические проблемы, и когда мы понимаем, что проблемы у девушки именно в этом, мы стараемся ее отговорить. Редко это удается, но мы хотя бы пытаемся.

(13) *Odohrať takýto zápas sa podarí naozaj iba zriedka. Boli sme lepší ako súper, zatiaľ čo my sme hrali, góly striedali domáci.* Сыграть такой матч действительно удастся лишь **редко**. Мы были лучше, чем соперники, однако пока мы играли, хозяева забивали голы.

В случае с глаголом *vidieť* ‘видеть’ *málokedy* чаще употребляется в ситуации смягченной категоричности (14) либо в контексте уникальности наблюдаемой ситуации (15), в то время как *zriedka* может предполагать присутствие наречий с экзистенциальной семантикой – в (16) *niekedy* ‘иногда’ и *zriedka* фактически употребляются синонимично:

(14) *Mám zmiešané pocity. Ľuďom sa nepáči, čo predvádzame. To je náš hlavný problém. Málokedy sa vidí, že sú oba tímy spokojné s výsledkom.* У меня смешанные чувства. Людям не нравится, как мы играем. Это наша основная проблема. **Редко** видно, чтобы обе команды были довольны результатами.

(15) *«Prepáč, telefonoval som», ospravedlňuje sa Roman a zvedavo si ma obzerá. Málokedy ma vidí takú vytešenú, obvyčajne sa k nemu idem vyžalovať.* «Прости, я говорил по телефону», — оправдывается Роман и с интересом меня изучает. Он **редко** видит меня такой обрадованной, обычно я к нему хожу жаловаться.

(16) *Dieťa to berie tak prirodzene ako iné deti. Otec im kamsi zmizol, nejestvuje, nikto po ňom netúži. Hovorím, len niekedy, zriedka sa našej hrdinke vidí život strašný, zväčša ju baví aj práca, aj domácnosť, aj vlastné myšlienky a túžby.* Ребенок это воспринимает столь же естественно, как и другие дети. Их отец куда-то исчез, он не существует, никто не жалеет, что его нет. Я говорю, лишь иногда, редко, нашей героине жизнь кажется страшной, как правило, ей доставляют радость и работа, и хозяйство, и собственные мысли, и мечты.

В случае с глаголом *uvedomovať* ‘осознавать’ *málokedy* употребляется при обозначении ситуаций уникальных либо являющих угрозу, а *zriedka* — при обозначении узуальных. В (17) спам представляет серьезную опасность, в (18) в привычном пространстве происходят значительные перемены — напротив, в (19) речь о повседневных отношениях между родителями и детьми, а в (20) — о самом процессе дыхания:

(17) *Spam v súčasnosti tvorí až 80% elektronickej pošty. **Málokedy** si však uvedomujeme, že okrem strácania nášho času predstavuje aj ekonomickú a celospoločenskú hrozbu.* Спам в настоящее время составляет около 80% входящей электронной почты. Мы, однако, **редко** осознаем, что помимо того, что спам съедает наше время, он представляет также экономическую и общественную угрозу.

(18) *V každodennom zhone si len **málokedy** uvedomujeme, ako sa mení prostredie okolo nás. Vyrastajú nové obytné štvrte a priemyselné zóny, tam, kde bol kedysi park, je teraz parkovisko alebo garáže. В повседневной суете мы **редко** осознаем, как меняется окружающая нас среда. Вырастают новые жилые кварталы и промышленные зоны, там, где когда-то был парк, теперь парковка или гаражи.*

(19) *Deti a rodičia sa môžu učiť jedni od druhých [...]. **Zriedka** si uvedomujeme, že vďaka našim deťom máme príležitosť rásť ako osoby, a to len preto, že vôbec sú, existujú. Дети и родители могут учиться друг у друга [...]. Мы **редко** осознаем, что благодаря нашим детям мы имеем возможность расти, как личности, и это благодаря тому, что дети вообще есть, что они существуют.*

(20) *V škole ani rodine nás to nikto neučil, lebo si myslíme, že to všetci vieme – **zriedka** si uvedomujeme, že dýchame.* В школе или в семье нас никто этому не учил, поскольку нам кажется, что все это знают — мы **редко** осознаем, что дышим.

1.2. Только для *zriedka* высокие ранги будут иметь коллокации с фреквентативами³ — в первую очередь обладающими экзистенциальной или модальной семантикой, такими, как *vyskytovať* (*sa*) ‘(иногда) встречаться, попадаться, появляться’, *stretnúť* (*sa*) ‘иногда встречать(ся)’, *objavovať* (*sa*) ‘иногда обнаруживать(ся)’, *mať* ‘иногда иметь’, а также с некоторыми другими — ср. *chodiť* ‘иногда ходить’, *vidieť* ‘иногда видеть’.

Случаи, когда глагол *vyskytovať* (*sa*) ‘(иногда) встречаться, попадаться’ употребляется в сочетании со *zriedka*, предполагают, что повторение ситуаций также имеет некоторую внутреннюю градацию, ср. в (21, 22) «достаточно редко» и «очень редко»:

(21) *Zmysel pre humor je dobrá vlastnosť, medzi slovenskými politikmi sa však vyskytuje **dosť zriedka** (rozdiel medzi smiešnym politikom a politikom vtipným je zjavný).* Чувство юмора хорошее качество, у словацких политиков оно, впрочем, встречается **довольно редко** (разница между смешным политиком и ироничным политиком очевидна).

(22) *O sebe hovorí: — Nie som blázon ani neprechádzam z jedného tranzového stavu do druhého. To však neznamená, že niečo neexistuje iba preto, že sa to vyskytuje **veľmi zriedka**.* О себе он говорит: — «Я не сошел с ума и не перехожу из одного измененного состояния сознания в другое. Это, однако, не означает, что нечто не существует лишь потому, что встречается **очень редко**».

Редкость может быть эксплицирована: сперва говорящий дает общую квалификацию ситуации, а затем приводит конкретные данные по ее распространенности (23):

(23) *V týchto dňoch vietor v okolí Gelnice v priemere dosahoval rýchlosť 18 metrov za sekundu [...]. Podľa informácií TASR takýto búrlivý vietor sa v gelnickom regióne vyskytuje*

³ Ср. у Е.В. Падучевой: «часто включает идею регулярности повторений, а *редко* нет» [1. С. 235], т.е. ситуации, обозначаемые *редко*, могут быть как регулярными, так и нерегулярными.

zriedka, maximálne dvakrát do roka. В эти дни ветер в районе Гелницы в среднем достигал скорости 18 метров в секунду [...]. По информации TASR, такой сильный ветер в районе г. Гелница случается *редко, максимум два раза в год*.

В ряде случаев предполагается сравнение ситуации с другой – либо во временной перспективе: сейчас редко, а прежде было часто (24), либо подразумевается, что у одной группы лиц описываемое свойство представлено редко, а у другой часто (25):

(24) *Tzv. mačacia choroba alebo parvovírus sa dnes vyskytuje už iba zriedka. Určite k tomu prispelo očkovanie*. Так называемая кошачья болезнь или парвовирус сегодня встречается *уже редко*. Очевидно, этому способствовала вакцинация.

(25) *Primárna rakovina pečene sa u nás vyskytuje zriedka, no zato často v zaostalých krajinách, kde sa hladuje a výživa obyvateľstva je jednostranná*. Первичный рак печени у нас встречается *редко*, зато часто в отсталых странах, где люди голодают и питаются однообразно.

Контекстуально может подчеркиваться важность самого существования описываемого явления:

(26) *A viete, aký druh jantáru je najdrahší, najvzácnejší?! Nebudete mi veriť, žiaci, ale bledobelasy. Ani ja som neveril, ale naozaj, existuje taký, aj keď sa vyskytuje len zriedka*. А вы знаете, какой вид янтаря самый дорогой, самый редкий?! Вы мне не поверите, ученики, но бледно-голубой. Я сам не верил, на самом деле такой существует, даже если встречается *лишь редко*.

В случае с *málokedy* речь, как правило, идет либо об общей неестественности ситуации (27), либо о смягченной категоричности (28):

(27) *Silne hydrogenované, tuhé margaríny obsahujú tzv. trans-mastné kyseliny, ktoré majú neprirodzenú štruktúru, aká sa v prírode iba málokedy vyskytuje*. Сильно гидрогенизированные, плотные маргарины содержат так называемые трансжирные кислоты, которые обладают неестественной структурой, в природе *редко* встречающейся.

(28) *Problém hmotnej núdze sa málokedy vyskytuje samostatne bez prítomnosti iných sociálno-ekonomických problémov a patologických javov spoločnosti*. Проблема материальной нужды *редко* встречается сама по себе без действия других социально-экономических проблем и патологических явлений действительности.

Для употребления глагола *stretávať (sa)* ‘иногда встречать(ся)’ в сочетании со *zriedka* характерен упомянутый выше акцент на существовании явления (29). Не менее важной является возможная контекстная синонимия *zriedka* с наречиями группы «иногда» – т.е. обладающими собственно экзистенциальной семантикой. Ср. (30), где наречия *zriedka* ‘редко’ и *občas*, иногда, время от времени ‘обозначают одну и ту же ситуацию, в первом случае речь идет о несоответствии некоторых ее сторон ожиданиям говорящего (мы видимся мало и это плохо), а во втором – как раз таки о соответствии (когда мы видимся, сплетничаем и это хорошо):

(29) *Niektorí ľudia sa v takýchto prípadoch obrátia najskôr na svojho operátora. «S takýmito prípadmi sa stretávame len zriedka», hovorí Richard Fidesz zo spoločnosti Orange. «Neregistrujeme takých sťažností veľa, ale vyskytujú sa», povedal aj hovorca T-Mobile Andrej Gargulák*. Некоторые люди в этом случае обращаются в первую очередь к своему оператору. «С такими случаями мы встречаемся *лишь редко*», – говорит Рихард Фидес из компании Orange. «Мы не регистрируем много таких случаев, но бывает», сказал также уполномоченный T-Mobile Андрей Гаргулак.

(30) *Vzácnny, príjemný človek, veľmi pekná žena, študovaná psychologička. Bezdetný pár, s mužom Švajčiarom bývajú o dve poschodia vyššie. Aj keď sme susedky, žiaľ, zriedka sa stretávame. Každý má svoje povinnosti. Občas tak na chodníku si aspoň trochu poklebetíme.* Редкий, приятный человек, очень красивая женщина, дипломированный психолог. Муж швейцарец, детей у них нет, они живут двумя этажами выше. Несмотря на то, что мы соседки, к сожалению, видимся мы **редко**. У каждой свои дела. **Иногда** встретимся на дорожке немного посплетничать.

Málokedy употребляется, как правило, когда речь идет об исключительном явлении, ср. в (31) говорится об уникальной личности священника:

(31) *Cyril je kňaz, ktorý pôsobil v našom saleziánskom stredisku. Je veľmi výnimočný, takých ľudí stretávame málokedy.* Цирил священник, который служил в нашем силезском центре. Он исключительный человек, таких людей встречаешь **редко**.

Соотношение контекстов для сочетаний с глаголом *objavovať* (*sa*) ‘иногда обнаруживать(ся)’ аналогично уже описанным — в (32) сравнивается прошлое, когда самолеты появлялись редко, и настоящее, когда они стали появляться часто, в (33) подчеркивается важность самого существования явления:

(32) *Lietadlá nemeckých vzdušných síl (Luftwaffe) sa na košickom letisku objavujú len veľmi zriedka. Nedávno však v pomerne krátkom časovom intervale prileteli do Košíc dve lietadlá Luftwaffe.* Самолеты немецких воздушных сил (Luftwaffe) появляются на кошицком аэродроме **лишь очень редко**. Недавно, однако, за относительно короткий временной промежуток в Кошице прилетели два самолета Luftwaffe.

(33) *Na Slovensku sa porfýria objavuje zriedka, no aj napriek tomu trpí ľahšou formou tejto tajomnej choroby okolo dvadsať ľudí.* В Словакии порфирия встречается **редко**, но даже несмотря на это, легкой формой данного тайного заболевания страдает около двадцати человек.

В случае с *málokedy* речь, как правило, идет о ситуациях исключительных (34):

(34) *Vnútorne odcudzenie a nenávisť sa u rodičov objavuje málokedy. Napriek tomu sa však môžu rodičia rôznymi spôsobmi prehrešovať proti rodičovskej láske, a to ako ich nedostatkom, alebo tiež nadbytkom.* Внутреннее отчуждение и ненависть у родителей встречаются **редко**. Несмотря на это, родители различными способами могут вести себя неправильно касаясь родительской любви — может быть как ее недостаток, так и избыток.

Ср. для глагола *mávať* ‘иногда иметь’ в (35) противопоставляется более частое явление и более редкое (*zriedka*), в (36) — менее редкое и более редкое (*zriedka*, в высказывании также представлена дальнейшая градация, выраженная наречием *výnimočne* ‘исключительно’), в (37) речь о явлении уникальном (*málokedy*):

(35) *Hoci zranenia spôsobené po zásahoch pukom či hokejkou sa stávajú pomerne často, len zriedkaávajú trvalejšie následky.* Хотя ранения после удара палкой или клюшкой встречаются довольно часто, **лишь редко** у них бывают более серьезные последствия.

(36) *Emča mala oči ako roztopené zlato svietiace v hlbokjej tme. Také oči zriedkaávajú mačku, a ženy len výnimočne.* У Эмчи глаза были словно расплавленное золото, сияющее в глубокой тьме. Такие глаза **изредка** бывают у кошек, а у женщин **лишь** в исключительных случаях.

(37) *Pred plesom ju Tristan pozval spolu s Langleyovcami na večeru. «Málokedyávam návštevy, no myslím, že toto je mimoriadna udalosť», vysvetlil jej.* Перед

танцами Тристан позвал ее вместе с четой Лэнгли на ужин. «Я **редко** принимаю гостей, однако думаю, что сейчас исключительный повод», — объяснил он ей.

Аналогичным образом дело обстоит с остальными немодальными фреквентативами, см. сочетание существования и редкости (38), противопоставление реже/чаще (39), контраст между прошлым и настоящим (40):

(38) *Chodievala si do kina, počúvala hudbu, večer si čítala a niekedy pozerala na televíziu. Ale do kina si chodievala **zriedka**, ani ja nemám s kým chodiť do kina, Zuzana, a samému sa mi nechce. Ты ходила в кино, слушала музыку, по вечерам читала, иногда смотрела телевизор. Но в кино ты ходила **редко**, да и мне не с кем ходить в кино, Зузана, а одному мне не хочется.*

(39) *Lesna sa jej opäť skúmavo zahľadela do tváre a po chvíli váhania sa spýtala: «Aj Gelt chodil k vám... za nejakou ženou?» «Všetci chodievali. Jedni **zriedka**, iní častejšie. [...]»* Лесна опять испытующе поглядела ему в лицо и, поколебавшись с минуту, спросила: «И Гелт приходил к вам... за какой-нибудь женщиной?» «Все приходили. Одни **редко**, другие чаще. [...]»

(40) *Aňa Geislerová je jej dlhoročná kamarátka. «V poslednom období sa stretávame už len **zriedka** a rozprávame sa hlavne o našich rodinách», hovorí Vilhelmová. Аня Гайслерова ее давняя подруга. «В последнее время мы встречаемся уже довольно **редко** и разговариваем в основном о наших семьях», — говорит Вилгелмова.*

Для *málokedy* контексты предполагают либо исключительность ситуации (41), либо смягченную категоричность (42):

(41) «Už prestaň s týmito rečami», vyhrkla Freyja. «Inak dostaneš do nosa, Ralf». Uškrnul sa a pobožkal ju na líce — čo robieval **málokedy**. «Замолчи уже, — проворчала Фрея. — Иначе получишь по носу, Ральф». Он усмехнулся и поцеловал ее в щеку — что делал **редко**.

(42) *Vedela, že práve na tomto chodníku nikoho nestretne. Snád' iba záhradníka. Málokedy niekto chodieval až k týmto múrom a vlastne tento jediný chodník nebol až tak starostlivo udržiavaný.* Она знала, что именно на этой дорожке никого не встретит. Разве что садовника. **Редко** кто-то забредал к этим стенам, и именно эту дорожку особенно не поддерживали.

2. Данные совместной встречаемости наречий *málokedy* и *zriedka*

Общее число случаев, когда рассматриваемые наречия появляются совместно (на расстоянии от —6 до 6 токенов) составляет 25 вхождений, из которых незначительно превалирует препозиция *zriedka* (15 случаев против соответственно 10 для препозиции *málokedy*). Здесь выделяются следующие возможные контексты.

2.1. Так, в случае препозиции *zriedka* по отношению к *málokedy*, *zriedka* обозначает небольшое множество ситуаций, в котором дополнительно выделяется еще меньшее, обозначаемое через *málokedy*. В (43) речь идет о том, что говорящий в принципе редко пользуется лекарствами (*zriedka*), а если пользуется, в большинстве случаев использует их до конца (*málokedy*) — второе наречие выражает здесь смягченную категоричность, т.е. лекарств практически не остается. В (44) *zriedka* обозначает все заметки профессора, которых в принципе немного, но среди них выделяются строгие, которых чуть больше (не маркировано наречием), и эмоциональные, которых меньше (*málokedy*):

(43) *Počul som o možnosti odovzdať nepotrebné lieky v lekární, ale ešte som tak neurobil, možno preto, že lieky zvykneme používať len **zriedka** a aj z toho nám **málokedy***

nejaké zostanú. Я слышал о возможности отдать ненужные лекарства в аптеку, но до сих пор этого не сделал, возможно, потому, что лекарства мы обычно используем весьма **редко** и **мало когда** что-то остается.

(44) *Tak veril v úspech diela, že o jeho pocitoch a obavách v rozličných, pre väčšinu ľudí neznámych situáciách, sa však dozvedáme zriedka, len zo strohých, málokedy emotívnych poznámok v profesorových denníkoch.* Он так верил в успех предприятия, что о его чувствах и опасениях в различных, для большинства людей неизвестных ситуациях, мы узнаем **редко**, лишь из строгих, **мало когда** эмоциональных заметок в дневниках профессора.

В следующих примерах *zriedka* вводит существование некоторого нераспространенного явления, а *málokedy* затем выделяет во всем множестве случаев наиболее интенсивные. В (45) сперва говорится о редкости жарких ночей, а затем о еще большей редкости жарких ночей на протяжении длительного периода времени. В (46) второе действие, т.е. ожидание, превосходит первое (воспоминание) по интенсивности переживания, при этом естественным образом на нем базируется. В (47) представлена градация телесной близости с мужчиной, соответственно по частотности **редко** (*zriedka*) — еще реже (*málokedy*) — никогда (*nikdy*):

(45) *Hlavnú úlohu tu zohráva zvyk. Európania si na horúce noci tropického pásma musia zvykať asi 14 dní. Lenže v miernom pásme sa takéto noci vyskytujú len zriedka, a málokedy trvajú štrnásťkrát za sebou, takže ľudia so slabšou odolnosťou voči teplu musia ťažkosti so zaspávaním len pretrpieť.* Основную роль тут играет привычка. Европейцам приходится привыкать к жарким ночам тропического пояса до 14 дней. Только в умеренном поясе такие ночи бывают лишь **редко**, и **мало когда** длятся четырнадцать раз подряд, поэтому людям, плохо переносящим жару, придется просто перетерпеть сложности с засыпанием.

(46) *Bola to loď a približovala sa k ostrovu. Dlho som nevedela, akej farby sú plachty. Húťala som, či sú to nie belosi, hoci teraz som si na nich zriedka spomínala a málokedy som na nich čakala.* Это была лодка, она приближалась к острову. Я долго не знала, какого цвета паруса. Я размышляла, белые ли в ней, хотя сейчас я про них **редко** вспоминала и **мало когда** их ждала.

(47) *Hovoril jej o obrazoch, ktoré v ten týždeň videl, alebo o dielach, ktoré predal či kúpil, no najmä o svojich mladých umelcoch a Aria nadobudla pocit, že tí sú v jeho živote pravým zdrojom radosti a pýchy. Zriedka sa jej však dotkol, málokedy ju chytil čo len za ruku a chvalabohu, pomyslela si s úľavou, nikdy sa ju nepokúsil pobožkať.* Он говорил ей о картинах, которые видел на этой неделе, или об изделиях, которые продал или купил, но особенно о своих молодых художниках, и у Арии сложилось впечатление, что именно они являются в его жизни настоящим источником радости и гордости. Впрочем, дотрагивался он до нее **редко**, **изредка** брал ее максимум за руку, и слава Богу, подумала она с облегчением, **никогда** не пытался ее поцеловать.

2.2. Множества могут быть и равны по объему, *málokedy* здесь обозначает ситуации, являющиеся следствием тех, что обозначены *zriedka*. В (48) речь о возможности наблюдать редкий технологический процесс, в (49) *zriedka* обозначает сам факт, а *málokedy* — результат, при этом второе наречие употребляется тут в значении «практически никогда»:

(48) *Jedného dňa mu teda zvonár priateľsky povedal: «Príďte raz do mojej dielne, pán richtár! Taký veľký zvon ležeme zriedka, málokedy sa naskytnie príležitosť pozorovať takú zaujímavú prácu. [...]»* И однажды колокольный мастер ему по-дружески сказал: «Приходите как-нибудь в мою мастерскую, господин бурмистр. Такой

большой колокол мы отливаем **редко, мало когда** представляется возможность наблюдать за такой интересной работой. [...]»

(49) *Dievča dnes žije iba vďaka promptnému odbornému zásahu žiarskych chirurgov. Išlo pritom o operáciu, aká sa vyskytuje v podmienkach okresnej nemocnice iba **zriedka** a rovnako **málokedy** býva úspešná.* Девочка сейчас жива только благодаря немедленному профессиональному вмешательству хирургов из Жьяра. Речь при этом шла об операции, которая проводится в условиях районной больницы лишь **редко** и столь же **редко** она бывает успешной.

2.3. Подобное характерно и для тех случаев, когда **málokedy** предшествует **zriedka**. В (50) женщина редко танцевала, потому что ее редко приглашали, в (51) актер имел мало поводов узнать что-то о человеке, чью роль исполняет, поскольку редко общался с теми, кто знал этого человека лично:

(50) *Lenže ona iba závidela svojim krajším spolužiačkam, s ktorými sem-tam chodievala tancovať. Sama **málokedy** tancovala, len **zriedka** ju zobral nejaký ľarbavý chlapec alebo vojak, čo si priveľa vypil.* Она могла только лишь завидовать своим более красивым одноклассницам, с которыми иногда ходила танцевать. Сама она **мало когда** танцевала, лишь **редко** ее приглашал какой-нибудь неуклюжий парень или солдат, выпивший лишнего.

(51) *Krásna úloha pre Johna Malkovicha. «O Stanleyom som počul len **málokedy**, dokonca som len **zriedka** stretol ľudí, ktorí s ním pracovali. Je to zvláštne, ale o Conwayovi som vedel viac», povedal pre filmový časopis Studio.* Прекрасная роль для Джона Малковича. «О Стенли я весьма **редко** слышал, я действительно **редко** встречал людей, которые с ним работали. Странно, но о Конвее я знал больше», — рассказал он киножурнала Studio.

2.4. Наконец, в ряде случаев **zriedka** обозначает ситуации, которые ближе входят в личную сферу говорящего / субъекта восприятия, нежели те, что маркированы посредством **málokedy**, градация по частотности тем самым трансформируется в градацию по близости / чуждости. В (52) тот факт, что мужчине редко позволяют общаться с детьми, обозначен через **málokedy**, а ситуации, когда он с ними реально видится — через **zriedka**. В (53) **málokedy** относится к факту внешнего наблюдения, а **zriedka** — к ситуациям, лично пережитым говорящим:

(52) *Raban sa zasmial. Deťom vraj svedčí všetko, a on má deti rád. Pravda, na tom nie je nič divné, veď on sa s nimi stýka len veľmi **zriedka**. Len **málokedy** má do činenia s deťmi.* Рабан засмеялся. Детям все по душе, а он детей любит. Правда, в этом нет ничего удивительного, поскольку он с ними общается **очень редко**. Лишь **редко** его допускают к детям.

(53) *Existuje niekoľko prípadov úspechu tejto politiky, ale celkovo sa dá povedať, že integračná politika zlyhala v tom, že sa nepodarilo postaviť most medzi islamom a kresťanstvom. Preto aj v uliciach stúpa počet žien so šatkami, ktoré ešte v 80. rokoch bolo vidno len **málokedy**. Ja som však len **zriedka** zažil, že by ma diskriminovali pre môj pôvod.* Существует несколько примеров успеха этой политики, но в целом можно сказать, что интеграционная политика провалилась в том смысле, что не удалось выстроить мост между исламом и христианством. Поэтому на улицах растет количество женщин в платках, хотя еще в 80-е годы их можно было видеть весьма **редко**. Я сам лишь **редко когда** помню, чтобы меня дискриминировали из-за моего происхождения.

Проведенный анализ показывает, что наречия **málokedy** и **zriedka** не являются абсолютными синонимами. **Málokedy** тяготеет к обозначению ситуаций

нерегулярных, сема «редко» выступает здесь в варианте «почти никогда». В свою очередь, *zriedka* чаще обозначает регулярные ситуации, «редко» смыкается здесь по значению с экзистенциальным «иногда» и фактически интерпретируется как «нечасто».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Падучева Е. В.* Наречие как кванторное слово // *Падучева Е. В.* Статьи разных лет. М., 2009.
2. *Яковлева Е. С.* Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
3. *Krátky slovník slovenského jazyka* / Red. Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M. 4 v. vyd. Bratislava, 2003. (доступно по адресу: <http://slovník.juvs.savba.sk/> дата последнего обращения 15.09.2020).
4. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava, 2006. Zv. 1. A – G; Bratislava, 2015. Zv. 3. M – N (доступно по адресу: <http://slovník.juls.savba.sk/> дата последнего обращения 15.09.2020).
5. *Slovenský národný korpus – prim-9.0-public-sane*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. Dostupný z WWW: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата последнего обращения 15.09.2020).
6. *Stefanowitsch A.* Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin, 2020.
7. *Rychlý P.* A lexicographer-friendly association score // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing*. 2008.
8. *Dice L.* Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species. *Ecology* 26(3) (1945), p. 297–302. Dice 1945 – Dice, L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // *Ecology*. 1945. № 26(3).
9. *Ситарь Г.* Обчислення показника асоціації MI Log Freq як статистичний метод дослідження синтаксичних фразеологізмів // *Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах*. 2016. № 34.
10. *Хохлова М. В.* Сопоставительный анализ статистических мер на примере частеречных предпочтений сочетаемости существительных // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. М., 2017. Вып. 1.
11. *Zakharov V. P.* Automatic collocation extraction: association measures evaluation and integration // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2017»* Moscow, May 31 – June 3, 2017. <http://www.dialog-21.ru/media/3963/zakharovvp.pdf>

ДОСТОЕВСКИЙ: ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

© 2020 г. В.И. Косик

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

kosikviktor@mail.ru

В статье представлены взгляды Ф.М. Достоевского на славянофильство, Восточный вопрос, развитие и судьбы славянских народов, роль России в создании славянского мира.

The article presents the views of Fedor Dostoevsky on the Slavophilism, the Eastern Question, development and destiny of Slavic peoples, the role of Russia in the making of the Slavic world.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Восточный вопрос, Россия, славяне, славянофильство.

Keywords: Fedor Dostoevsky, Eastern Question, Russia, Slavs, Slavophilism

DOI: 10.31857/S0869544X0012829-4

В Достоевском органично уживались и политик и публицист и философ. Все это было подчинено одному — России, ее мессианскому предназначению. Славяне были здесь, как говорят в наше время, отличным триггером, спусковым крючком.

В своих «Дневниках писателя», он, как и другие публицисты, много своих размышлений отводил Восточному или Славянскому вопросу, даже можно сказать Русской задаче.

В январе 1877 г. Достоевский писал: «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. Всем ясно теперь, что с разрешением Восточного вопроса двинется человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно, и которая, во всяком случае и наименее говоря, не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно» [1. С. 7–8].

Рассуждения Достоевского о «третьей мировой идее», «новой стихии», хорошо укладывались в теорию Третьего Рима, в панславистские рассуждения, в саму политику покровительства славянам. Здесь Достоевский выступал провозвестником создания нового славянского мира, которого и в мыслях не

могла допустить Европа, отвергающая в корне возможность расширения европейских границ России, ее укреплении на Босфоре.

Себя, свои взгляды на славянофильство, он определял так: «славянофильство означает заключение в себе духовного союза всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» [1. С. 231].

Россия, восклицал он, поставила «царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба и тем самым как бы приняла обязательство перед всем православием: хранить его и все народы, его исповедующие от конечной гибели» [1. С. 74].

Эти мессианские ноты проходят красной нитью во всех его текстах, связанных с Восточным вопросом, со славянскими народами. Здесь трудно, невозможно «анатомировать» Достоевского. Можно выбросить «душу», вернее всего заключающую в себя феномен православия. Он полагал, верил, что «народы Востока не могли не видеть в царе России не только освободителя, но и будущего царя своего» [1. С. 75].

В теории он был прав. На практике было другое. В той же Сербии уже были свои «владельцы».

Но одновременно он признавал опасность «европейского просвещения», начинавшего играть все большую роль в среде просвещенных славян, в том числе и населяющих Россию. Идея православия переставала для них служить живительной силой для вхождения, «воскресения в новую великую жизнь как для Востока, так и для России».

Здесь важно, чрезвычайно важно, что Достоевский связывал Восток с самой Россией. Глобальность идеи, Восточного вопроса, поражает.

И тут же замечу, что в отличие от, грубо говоря, «западников» «верноподанный России» выступал здесь, повторю еще раз, со славянофильских позиций, т.е. «славянство прежде всего». Даже, можно сказать, с имперско-славянофильских. Поэтому совсем неудивительно сугубо горькое предчувствие того, что пробуждающийся национализм в России увидит преемника турецкого владычества, когда султана сменит царь. В его дневниковых записях есть такие строки: «увы, чуть ли не вся интеллигенция восточной райи хоть и зовет Россию на помощь, но боится ее, может быть, столько же, сколько и турок». В доказательство своей правоты он приводил следующие слова: «Хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас как и “больной человек” и не даст развиваться нашим национальностям» [1. С. 78].

Итак, восклицал Достоевский: «Здесь вот их неподвижная идея, отравляющая все их надежды! А сверх того у них и теперь все уже сильнее разгораются и между собою национальные соперничества; начались они чуть лишь просиял для них первый луч образования. Столь недавняя у них греко-болгарская церковная распря под видом церковной была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством» [1. С. 78].

Достоевский в своих размышлений не был одинок. В его «сотоварищах» ходил и Константин Леонтьев.

Был ли он прав? Здесь нет односложного и ясного ответа. Для начала, надо отметить, что «боязнь поглощения» присутствовала, но не в абсолютной форме, да и сама история тех же болгар и сербов была различна, в том числе и в своих отношениях с Блистательной Портой.

Тут же замечу, что слова о «восточной райе» нужно отнести, прежде всего, к болгарам. Сербы обладали уже определенной самостоятельностью к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В словах о «национальном соперничестве» «славянско-православный провидец» был во многом прав. История славян содержит в себе немало примеров даже военного столкновения болгар с сербами. Исток лежит в самой повести болгар и сербов, обладавших в разное время, но на одной балканской земле, огромными территориями и властью. Этот ушедший «империализм» будь то болгарский или сербский, вновь пробудился в XIX в., столетии национальных движений, национального возрождения, исторической памяти. Да и в нашей современности отношения между болгарами и сербами не отличаются так называемой приязнью.

«Страх поглощения», полагаю, присутствовал и в самой политике славян, «искавших» покровительства для своей свободы у европейских держав.

Достоевский многое предвидел, многое чувствовал, много печалился о судьбе славянства. Весьма ярко все это проявилось в церковном вопросе, заявившем о себе в болгаро-греческой церковной распри.

Забегая вперед, Достоевский позволял себе такие мысли: «можно даже с вероятностью предсказать, что умри “больной человек“, и у них у всех тотчас же начнутся между собою смятения и распри на первый случай именно характера церковного, и которые нанесут несомненный вред даже и самой России; нанесут даже и в том случае, если бы та совершенно устранилась или была устранена обстоятельствами от решения Восточного вопроса. Мало того, смуты эти, может быть, отзовутся еще тяжелее для России, если она устранил себя от деятельного и первенствующего участия в судьбах Востока» [1. С. 78].

Во-первых, гипотеза о возможных распрях славян по вопросу церковному весьма сложна и поэтому слаба, да и не подтвердилась. Могли быть различные позиции, но распри?

Сами последующие рассуждения Достоевского совершенно укладывались в представление о России, империи-защитнице, неразрывно связанной верой, языком и кровью с судьбами болгар и сербов («другие» славяне, как хорваты, совершенно не учитывались Достоевским. Почему? Возможно, впоследствии и они вошли бы в всеславянское царство, а пока европейская Вена была гораздо привлекательней, чем «азиатская» Москва). Отсюда и речи о «вреде для России» в случае ее «устранения», по Достоевскому.

Именно эта опасность, в случае возможного отхода России от решения Восточного вопроса, грозила и ей самой, этому славянскому Риму, о котором так много писал Достоевский.

Восточный вопрос это еще и судьба Константинополя, о котором мечтали и строили планы в России. Не был исключением и Достоевский. Вернее, он был одним из самых горячих провозвестников и устройтелем проекта русского Царьграда. Для него величайшей ошибкой «многих политических умов», было их выступление за то, чтобы сделать этот город, если падет Османское царство, международным, «каким-то серединным, общим, вольным, чтобы не было из-за него споров». Сам Достоевский, признавая всю важность этой «великолепной точки земного шара», предостерегал, что «международный Константинополь» станет «добычей» «цепких» англичан под предлогом охраны международного статуса Константинополя [1. С. 78]. В отличие от Николая

Данилевского, решавшего, что «Константинополь должен когда-нибудь стать общим городом всех восточных народностей. Все народы будут-де владеть им на равных основаниях вместе с русскими, которые также будут допущены к владению им на равных со славянами» [1. С. 364], у Достоевского было иное видение, более жесткое.

Выступая четко с позиций представителя Великой державы России, он писал: «Гулливер мог бы, если б захотел уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен, но ведь это было бы очевидно нелепо [...] Константинополь должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки [...] владея им, можем допустить в него и всех славян и кого захотим, еще сверх того, на самых широких основаниях, но это уже будет не федеративное владение вместе со славянами городом. Да взять уже то, что федеративного соединения славян между собою еще целый век не добьетесь. Россия будет владеть лишь Константинополем с его необходимым округом, равно Босфором и проливами, будет содержать в нем войско, укрепления и флот, и так должно быть еще долго, долго [...] что если и займет теперь Россия Константинополь, то единственно потому, что у ней, в задачах ее и в назначении ее, есть кроме славянского и другой вопрос, самый великий для нее, и окончательный, а именно Восточный вопрос, и что разрешиться этот вопрос может только в Константинополе. Федеративное же владение Константинополем разными народцами может даже умертвить Восточный вопрос [...] так как он тесно связан с судьбою и назначением самой России [...] Не говорю уже о том, что все эти народцы лишь перессорятся между собою в Константинополе [...] Россия может сказать тогда восточным народам, что она потому берет себе Константинополь — “что ни единый из вас, ни вы вместе не доросли до него, а что она, Россия, доросла”. И доросла. Именно теперь наступает этот новый фазис жизни России. Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия [...] владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных народностей*, не различая их со славянами [...] лишь она одна способна поднять на Востоке знамя новой идеи и объяснить всему Восточному миру его новое назначение. Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России» [1. С. 364–365].

Для западного мира война была затеяна «азиатским страшилищем» по иным причинам. Фридрих Энгельс в своей известной всем студии «Внешняя политика царизма» писал: «Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только духовное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решающим этапом к установлению господства над Европой. Это означало бы безраздельное господство над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом [...] Господство над Балканским полуостровом продвинуло бы границы России до Адриатического моря».

Мелко мыслил классик марксизма. Вставал вопрос о создании православного мира, возможно охватившего бы весь земной шар. Тютчев был ближе к Достоевскому.

Повторяя как заклятие — «Константинополь должен быть наш», Достоевский одну из причин этого видит в предупреждении «церковных смут» (одну из которых усматривал в греко-болгарской церковной распри). Это вполне логично, так как Восточный вопрос им понимался как освобождение Россией

«всего православного христианства и в великом будущем единении церкви». «Мы, Россия, — восклицал он, — действительно, необходимы и неминуемы и для всего Восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его. Так всегда понимали это наш народ и государи его [...] Одним словом, этот страшный Восточный вопрос — это чуть ли не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нем и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих плодотворных началах» [1. С. 82].

Эта русская идея живет в столетиях. Достаточно вспомнить «Русскую географию» Федора Тютчева:

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Ефрат, от Ганда до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет век,
Как то провидел дух и Даниил предрек.

Царьград будет вновь и вновь возникать и оживать на страницах сочинений русских панславистов. В сущности, само человечество и может жить только благодаря отвлеченным идеям как бы их не называли — мечтами, фантазиями или снами!

Сама начавшаяся война, подчеркну еще раз, была нужна по мысли Достоевского и России. Он низал такие строки: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев-славян”, измученных турками, подыдемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхаемся, сидя в немощи растления и в духовной тесноте». И дальше величаво: «Дрогнули сердца исконных врагов наших и ненавистников, которым мы два века уже досаждаем в Европе» [1. С. 107].

Кто же эти «враги»? У Достоевского это «жиды европейские» и «жидовствующие христиане». Очень на первый взгляд странное сочетание. Однако здесь, можно предположить, речь идет о либералах, видевших в России потенциальную угрозу.

В своих размышлениях о Восточном вопросе и славянстве Достоевский много места отводит именно болгарам, для освобождения которых и была затеяна война.

«Еще до объявления войны я, — пишет Достоевский, — помню, читал в самых серьезнейших из наших газет, при расчете о шансах войны и необходимо предстоящих издержках, что, конечно, “вступив в Болгарию, нам придется кормить не только нашу армию, но и болгарское население, умирающее с голоду”. Я это сам читал и могу указать, где читал, и вот, после такого-то понятия о болгарях, об этих угнетенных, измученных, за которых мы пришли с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь — вдруг мы увидели прелестные болгарские домики, кругом них садики, плоды, скот, обработанную землю, родящую чуть ли не сторицею, и, в довершении всего, по три православные церкви на одну мечеть, — это и за веру-то угнетенных! “Да как они смеют!” загорелось мгновенно в обиженных сердцах иных освободителей, и кровь обиды залила их щеки. “И к тому же мы их спасти пришли, стало быть, они бы должны почти на коленках встречать. Но они не стоят на

коленках, они косятся, даже как будто и не рады нам! Это нам-то! Хлеб-соль выносят, это правда, но косятся, косятся!.. — [...] Были голоса? “что русские-то причиной всех несчастий болгарских: что не грозили бы мы прежде, не зная дела, за угнетенного болгарина, турке и не пришли бы потом освобождать этих “ограбленных” богачей, так жил бы болгарин до сих пор как у Христа за пазухой. Это и теперь еще утверждают [...] я, конечно, не возьму у него ничего, потому что я благородный человек, да, правда, и власти не имею, но все же он должен чувствовать и навеки быть благодарным, потому что раз я к нему вошел, — все, что у него есть, это все равно, что я ему подарил. Отнял у его угнетателя турка, а ему возвратил. Должен же он понимать это... А тут вдруг его никто не угнетает — какая обидная неприятность, не правда ли?» [1. С. 351–353].

Сам Достоевский давал такой комментарий: «Обнаружилось, во-первых, что болгарин ничем не виноват в том, что трудолюбив, и что земля его родит во сто крат. Во вторых, в том, что “косился” — он не виноват. Взять уже одно то, что он четыре столетия — раб, и, встречая новых господ, не верит, что они ему братья, а верит только, что они ему новые господа, да сверх того еще боится прежних господ, и тяжело про себя думает: “а ну как те опять вернутся да узнают, что я хлеб-соль подносил?” Ну, вот от этих-то внутренних вопросов он и косился — и ведь прав был, вполне угадал, бедняжка: после того как мы, совершив наш первый молодецкий натиск за Балканы, вдруг отретировались, — пришли ведь к ним опять турки и что только им от них было — теперь уже достояние всемирной истории! Эти красивые домики, эти посевы, сады, скот — все это было разграблено, обращено в пепел и стерто с лица земли» [1. С. 353].

Здесь великий писатель с нескрываемой горечью, даже злостью, пишет об «английской правде». Корреспондент газеты «Daily News» Форбес написал, что «искренно признает, что турки имели “полное право” истребить все болгарское население к северу от Балкан, в то время, когда русская армия перешла через Дунай. Форбес почти жалеет (политически, конечно), что этого не случилось, и выводит, что болгаре должны быть обязаны вечною благодарностью туркам за то, что те их тогда не прирезали всех поголовно, как баранов [...] Он потому только выразился так, что это были всего только славяне-болгаре. Какое же после этого у них у всех в Европе родовое, кровавое презрение к славянам и славянскому племени! Считаются все равно что за собак! Допускается возможность и разумность прирезать всех до единого, все племя, с женами и детьми» [...] Тут именно причиной какая-то западно-европейская гадливость ко всему, что носит имя славянства» [1. С. 355–356].

Эти «нехорошие» сюжеты служили Достоевскому, чтобы повторять и повторять свои мысли о задачах России, будущего славянства. В позиции западного мира он предполагал наличие «какого-нибудь инстинкта, предчувствия, что все эти восточные славянские племена, освобождаясь, займут когда-нибудь огромную роль в новом грядущем человечестве, вместо сбившейся с правого пути старой цивилизации, и станут на ее место? Сознательно западные люди, конечно, это не могут теперь представить и допустить даже, точно так же как нельзя им представить гнезда клопов — за что-то высшее и грядущее сменит их. Но тут Россия [...] тут показалось уже знамя будущего, а так как Россия не “гнездо клопов”, как для них болгары, а гигант и сила, не признать которую невозможно, и так как Россия тоже славянская нация, то как, должно быть, эти западные люди ненавидят теперь и Россию в сердцах своих даже инстинктивно, безотчетно, радуясь всякому ее неуспеху и всякой беде ее! Именно тут инстинкт, тут предчувствие будущего» [1. С. 356–357].

И в то же время, само отношение у Достоевского к славянам нельзя назвать прекраснотушным. Прочитую один из его нелюбимых пассажей: «внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, что только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себя и убедят себя в том, что *России* они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия *России* они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, “имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской Империи на порабощение славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени” [...] Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся — признают ли они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-*России*, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки, не будь на свете *России*, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому. Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем теперь о *России*. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия *России*; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на *Россию*, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, и будет значить *Россия* для них всегда. Они поймут все величие и всю святость дела *России* и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как *Россия* страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации [...] *России* надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском призвании в среде человечества. Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к *России* за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они будут всегда инстинктивно (конечно, в минуту беды, не раньше),

что Европа естественный враг их единству, была и всегда им останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целостность и единство [...] Но какую-же выгоду доставит России это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы?» [1. С. 358—360].

Здесь можно поставить много вопросов, например, о каком единстве может идти речь, тем более что сам Достоевский несколькими строчками раньше говорит о взаимных ссорах? Да и «признаний в любви» к Европе я не встречал, вот к России, да, многократно. Впрочем, само слово «любовь» не из политического лексикона. Это романтический заменитель в политических кругах слова «интересы». Такие были, есть и будут.

«России, — торопливо писал Достоевский, — надолго достанется тоска и работа мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае» [1. С. 360].

Было и то, и другое, и третье — чему свидетельствует само беспокойное время в военном мундире начала XX в. Разве только не стоит оставлять в стороне, что желанного единства не получалось... Славяне были, славянства не было.

Но это будет «несовершенной истиной», что было подтверждено самим ходом истории, самой общей славянской памятью.

Память ведь далеко не всегда отображает то, что было, но и будущее, которое так и не стало прошедшим. И здесь тема славянских племен, включая и русское, дает немало работы для размышлений.

Например, Достоевский низал такие строки: «Во-первых, у России, как нам известно, и мысли не будет, и быть не должно никогда, чтобы расширить на-счет славян свою территорию, присоединить их к себе политически, наделать из их земель губерний и проч. Все славяне подозревают Россию в этом стремлении даже теперь, равно как и вся Европа, и будут подозревать еще сто лет вперед» [1. С. 360—361].

«Но да сохранит Бог Россию от этих стремлений, и чем более она выкажет самого полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объединения их около себя впоследствии, в веках, сто лет спустя. Доставив, напротив, славянам, с самого начала, как можно более политической свободы и устранив себя даже от всякого опекунства и надзора за ними, и объявив им только, что она всегда обнажит меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность — Россия тем самым избавит себя от страшных забот и хлопот поддерживать *силою* это опекунство и политическое влияние свое на славян, им, конечно, ненавистное, а Европе всегда подозрительное» [1. С. 361].

Именно об этом много размышлял славянофил Достоевский, подчеркивая, что после разрешения Славянского вопроса, т.е. освобождения славян, Россия далеко не сразу привлечет их к себе. Это «не сразу» у Достоевского может продлиться до ста лет, наполненных возможной борьбой «с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинута» [1. С. 361].

И только после этого наступит очередь «окончательного разрешения Восточного вопроса». В свою очередь он будет тесно связан с достижением трудного «славянского единения в братстве и согласии». Объяснение этой

необходимой задачи и будет, по Достоевскому, входить в «обязанность» России, «делом и великим примером».

Для чего надо, ставит вопрос идеалист Достоевский и сам отвечает: «воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести, наконец, всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите [...] Стало быть, и “выгоднее” ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели» [1. С. 362].

Грандиозная задача, практически почти недостижимая, о чем свидетельствует, ярче всего, Первая мировая война. Можно ли говорить, что и она служила славянству? Категорическое «нет». Разве только, «славянским племенам», используя выражение Достоевского (у него было и «русское племя»), делящих через межславянскую войну балканские, точнее, македонские земли. И в то же время необходимо подчеркнуть в очередной раз ту непреложную истину, что политика России при всех ее «вывертах», обусловленных не в последнюю очередь и самими славянами, была направлена в защиту славян, создание союзнических отношений. И опять — Первая мировая война началась в защиту сербов.

Продолжу чтение Достоевского. Он много говорил такого, что было внове для русской читающей публики, любящей читать о призвании своей страны.

Достоевский подчеркивал, повторю еще раз, что славяне, читай, болгары тоже, «выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок своею доблестью или помощью Европы» [1. С. 359].

И тогда, и в наши времена события давали повод для таких мнений, даже убеждений. Действительно, освобождение Болгарии могло и должно было произойти, тем более что время прежних империй подходило к концу. Это был только вопрос времени. Но именно Россия прервала этот, грубо говоря, «бег черепахи» или естественный ход истории, решительно выступив за освобождение православных братьев, за решение Восточного вопроса. Можно говорить, что Россия в войне имела свои интересы, и освобождение той же Болгарии было лишь одним из звеньев их достижения. Но в глобальной форме разрешение этой проблематики означало громадное продвижение по пути создания великого мира с Россией в центре.

Этот путь Достоевский обуславливал и тем, что наступал социализм, в котором он видел «вину» «родившего» его католичества. По его убеждению, «утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может быть, спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос» [1. С. 367].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. соб. соч. Т. 21. Дневник писателя за 1877, 1880—1881 гг. Петроград, 1911—1918.

СЛАВЯНСКИЕ ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И АДАПТАЦИИ

© 2021 г. С.С. Белоусов

Канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук

sbelousovelista@mail.ru

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: AAAA-A19-119011490038-5)

В статье исследуется проблема жизнеобеспечения и адаптации славянских вынужденных переселенцев из юго-западных губерний Российской и Австро-Венгерской империй в годы Первой мировой войны на территории Астраханской губернии. Проанализированы вопросы адаптации и отношений беженцев с властями и местным населением.

The article examines the problem of life support and adaptation of displaced persons of Slavic origin from the south-western provinces of the Russian Empire and Austro-Hungarian Monarchy during the First World War to the territory of the Astrakhan province. The issues of adaptation and relations of refugees with the authorities and the local population are analysed.

Ключевые слова: Астраханская губерния, славянские переселенцы, Первая мировая война.

Keywords: Astrakhan province, Slavic immigrants, the First World War.

DOI: 10.31857/S0869544X0012830-6

Первая мировая война привела к массовым перемещениям гражданского населения из районов военных действий и прифронтовых зон в удаленные от военного театра регионы. Среди вынужденных переселенцев большую долю составляли представители славянских народов, проживавших на территориях современной Украины, Польши и Румынии, входивших в то время полностью или частично в состав Российской и Австро-Венгерской империй. На новом месте беженцы оказались в непривычных условиях, к которым им пришлось приспособливаться. Не всегда процесс адаптации к социокультурной обстановке в местах вселения проходил успешно, на что сильно влияли особенности

социально-экономического, культурно-исторического развития региона, на-строения мигрантов и местного населения, система управления и эффективность работы администрации принимающей стороны.

Проблему беженства историки начали изучать еще в годы Первой мировой войны, в советский период интерес к ней значительно поубавился, главным образом по причине, как считает историк А.Н. Курцев, невыгодности сравнения заботы о беженцах в 1914–1917 гг. в царской России и в 1918–1925 гг. в советской России, а также в годы Великой Отечественной войны [1. С. 89]. Исследования по проблеме беженства получили новый импульс в постсоветский период. В 1990–2010-е годы вышли работы российских историков: В.М. Лаврентьева, В.В. Хасина [2], Ю.А. Бахурина [3], И.В. Беловой [4], Н.И. Михалева, С.А. Пьянкова [5] и других, в которых на основе обширных архивных и опубликованных источников исследованы различные вопросы истории беженцев как в целом по стране, так и по отдельным регионам. Из зарубежной историографии особого внимания заслуживает статья видного британского историка П. Гэтрелла, посвященная общим вопросам вынужденных переселенцев в России в годы Первой мировой войны [6].

По беженцам Астраханской губернии первые работы вышли в 1915 г., когда туда стали массово прибывать беженцы. Материалы о них, как правило, размещались в форме статей на страницах периодических изданий и в основном отражали деятельность местных органов власти по приему и обустройству вынужденных переселенцев.

В годы советской власти тема беженцев в Астраханской губернии объектом специального изучения не являлась; она начала разрабатываться с 1990-х годов. Среди работ, вышедших в постсоветское время, отметим публикации А.Н. Алиевой [7–9], Е.Г. Тимофеевой и С.В. Лебедева [10], посвященных в основном анализу деятельности государственных и общественных организаций по приему, размещению и обустройству вынужденных переселенцев. Историки также приступили к исследованию беженцев отдельных этнических групп и первым шагом в этом направлении стал выход статьи С.С. Плюцинского о депортации немецкого населения [11]. Что касается беженцев из числа славянских народов, то эта тема до настоящего времени не изучалась, хотя среди вынужденных переселенцев в Астраханскую губернию они являлись самыми многочисленными.

Массовое перемещение гражданского населения из западных районов Российской империи в Астраханскую губернию началось в результате крупных неудач русской армии в весенне-летней кампании 1915 г., когда она вынуждена была оставить территории Польши, Литвы и Галиции. Вместе с отступающими войсками на восток страны устремилось большое количество беженцев, которые вынуждены были покинуть места прежнего жительства.

В конце июля 1915 г. астраханский губернатор И.Н. Соколовский получил информацию о предстоящем прибытии в губернию больших партий беженцев из западных районов страны. Совместно с руководителями государственных и общественных организаций он разработал план действий по приему, размещению и обустройству вынужденных переселенцев и учредил Губернское особое совещание по оказанию помощи беженцам. Также для работы с беженцами при Астраханской губернской земской управе был создан Центральный губернский земский комитет помощи беженцам, который возглавил председатель упомянутой управы М.П. Романов. Для трудоустройства беженцев и оказания им помощи в поисках родственников при земском комитете были

учреждены бюро труда и справочно-консультационное бюро. Центральный губернский земский комитет помощи беженцам открыл отделения на местах — в Астрахани, уездах и в отдельных населенных пунктах.

30 августа 1915 г. вышло Положение «Об обеспечении нужд беженцев», определившее содержание государственной политики в отношении вынужденных переселенцев. Попечение о них возлагалось на министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов, градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления [9. С. 329].

Весомый вклад в дело организации помощи вынужденным переселенцам внес образованный 14 сентября 1914 г. по повелению императора Николая II Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи, пострадавшим от военных бедствий. От него только за период с 1 февраля 1915 г. по 1 июля 1916 г. поступило в Астраханскую губернию на нужды беженцев 95981 руб. 19 коп., которые были потрачены в основном на покупку одежды, белья и обуви [12. Л. 51об.].

К оказанию помощи беженцам подключились и национальные общественные организации; в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны действовали два польских, еврейское и латышское общества и комитеты. Для финансирования деятельности они использовали не только собственные средства, но и выделяемые им государством суммы, что поставило в неравное материальное обеспечение беженцев из числа восточных славян и депортированных немцев, которые не имели в губернии национальных организаций и потому получали помощь лишь из одного источника. Об этом говорилось, в частности, в циркуляре от 13 июня 1916 г. астраханского губернатора местным органам государственной власти [9. С. 231]. 17 августа 1916 г. Всероссийский комитет для оказания помощи, пострадавшим от военных бедствий (бывший Татьянинский комитет) прислал в астраханское отделение циркуляр, запретивший выделять национальным организациям деньги, ассигнованные комитетом для помощи беженцам [12. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1270. Л. 7].

Массовый характер движение вынужденных переселенцев в Астраханскую губернию приобрело в августе 1915 г. Их доставляли поездами по Астраханской железной дороге из Саратовской губернии до станции Астрахань II, откуда пароходами по р. Болде перевозили в находившийся недалеко от станции врачебно-питательный пункт. Здесь прибывших кормили, регистрировали, врачи проводили медицинский осмотр, затем, после короткого отдыха, распределяли по уездам.

В августе—октябре 1915 г. в потоке вынужденных переселенцев преобладали славянские выходцы из юго-западных районов России (Волынской и Холмской губерний) и Австро-Венгерской империи (Галиции и Буковины), в ноябре 1915 г. в Астраханскую губернию хлынул поток депортированных немцев, резко увеличивший численность перемещенных лиц. Восточнославянские переселенцы в документах обычно именовались галичанами, буковинцами, малороссами, русинами, русскими, белорусами, в отличие от поляков, евреев и немцев, в отношении которых четко указывалась их национальная принадлежность. Это обстоятельство не позволяет точно установить численность и удельный вес среди беженцев конкретных восточнославянских этносов.

Славянские вынужденные переселенцы прибыли в Астраханскую губернию в составе первых партий: среди них 466 беженцев из Галиции, которых 20 августа 1915 г. осмотрели врачи и, найдя их здоровыми, дали разрешение

на отправку в предназначенные для их жительства места. 30 августа в г. Астрахань прибыли 534 чел., а 1, 2, 7 сентября — 1680 беженцев из Холмской губернии, 4 сентября — 895 беженцев «с Карпат» и 228 человек — из Волынской губернии [10. С. 290].

Вынужденные переселенцы направлялись на жительство в Астрахань и уезды губернии, для чего был задействован весь свободный фонд жилья. Их размещали также в помещениях чайных, столовых, харчевен, бильярдных и в закрытых после введения «сухого закона» бывших кабаках, пивных, трактирных. Услуги по размещению и обустройству беженцев предложило руководство Астраханской и Енотаевской епархии Русской православной церкви. 27 августа 1915 г. в Астрахани открылся епархиальный комитет по устройству быта беженцев, занявшийся поиском помещений для их проживания и сбором средств. К этому времени «все более или менее значительные помещения, находящиеся в распоряжении духовного ведомства, были уже заняты под военные надобности» [13. С. 402], в частности под лазареты (здания духовных семинарий и училищ), поэтому епархиальным властям стоило немалых трудов найти дополнительные помещения для проживания беженцев. Руководство епархии предоставило для размещения беженцев пять монастырей и обратилось в Епархиальный училищный совет с предложением определить церковно-приходские школы, «где можно было бы приютить беженцев на таких условиях, чтобы школьные занятия указываемых школ могли вестись в других школах в другую очередь» [14. С. 650]. Приходских священников призвали к тому, «чтобы они сами, или чрез других членов причта приняли на себя заботу о приискании потребных помещений для оказания приюта беженцам и об изыскании средств для оказания первоначальной помощи беженцам на удовлетворение их неотложных нужд, прося их располагать попечительные советы и отдельных прихожан уделить часть своих средств на нужды Комитета по устройству беженцев» [14. С. 650].

Астраханские власти, общественные и религиозные организации прилагали большие усилия по приему и обустройству вынужденных переселенцев, численность которых постоянно возрастала за счет прибытия новых партий. В октябре 1915 г. в губернии было зафиксировано 16 050 чел. вынужденных переселенцев, что в совокупности с другими факторами многократно увеличило нагрузку на социально-экономическую инфраструктуру губернии.

10 ноября 1915 г. астраханский губернатор И. Н. Соколовский информировал главноуполномоченного по устройству беженцев Юго-Западного фронта о том, что в губернии сложилась напряженная обстановка с размещением прибывающего населения. «Губерния с оседлым населением в шестьсот пятьдесят тысяч — говорилось в телеграмме — уже имеет свыше шестидесяти тысяч добавочного населения по обстоятельствам военного времени, ввиду чего все мало-мальски свободные помещения как в городах, так и селлах заняты, к тому же беженцами занесены тиф и оспа» [12. Оп. 9. Д. 1307. Л. 23]. Несмотря на обширность Астраханской губернии, более половины ее территории занимали калмыки и казахи, которые вели кочевой образ жизни. В Калмыцкой степи и во Внутренней киргизской орде имелось всего несколько малочисленных стационарных поселений, поэтому возможности разместить в них сколь-нибудь значительное число беженцев не представлялось возможным. В силу этого основная нагрузка на прием и размещение вынужденных переселенцев легла на Астрахань и пять уездов с оседлым населением. В Астраханской губернии, на начало ноября 1915 г., было сосредоточено 20 000 военнотружеников,

3 500 раненых, 11 688 военнопленных, 3 801 военнообязанных, 19 026 беженцев и ожидалось прибытие в ближайшее время 15 000 депортированных немцев-колонистов [12. Оп. 9. Д. 1307. Л. 33]. Пришлое население, таким образом, насчитывало 73 015 чел., что составляло 12% по отношению к постоянному населению губернии. Исходя из данных цифр Соколовский сделал вывод о том, что Астраханская губерния «переобременена приливом населения» и просил приостановить приезд новых партий беженцев [12. Оп. 9. Д. 1307. Л. 34].

Вынужденные переселенцы делились на две категории: собственно, беженцев, добровольно покинувших места проживания, и людей, административно высланных из зон боевых действий и прифронтовых районов по подозрению в сочувствии к воевавшей с Россией стороне. К первой преимущественно относились русские, малороссы, русины, белорусы, ко второй — немцы, поляки, евреи. Восточнославянских беженцев также различали по государственному подданству — Российской и Австро-Венгерской империям. Подданство имело значение при постановке на учет для обеспечения продовольственным пайком: восточнославянские подданные России право на пайк получали сразу после регистрации в органах власти, а выходцы из пределов Австро-Венгрии для этого должны были предоставить справку от председателя Русского народного совета Прикарпатской Руси о своей благонадежности по отношению к России и отсутствии связей с австрийской разведкой. Данная организация была создана в г. Львове и после отступления русской армии эвакуировалась в г. Киев, а в сентябре переехала в г. Ростов-на-Дону. Русский народный совет Прикарпатской Руси в ростовский период деятельности (сентябрь 1915—1920 г.) возглавлял И. Костецкий, именно к нему должны были обращаться астраханские беженцы для получения необходимой справки.

2 марта 1916 г. министр внутренних дел А. Хвостов утвердил «Руководящие положения по устройству беженцев», регулирующие положение беженцев в Российской империи. Для них устанавливался продовольственный пайк, стоимостью от 15 до 20 коп. в день на человека, при этом «при наличии исключительных условий» допускалось повышение данной суммы, но с особого разрешения министра финансов [15. С. 12].

В 1915—1917 гг. в Астраханской губернии стоимость продовольственного пайка на одного человека в разные месяцы колебалась в пределах от 15 до 25 коп. в день. Двадцатикопеечный пайк устанавливался из расчета, что 6 коп. должны были тратиться на покупку 2 ф. хлеба, 7,5 коп. — 0,5 ф. мяса, 4,5 коп. — на «приварок» (капуста, крупа, картофель, сало, коренья, соль и др.), 2 коп. — сахара и чая. По мнению властей, стоимость продовольственного пайка, с учетом постоянного роста цен на продукты, должна была составлять от 24,5 до 28,5 коп. [10. С. 290]. Ситуация с продовольственным обеспечением усугублялась тем обстоятельством, что наиболее употребляемые в пищу продукты приходилось завозить из других мест, так как их в Астраханской губернии производилось недостаточно для обеспечения населения. Природные условия не позволяли в широких масштабах заниматься выращиванием зерна, картофеля и овощей, поэтому цены на них были выше, чем в соседних губерниях.

По «Руководящим положениям» продовольственная и квартирная помощь полагалась не всем членам семьи, а только: а) детям до 14 лет включительно; б) нетрудоспособным, в) одному из трудоспособных, вынужденного остаться дома для присмотра за детьми, г) принятым на сельскохозяйственные работы. Работавшие в других сферах, «а также уклоняющиеся от приемлемых

и соответствующих их познаниям и навыкам заработков», права на продовольственную и квартирную помощь не имели [15. С. 12].

Данными мерами власти пытались побудить беженцев к поиску работы, чтобы они могли прокормить свои семьи. Между тем, славянским переселенцам найти работу, соответствующую их прежнему роду занятия было непросто. На Родине они были «почти поголовно хлебопашцы», в то время как на новом месте земледелие не являлось основным занятием жителей. В Астраханской губернии сельское хозяйство получило развитие лишь в северной части, при этом работа в этой отрасли носила сезонный характер и в силу этого не могла обеспечить беженцев постоянными доходами.

В южной части губернии (волжской дельте) доминировало рыболовство, к которому власти пытались приобщить часть вынужденных славянских переселенцев. Результаты этого оказались, однако, весьма скромными. Переселенцев не устраивал сезонный характер работы и размер зарплаты, хотя последняя, по местным меркам, считалась достаточно высокой. В частности, рабочим из числа беженцев на рыбных промыслах общества «Мазут» платили в день от 1 до 1,2 руб., а на Покрово-Болдинских промыслах семейная пара рабочих (муж и жена) получала, находясь на полном обеспечении и хозяина промысла, зарплату в размере от 23 до 27 руб. в месяц [16. 8 IX]. Тем не менее, этих денег не хватало для прокормления семей, поскольку большинство из них были многодетными. «Детей ужасающее число: во всех углах пищат, возятся, ссорятся и мирятся кудрявые льняно-белые ребятишки, вымазанные в грязи, как поросята», — сообщал читателям о славянских переселенцах корреспондент И. Подгорный на страницах губернской газеты «Астраханский листок» [16. 6 IX]. О большом количестве детей в семьях вынужденных переселенцев свидетельствует и статистика: в Черноярском уезде, например, на 1 января 1917 г. доля детей до 14 лет включительно у малороссов составляла 54%, у русинов — 42,6%, у поляков — 40,3%, белорусов — 47,6%, у сербов — 47,6% [12. Оп. 9. Д. 1307. Л. 228]. В то же время у славян был низкий показатель людей, находившихся в трудоспособном возрасте: по данным властей на 20 октября 1916 г., в том же Черноярском уезде он составлял у русских 30,6%, у поляков — 33,7%, у галичан — 38,2%, у буковинцев — 23,8% [12. Оп. 11. Д. 1525. Л. 78]. Из-за большого количества детей часть женщин трудоспособного возраста вынуждена была оставаться дома. На невысокие показатели людей трудоспособного возраста влияла также мобилизация молодых людей в армию, от которой беженцы не были освобождены.

Вывранные из привычной колеи жизни славянские переселенцы в большинстве не смогли приспособиться к условиям жизни на новом месте. Здесь у них все вызывало удивление и непонимание. Многие из них думали, что будут жить и заниматься земледельческим трудом в помещичьих экономиях, как это было на Родине, но вскоре они узнали, что таковых в Астраханской губернии не существует, а им придется приспособляться к непривычным условиям жизни в регионе, где главное занятие жителей — скотоводство и рыболовство. Особенно чуждым их менталитету и психологии было занятие рыболовством. Водные просторы Волги и Каспийского моря вызывали у них панический страх. Таких крупных водоемов они никогда не видели. «У нас якие реки? Канавки малюсеньки, та озеречки», — говорили они. Корреспондент Подгорный описал курьезный случай, произошедший у него на глазах. В присутствии беженцев один из матросов неожиданно бросился в воду, и «волынские сухопутные хлеборобы» подумали, что он непременно утонет,

и пожалели его, однако, когда они увидели, что матрос умеет плавать и его жизни ничего не угрожает, то жалость сменилась удивлением, переросшая затем в восхищение [16. 8 IX].

Астраханские чиновники рассказывали, что при перевозке восточнославянских беженцев — выходцев из западных приграничных районов Российской империи и Австро-Венгрии — им часто приходилось прибегать к хитрости и обману, чтобы уговорить их сесть на пароход [12. Оп. 11. Д. 1525. Л. 94об.].

Вынужденные переселенцы жаловались на тяжелый климат, от которого болели дети и «задыхались старики», на тяжелые условия работы и на то, что на промыслах в сезон было принято работать в религиозные праздники. Чиновники подтверждали факт повышенной заболеваемости беженцев по сравнению с местными жителями и выросшей в связи с этим нагрузки на медицинский персонал [12. Оп. 11. Д. 1525. Л. 100].

Беженцам пришлось вносить серьезные коррективы в рацион питания, поскольку ассортимент предпочитаемых местным населением в питании продуктов отличался от принятого на их прежнем месте жительства. «Яка це жизнь! Яка це праця! [...] Вода, та рыба, як байдуже! Дети зачимрили без молока. О, Господи!», — выражали они свое недовольство [16. 8 IX]. Копченую рыбу беженцы вообще отказывались употреблять в пищу, считая ее протухшей.

Большое удивление у них вызвало поведение и вид промысловых рабочих, особенно работниц, одетых в полумужской костюм. По мнению корреспондента И. Подгорного, последние выглядели более привлекательно: «Стройные, ловки, задорно-насмешливые в своих оригинальных рабочих одеждах, они выгодно отличаются от беженок, малорослых, некрасивых, закутанных в тряпье, с тупо-покорными или безразличными лицами» [16. 8 IX]. Причину непривлекательности женщин-беженок корреспондент объяснял тяжелыми условиями работы в помещичьих экономиях, приводившие к преждевременному старению.

Славянские вынужденные переселенцы с неохотой устраивались на работу на рыбные промыслы и при первой возможности старались переехать жить в сельскую местность, где они могли найти более привычную им работу.

В Астраханской губернии славянские поселенцы размещались, согласно их пожеланиям, компактными группами. Посетивший в августе 1915 г. покрово-болдинские промыслы И. Подгорный отметил: «Вообще все беженцы тесно жмутся друг к другу, к землякам, не желают поступать даже на подходящую работу, если приходится “раздуться” со своими» [16. 8 IX]. На данных промыслах численность каждой такой группы составляла от 35 до 100 чел.

По сведениям губернских властей, в ноябре 1915 г. в рыболовецких Астраханском и Красноярском уездах числились соответственно 2 700 и 2 600 человек вынужденных переселенцев всех национальностей, в скотоводческо-земледельческих Черноярском и Енотаевском уездах — 2 600 и 2 700 чел., в земледельческом Царевском уезде — 4 100 чел. [10. С. 291].

В Астрахани на начало ноября 1915 г. скопилось 3 935 вынужденных переселенцев, а к началу июня 1916 г. эта цифра возросла до 5 942 чел. (3,92% по отношению к постоянному населению) [10. С. 290]. Город был переполнен беженцами и власти испытывали огромные трудности с их размещением, обеспечением продуктами и предметами первой необходимости.

Большие проблемы возникли с трудоустройством беженцев. Астрахань являлась единственным в губернии крупным промышленным очагом, поэтому

не испытывала недостатка в притоке рабочей силы и в людях, обслуживающих социально-производственную городскую инфраструктуру. В сфере управления, образования, производства, обслуживания местных кадров было вполне достаточно, поэтому новоприбывшим найти соответствующую их профессиональной квалификации работу было непросто. Несмотря на это, городские власти делали все возможное, чтобы трудоустроить беженцев.

Большую роль в устройстве на работу вынужденных переселенцев сыграли бюро труда при земских и национальных комитетах и учрежденное в феврале 1916 г. в Астрахани в целях координации их действий Центральное бюро труда.

В начале 1916 г. среди обосновавшихся в губернском центре вынужденных переселенцев были русские, поляки, евреи, латыши, немцы и галичане. Мужчины-поляки работали в основном чернорабочими и дворниками, женщины — кухарками, горничными, нянями, на которых имелся спрос в городе. В августе 1915 г. 16 беженцев из Волынской, Холмской и Гродненской губерний были приняты в городскую пожарную команду [10. С. 292], на железной дороге трудилась артель грузчиков, набранная из галичан, до 320 галичан поступили на работу на рыбные промыслы [8. С. 130], часть женщин задействовали на размотке рыбацких сетей под руководством латышек, в Астрахани славяне работали также в специально открытых для беженцев швейной мастерской и пекарне.

Несмотря на все усилия властям не удалось трудоустроить всех беженцев. В феврале 1916 г. из 2754 беженцев, проживавших в Астрахани, не имели работы 1612 чел. трудоспособного возраста, т.е. 58,3%; из них по национальности они распределялись так: 178 чел. были русскими, пять — русинами, 502 — поляками, 794 — евреями, 47 — немцами, 86 — латышами [10. С. 293].

В течение с августа по ноябрь 1915 г. включительно Астраханская губерния испытала самый мощный за годы Первой мировой войны приток вынужденных переселенцев, в последующее время он уменьшился, но положительная динамика все равно продолжала сохраняться. По официальным данным, численность вынужденных переселенцев в ноябре 1915 г. составляла 19126 чел., в декабре 1916 г. — 43821 чел., в мае 1917 г. — 50418 чел. [10. С. 290].

В Государственном архиве Астраханской области сохранилась ведомость по Черноярскому уезду, датируемая 20 октября 1916 г., которая позволяет ознакомиться с географией размещения вынужденных переселенцев в рамках указанного уезда, узнать их численность и национальный состав. Согласно ведомости, в уезде проживали 4247 чел. вынужденных переселенцев, в том числе 1469 русских (34,6%), 1321 буковинцев (31,1%), 760 немцев (17,9%), 553 галичан (13%), 144 поляка (3,4%) [12. Оп. 11. Д. 1525. Л. 78]. Все они размещались этническими группами в 27 населенных пунктах, при этом русские проживали в 17 поселениях, галичане — в 14, немцы — в 11, буковинцы — в восьми, поляки — в семи [12. Оп. 11. Д. 1525. Л. 77–78].

Успешное обустройство вынужденных переселенцев во многом зависело от деятельности уездных и сельских комитетов помощи беженцам, на которых лежала основная нагрузка по обустройству и налаживанию жизни прибывших. В этом отношении выделялись комитеты Енотаевского уезда, накопившие большой положительный опыт в деле организации работы с беженцами.

Несмотря на то, что это был самый маленький по размерам территории уезд в Астраханской губернии, он принял вместо намеченных 1000 чел. в два с половиной раза больше беженцев. В октябре 1915 г. в 24 населенных пунктах Енотаевского уезда их числилось 2637 чел. [12. Оп. 2. Д. 1576. Л. 1об.].

Славяне были компактно расселены в населенных пунктах: Харабали (228 чел. малороссов), Кочковатка (117 чел. малороссов), Сасыкольском (187 чел. галичан), Золотуха (163 чел. из Холмской губернии и две семьи поляков), Сокрытовка (70 чел. из Львовской и Холмской губерний), Болхуны (457 чел. малороссов из Волынской губернии и частично — галичан) [12. Оп. 2. Д. 1576. Л. 5—10об.], Селитренное (262 чел. русских и галичан) [7. Л. 194]. Попечение над ними осуществляли Енотаевский уездный комитет по оказанию помощи беженцам и созданные в каждом поселении, где проживали компактно беженцы, комитеты. В них входили гласные уездной земской управы, православные клирики, должностные лица местного самоуправления (сельские старосты и писари), учителя, торговцы и зажиточные крестьяне.

Работавшие в комитетах подыскивали помещения для проживания беженцев, собирали для них пожертвования, обеспечивали продовольствием и одеждой. Для беженцев в с. Никольском были открыты пекарня, сапожная мастерская и швальня, в с. Селитренном — пекарня и баня. Комитеты с. Селитренного и Харабалинского организовали работы по прядению шерсти. В марте 1916 г. Селитреннский комитет нашел для беженцев работу в ремонтных мастерских на железнодорожной станции Сероглазово и направил туда со своими удостоверениями 23 чел. [7. С. 196].

Беженцы, однако, не проявляли особого стремления устроиться на работу. В условиях неземледельческого характера экономики губернии потомственным хлебопашцам было трудно психологически перестроиться на иной род деятельности. Их, кроме того, не устраивал поденный характер работы: на прежнем месте жительства они обычно устраивались работать в помещичью экономию на один год, при этом им на все это время хозяин предоставлял «хату», «приварок» и разрешал держать корову. У части беженцев нежелание работать было также связано с иждивенческими настроениями: многие из них считали, что раз власти оторвали их от дома и привычного уклада жизни, то они обязаны обеспечить им полное содержание на новом месте [16. 6 IX].

Нежелание многих беженцев приспособляться к социально-экономическим реалиям Астраханской губернии изменило отношение к ним местного населения и властей. Посетивший места компактного проживания вынужденных переселенцев в Енотаевском уезде, председатель уездной земской управы отметил в докладе от 1 декабря 1915 г., что жители уезда встретили мигрантов с сочувствием, однако вскоре быстро к ним охладели, так как те «заявили, что разорены и им обещано полное довольствие на местах» [12. Оп. 2. Д. 1576. Л. 4]. Перемены в отношении властей и общественных организаций к беженцам подметил и И. Подгорный: «Беженцы утомили соприкасающихся с ними лиц, если можно так выразиться, особенностями своего быта, своего миропонимания, и увы, — даже [...] неблагодарностью» [16. 6 IX].

Неудачный опыт адаптации к местным условиям и изменившееся в худшую сторону отношение к ним местных жителей подогревали и без того сильное среди славянских переселенцев стремление побыстрее вернуться на родину. Побывавший в сентябре 1915 г. на одном из рыбных промыслов корреспондент газеты «Астраханский листок» услышал от беженки: «Ой лышечко! Коли б мене на нашу сторону, ни бы голу ю землю посадили, я б и то, была радешенька!» [16. 8 IX]. Председатель Енотаевской земской управы сообщил, что когда в ноябре 1915 г. в с. Кочковатка Енотаевского уезда прибыл из Волынской губернии один беженец и рассказал о том, что на Родине покинутые ими дома находятся в сохранности, а оставшиеся люди работают в своих

хозяйствах, то это взбудоражило беженцев, и они стали требовать от местного комитета, чтобы он разрешил им вернуться домой [12. Оп. 2. Д. 1576. Л. 7об.].

Некоторые вынужденные переселенцы пытались перебраться ближе к их родине, чтобы оттуда, как только закончится война, быстро вернуться в родные места. 13 июля 1916 г. к астраханскому губернатору И.Н. Соколовскому поступило прошение от 16 беженцев из Холмской губернии, проживавших в с. Ново-Никольском Царевского уезда. Они жаловались на суровый климат, отрицательно влиявшем на их здоровье, и на отсутствие привычного уклада жизни. Они просили разрешить им переехать в Екатеринославскую губернию, где временно остановились их родственники и земляки, чтобы при первой возможности возвратиться в родные места [12. Оп. 2. Д. 1771. Л. 108].

Многие беженцы, не дождавшись от властей разрешения, самовольно покидали места жительства и двигались в направлении своих родных мест. Так, в июне 1916 г. военные власти задержали в Полтаве группу беженцев-галичан, самовольно выехавших из Астраханской губернии и направлявшихся на свою родину. Соколовский предписал астраханскому полицмейстеру принять срочные меры к недопущению самовольного отъезда беженцев [10. С. 293]. В июле 1916 г. много галичан выехали из с. Селитренного Енотаевского уезда. По словам руководителя Селитренного местного комитета по оказанию помощи беженцам, они уезжали «куда вздумается» и вели себя «грубо и иногда даже вызывающе» [7. С. 197].

Власти заботились о предоставлении детям беженцев возможности получения образования. В декабре 1915 г. губернский земский комитет сообщал астраханскому губернатору о большом количестве детей беженцев, желающих обучаться в учебных заведениях губернии [10. С. 294]. В Астрахани для удовлетворения данных потребностей специально для детей беженцев были открыты начальные школы, часть детей проходила обучение в средних учебных заведениях (гимназии и реальные училища). За их обучение платили городские власти или оно осуществлялось на безвозмездной основе. Чтобы снабдить школьников всем необходимым, в Астрахани был объявлен сбор одежды, обуви и учебников. В сельских населенных пунктах возможности получить образование были ограничены, но и здесь местные власти и комитеты постарались устроить в начальные школы всех желающих обучаться.

После Февральской революции 1917 г. положение беженцев стало стремительно ухудшаться. Были ликвидированы прежние структуры, занимавшиеся делами беженцев, уволились специалисты, сократилось финансирование, ухудшилась ситуация с обеспечением населения продовольствием и промышленными товарами. Между тем, беженцы продолжали прибывать, и к весне 1917 г. их численность перевалила за 50 000 чел. [10. С. 294]. С приходом к власти большевиков ситуация обострилась еще больше, поскольку прекратилась выдача пайков беженцам и власти фактически самоустранились от решения их проблем. В этих условиях среди беженцев усилилось стихийное движение на родину, которое продолжалось до середины 1920-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918) // Вопросы истории. 1999. № 8.
2. *Лаврентьев В.М., Хасин В.В.* Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Саратов, 1997. Вып. 1.

3. *Бахурин Ю.А.* Вынужденные переселенцы из западных окраин России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.): проблемы терминологии и причин // Великая и забытая: материалы международной научно-практической конференции. Калининград; Гусев, 2013.
4. *Белова И.А.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925. М., 2014.
5. *Михалев Н.А., Пянков С.А.* Беженцы Первой мировой войны в России: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49).
6. *Гэтрелл П.* Беженцы в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4.
7. *Алиева А.Н.* Деятельность Селитренского местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань, 2015. Вып. VII.
8. *Алиева А.Н.* Деятельность Астраханского городского комитета по устройству беженцев в годы Первой мировой войны (по материалам собрания Астраханского музея-заповедника) // Всероссийская научная конференция, посвященная 175-летию Астраханского музея-заповедника: сборник статей. Астрахань, 2011.
9. *Алиева А.Н.* Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань, 2011. Вып. III.
10. *Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В.* Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4.
11. *Плюцинский С.С.* Переселенные немцы на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // История и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья: сборник научных статей по материалам научной конференции «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья». 2004 г. Волгоград, 2005.
12. Государственный архив Астраханской области. Ф. 1.
13. Великая отечественная война и Астраханская церковная жизнь в 1914–1915 гг. // Астраханские епархиальные ведомости. 1916. № 21.
14. О деятельности Астраханского епархиального комитета по устройству быта беженцев // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 28.
15. Руководящие положения по устройству беженцев. Петроград, 1916.
16. *Подгорный И.* «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915.

РУССКИЕ АРХИТЕКТОРЫ-ЭМИГРАНТЫ И АРХИТЕКТУРНЫЕ КОНКУРСЫ В МЕЖВОЕННОМ БЕЛГРАДЕ

© 2021 г. Э.Н. Ибрагимова

Аспирант (PhD candidate), Центрально-Европейский университет (Будапешт).

ibragimova_elvira@phd.ceu.edu

В статье анализируется участие русских архитекторов-эмигрантов в архитектурной жизни Королевства СХС/Югославия на примере белградских конкурсов. В первой части рассматривается, насколько часто и как успешно они участвовали в конкурсах, а во второй — проблема получения ими заказов без проведения конкурсов или в обход их результатов.

The article analyses the participation of Russian *émigré*-architects in the architectural life of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians / Yugoslavia based on the example of competitions in Belgrade. The first part considers, how often and successfully they participated in competitions, the second part deals with the problem of receiving commissions without competitions or regardless to their results.

Ключевые слова: белая эмиграция, архитектурные конкурсы, Белград, югославская архитектура.

Keywords: white *émigré*, architectural competitions, Belgrade, Yugoslav architecture.

DOI: 10.31857/S0869544X0012831-7

Среди русских эмигрантов в Королевстве СХС/Югославия исследователи насчитывают около двух сотен архитекторов и гражданских инженеров, занимавшихся строительным проектированием [1. С. 131]. Около половины из них работали в Белграде, ставшем столицей нового государства и переживавшем трансформацию, которая дала широкое поле работы для архитекторов. В целом, у архитекторов в Королевстве было три возможных пути для карьеры: преподавание, частная практика, государственная служба.

Русские архитекторы старшего поколения не преподавали в университете, в отличие от представителей инженерных специальностей [2. С. 80]. Зато младшее поколение смогло продолжить образование на архитектурном отделении технического факультета, а некоторые из выпускников остались там преподавать (например П.Д. Анагности и Г.И. Самойлов).

В области частной практики эмигранты могли рассчитывать на должность ассистента в бюро сербских архитекторов. Только самые удачливые из русских

архитекторов-эмигрантов смогли открыть свои бюро, например совместное бюро было у В.В. Сташевского и В.Ф. Баумгартена [3. С. 170].

Основным прибежищем для эмигрантов стала государственная служба: в муниципалитете, администрации Королевского двора или в министерствах, особенно в Министерстве строительства и его архитектурном отделении [4]. Как лица без гражданства, русские архитекторы работали по временным контрактам, но вместе с тем занимали на государственной службе привилегированное положение, пользуясь поддержкой самого короля Александра [5. С. 51], что объяснялось как нехваткой кадров при возросшем объеме задач, так и спецификой образования, опыта и экспертизой в самых востребованных стилях — византийском и неоклассическом.

Русские архитекторы сыграли важную роль в создании облика межвоенного Белграда. Согласно подсчетам О. Латинчич, русские эмигранты создали 10% из всех 20 000 проектов, хранящихся в фонде муниципалитета в Историческом архиве Белграда [3. С. 195]. Однако, несмотря на это, развитие архитектуры в целом проходило без их влияния в силу профессиональной обособленности. Русские архитекторы не вступали в югославские профессиональные организации, создавая свои, а также редко участвовали в конкурсах или выставках, особенно организованных местными архитекторами [2. С. 64; 6. С. 275]. При этом часть сербских архитекторов была недовольна привилегированным положением русских эмигрантов [7. С. 338]. Одним из камней преткновения между ними были конкурсы, так как считалось, что русские архитекторы избегают участия в конкурсах, получая заказы без или в обход конкурсов.

В целом деятельность русских архитекторов-эмигрантов в Белграде разносторонне исследована как сербскими, так и российскими исследователями. Тематически эти исследования можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся общие обзорные работы с упором на роль русских зодчих в изменении облика города и анализ их отдельных значимых работ, как, например, в статьях К.В. Никифорова «Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов)» [8] и В.И. Косика «Русские зодчие в Югославии» [7]. Вторая группа — биографии самых значимых русских архитекторов-эмигрантов, основными авторами исследований такого рода являются А. Кадиевич, М. Джурджевич и О. Латинчич. К третьей группе можно отнести исследования деятельности русских архитекторов как особой группы в разных институциональных и идеологических аспектах. Например, А. Кадиевич исследовал их выставочную активность [6], С. Тошева — работу в министерстве строительства [4], Дж. Боровняк — основные сферы профессиональной деятельности [5], А. Игнятович — роль в формировании сербской идентичности [9].

Один из самых малоизученных сюжетов — это участие русских зодчих в конкурсах. В основном, в существующей литературе конкурсы рассматриваются как эпизоды биографии отдельных архитекторов. Цель данной статьи — оценить степень и успешность участия русских архитекторов в конкурсах, а также подробно рассмотреть проблему внеконкурсного приоритета на материале нескольких конкурсов.

В целом архитектурные конкурсы в межвоенном Белграде исследованы мало, за исключением нескольких работ об отдельных конкурсах (среди которых Государственная типография [10], Белый двор [11], храм св. Саввы [12], Теразийская терраса [13], административные здания [14]). Однако в книге архитектора Б. Койича «Социальные условия развития профессии архитектора

в Белграде» были опубликованы своды правил для конкурсов, статьи из прессы, а также предпринята попытка составить список конкурсов (на основе собственного участия, в том числе и как члена жюри) [15]. С опорой на эти сведения и другие источники в статье составлен расширенный список конкурсов, для которых собраны сведения о жюри, наградах, результатах и их реализации. Эта информация стала основой для анализа активности русских архитекторов в конкурсах.

Основным источником информации по конкурсам являются публикации в прессе (в первую очередь, в ежедневных газетах «Време», «Правда», «Политика»). В них публиковались как объявления о проведении конкурсов и их результатах, так и подробные статьи с изображениями награжденных и приобретенных проектов. Порой СМИ следили за судьбой конкурсных результатов и публиковали информацию о дальнейшем развитии событий. Сами архитекторы писали статьи о конкурсах, рассказывая о своих проектах или выражая недовольство проблемами в конкурсной практике, публикуя их как в ежедневных газетах, так и в профессиональной прессе (например, в журналах «Tehnički list» и «Gradjevinski vjesnik»).

Помимо прессы для восстановления хода конкурсов важны музейные мемориальные коллекции архитекторов (в первую очередь, хранящиеся в белградском Музее науки и техники). Они содержат не только сами проекты архитекторов, но и конкурсную документацию (программы, протоколы заседаний жюри), а также переписку архитекторов с жюри и заказчиком по результатам конкурсов.

Третья группа источников — архивные материалы муниципалитета и министерств (особенно Министерства строительства). На основе переписок и согласований между органами можно проследить судьбу конкурсных проектов в случае административных зданий и оценить влияние властей на конкурсную практику. В случае русских архитекторов, эти документы позволяют выявить причины и механизмы их назначений вне конкурса.

* * *

В межвоенном Белграде было проведено около 60 конкурсов на отдельные здания и четыре градостроительных конкурса, из них в 1920-е годы — 15, в 1930-е годы (вместе с 1940 г.) — 49. Этот список составлен мною на основе списка архитектора Б. Койича (он перечисляет 31 конкурс в Белграде [15. С. 251–257]) с дополнениями из прессы и архивных материалов. К сожалению, для части конкурсов нет всей информации, включая и состав жюри, и призовые места для 14 конкурсов, состав жюри неизвестен для четырех, призовые места — для одного. Проведение конкурсов было сопряжено с рядом проблем на всех стадиях: от разработки программы конкурса до реализации результатов, что часто приводило к скандалам [14. Р. 32–44]. В целях регуляции конкурсов Ассоциация югославских инженеров и архитекторов (АЮИА) и Палата инженеров разработали два свода правил (1921 и 1938 г.), которые, в том числе, определяли право участия в конкурсах.

По своду правил 1921 г., конкурсы с точки зрения участия, могли быть общими или ограниченными. Общие делились на местные (только для жителей города), югославские, всеславянские и международные. На ограниченные конкурсы заказчик имел право позвать группу архитекторов по своему усмотрению [15. С. 227–228]. Свод правил 1938 г. внес два изменения в эту классификацию:

местные конкурсы были отменены, а ограниченные могли проводиться только после проведения общего [15. С. 239–240].

Свод правил не учитывали особое положение русских эмигрантов, которые, будучи лицами без гражданства, могли по этой классификации участвовать только во всеславянских и международных конкурсах, редко проводимых. В объявлениях о некоторых конкурсах специально указывалось, что, помимо граждан Королевства, в них могут участвовать и русские эмигранты, проживающие в нем. Однако на практике русские архитекторы могли участвовать во всех югославских конкурсах наравне с гражданами. Единственная группа белградских конкурсов, из участия в которых русские были исключены, — это четыре конкурса, организованных АЮИА с правом участия только для членов организации (а среди них не было русских архитекторов).

Меньше всего было возможностей у русских архитекторов для участия в конкурсах в качестве членов жюри. В 46 белградских конкурсах, для которых удалось установить составы жюри, участвовали в этом качестве около 70 архитекторов и инженеров, из них русских только два — Г.П. Ковалевский и Н.П. Краснов. Этому было две причины. Первая — наличие доминирующей группы сербских архитекторов, которых часто приглашали в жюри. Таким образом, 10 человек судили по 5–11 конкурсов каждый, в то время как почти половина из 70 членов жюри выполняла эту роль однократно. Вторая причина — сам механизм формирования жюри, состоявшего из двух частей: представителей заказчика и приглашенных архитекторов и инженеров. Приглашали в этом качестве чаще всего университетских профессоров, делегатов АЮИА или служащих Министерства строительства (иногда муниципалитета). Как было указано выше, в первые две группы русские архитекторы не входили. Что касается третьей группы, несмотря на многочисленность и роль русских зодчих в Министерстве строительства, они не могли выступать как его официальные представители на конкурсах, так как работали по временным контрактам. Хотя правилами это не было прописано, на практике в жюри конкурсов приглашали чиновников со званием инспектора или советника министерства, а к русским архитекторам, работавшим по контракту, эта система званий не применялась [16].

Особая ситуация сложилась с Г.П. Ковалевским, сотрудником технического отделения Белградского муниципалитета и руководителем бюро по разработке Генерального плана [17. С. 169–170]. Как представитель муниципалитета, он был членом жюри двух градостроительных конкурсов — на создание плана для Топчидерского парка в 1924 г. и для Теразийской террасы в 1930 г., об обустройстве которой он опубликовал статью и разработал ее временное решение [18].

Другие примеры участия русских архитекторов как членов жюри или организаторов конкурса связаны с привилегированным положением при Дворе и доверием короля. Так, Н.П. Краснов, автор многих важных административных зданий, был приглашен в жюри конкурса на проектирование Дома короля Александра I для учеников средних школ. Еще один эмигрант, С.Н. Смирнов, придворный инженер и доверенное лицо короля, участвовал в разработке рекомендаций для победившего на конкурсе архитектора В. Петровича [19. С. 150–151].

Когда король Александр решил построить отдельный дворец для своих сыновей (Белый двор), задача «перевести» желания монарха в вид строительной программы, подходящей для организации конкурса, была доверена В.В. Лукомскому, который зарекомендовал себя участием в строительстве Королевского дворца на Дедине [11. С. 134]. Однако в оценке работ конкурса

принимал участие как архитектор только П. Попович. На этом конкурсе среди прочих был приобретен и проект Н.П. Краснова, чьи планы и изображения, к сожалению, не сохранились.

Оценить, насколько часто русские архитекторы были участниками конкурсов, достаточно сложно из-за недостатка материалов. Работы на конкурсы отправлялись анонимно, после конкурса раскрывались личности авторов награжденных, а иногда приобретенных проектов. Участие без полученных призов можно установить только для тех архитекторов, которые выставляли свои проекты на выставках или у которых хорошо сохранились коллекции всех проектов. Таким образом, можно рассмотреть участие русских архитекторов в конкурсах, в первую очередь, благодаря их награжденным и приобретенным проектам.

Для 49 белградских конкурсов известны списки награжденных, при этом в 17 случаях первая награда не была вручена, в двух случаях — не было ни первой, ни второй, и в двух случаях вместо вручения наград были приобретены все проекты. Таким образом, первая награда вручалась в 29 конкурсах (но в двух было несколько первых мест). Русские архитекторы получили три из них: дважды индивидуальную (В.А. Татаринов за проект железнодорожной станции Белград—Дунай в 1931 г. и Г.И. Самойлов за проект здания Пенсионного фонда Народного банка в 1937 г.) и одну в составе команды (Г.Я. Киверов вместе с Й. Коркой и Дж. Крекичем за проект здания Белградского кооператива в 1937 г.). Всего призовые места с первого по третье занимали 53 индивидуальных архитектора и 35 команд, из них шесть русских архитекторов и пять команд с их участием.

Самыми успешными по числу наград можно считать А.В. Папкова (одна индивидуальная вторая награда и две третьи командные), а также «хорватских русских», получавших свои награды только в составе команд, — это Г.Я. Киверов (одна первая, две вторые) и З.П. Думенгич, в девичестве Непенина (одна вторая, две третьи и одна пятая). Г.И. Самойлов получил две индивидуальные награды (первую и пятую). Ещё пять архитекторов получили награды по одному разу (это В.В. Лукомский, И.А. Рык, Н.В. Васильев, В.А. Татаринов, Е.И. Мамуков).

Для точной оценки успехов русских архитекторов стоило бы посчитать и приобретенные проекты. Для белградских конкурсов обычной практикой было уменьшать количество наград ради покупки большего числа конкурсных проектов. Однако, в отличие от награжденных, приобретенные проекты часто обозначались в газетных публикациях только под шифрами, без указания авторства. Например, известно точно, что проекты Н.П. Краснова приобретались минимум четыре раза (два индивидуальных и два командных), командные работы А.В. Папкова — минимум три, по два раза приобретались проекты П.Д. Анагности и Н.В. Шилова.

При оценке успешности и частоты участия в конкурсах стоит учитывать, что у многих русских архитекторов не было ни мотивации, ни необходимости в этом. Например, сотрудники и владельцы частных бюро имели специализацию в жилом строительстве, для которого конкурсов не проводилось. К тому же они занимались не только проектированием, но и возведением построек, имея порой такой поток заказов, что даже не нуждались в дополнительной рекламе через участие в конкурсах. Также архитекторы, получившие работу в министерстве и муниципалитете, банально не имели времени для участия

в конкурсах из-за большой загруженности, в том числе не самыми творческими заданиями. Для этой группы участие в конкурсах являлось скорее хобби, чем необходимостью. Только непосредственно после прибытия у архитекторов-эмигрантов был стимул участвовать в конкурсах, чтобы утвердиться в новой среде, привлечь инвесторов или получить работу. Однако в 1920-е годы само количество конкурсов было небольшим.

На одном из первых конкурсов, организованном по заказу двух министерств (сельского хозяйства и водных ресурсов, лесного хозяйства и горной промышленности) в 1921 г., третью награду получил В.В. Лукомский за проект в традициях русского ампира [20. С. 194]. Вероятно, его идея объединения двух учреждений в одном здании была вдохновлена зданием Сената и Синода в Петербурге. Также был приобретен проект Н.В. Васильева в духе петербургской неоклассической архитектуры 1910-х годов. Этот проект даже выставлялся на Всемирной выставке в Париже в 1925 г. [21. Р. 25]. Участие Васильева в белградских конкурсах примечательно тем, что он отправлял проекты и до своей эмиграции в Белград, и после отъезда в Нью-Йорк. В 1908 г. на всеславянском конкурсе на здание Администрации государственных монополий совместный проект Васильева и С.С. Кричинского получил первую награду [22. С. 97]. В 1940 г. Васильев участвовал в конкурсе на здание Оперы. Его проект, созданный в сотрудничестве с Дж. Лоуенфишем, получил пятую награду (при этом первая и вторая не вручались) [23. С. 146].

Помимо Лукомского и Васильева из старшего поколения русских архитекторов в конкурсах участвовали В.М. Андросов и Н.П. Краснов. Андросов в Белграде специализировался на церковной архитектуре, поэтому участвовал в конкурсе на храм Св. Саввы. Этот храм должен был стать своеобразным национальным пантеоном [12]. На конкурсе жюри присудило только вторую награду (Б. Несторовичу), но приобрело 13 проектов [24]. Среди них за проект Андросова была заплачена третья по величине сумма. Таким образом, Андросов получил больше, чем А. Дероко, чей совместный с Несторовичем проект впоследствии был реализован. В случае с Красновым известно четыре конкурсных проекта, и все были приобретены [25]. Два из них созданы в соавторстве с Д.М. Леко (на конкурс Министерства финансов и Аграрного банка). На конкурс Министерства финансов Краснов отправил также индивидуальный проект. Четвертый проект был приобретен на уже упомянутом конкурсе на здание Белого двора.

Гораздо активнее участвовало в конкурсах младшее поколение архитекторов. Для них, как для недавних выпускников, конкурсы были важны для успешного старта карьеры, рекламы и получения заказов.

Самым успешным для русских архитекторов, но редко упоминаемым в связи с ними, является конкурс на здание железнодорожной станции Белград–Дунай в 1931 г. Из трех призовых мест два заняли русские архитекторы [26]. Первое место получил В.А. Татаринов, выпускник технического факультета Загребского университета, работавший впоследствии в Нише. Второе место занял Е.И. Мамуков, позднее более известный по деятельности в НТС, чем на архитектурном поприще.

А.В. Папков может считаться одним из самых успешных участников конкурсов среди русских эмигрантов¹. Папков дважды занимал третьи места: в команде

¹ Часть его конкурсных проектов описана в статье М. Джурджевич, посвященной его творчеству [27], остальные упомянуты в прессе [28]

с М. Злоковичем в конкурсе на Дом инвалидов в 1928 г. и в команде с В. Гавриловичем в конкурсе на Дом инвалидов в 1933 г. В 1928 г. Папков также получил одну из вторых наград на конкурсе на здание Народного университета (при этом первой не было). Три командных проекта Папкова были приобретены: проект с Злоковичем для храма св. Саввы, проект с Гавриловичем для станции Белград–Дунай, а также проект здания Аэроклуба, созданный совместно с Н.В. Шиловым. Это один из немногих примеров совместных конкурсных проектов русских архитекторов. Представители молодого поколения, получившие образование уже в Югославии, гораздо чаще сотрудничали с местными архитекторами, чем между собой. На этом поприще успешными оказались русские архитекторы, закончившие технический факультет Загребского университета и покорявшие белградские конкурсы в составе хорватских команд.

Г.Я. Киверов был частью трио Й. Корка, Дж. Крекич, Г.Я. Киверов, на счету которого имелось несколько реализованных проектов в Загребе, а также успешное участие как в белградских, так и иных югославских конкурсах. Они получили вторую награду на конкурсе Государственной типографии в 1933 г., одну из трех первых наград на конкурсе Белградского кооператива в 1937 г., а также одну из вторых (первой не было) на конкурсе на здание Этнографического музея в 1938 г. [29].

Еще больше наград получила З.П. Думенгич², в девичестве Непенина, известная своими проектами зданий в сфере здравоохранения. Команда в составе с З.П. Думенгич, ее мужем С. Думенгичем и их коллегой З. Врклином дважды занимала третье место (в конкурсе на так называемую палату Албания и Больницу больничного фонда). В команде с мужем З.П. Думенгич получила вторую награду на конкурсе Сербского сельскохозяйственного общества и пятую — на здание Администрации государственных монополий в 1939 г. Также они участвовали в конкурсах на индустриальные здания — Государственную типографию (проект приобретен) и Завод по изготовлению марок. До замужества Зоя Петровна трижды участвовала в конкурсах в команде с Киверовым, один из которых — это белградский конкурс на здание Государственного Ипотечного банка, но наград они не получили. В целом, благодаря хорошо сохранившемуся наследию, на примере Зои Петровны можно оценить успешность ее участия в белградских конкурсах: из семи проектов только два не были приобретены или награждены.

Молодые архитекторы, окончившие обучение в Белграде, получали первый опыт участия в конкурсах, сотрудничая с состоявшимися сербскими архитекторами. Так, П.Д. Анагности работал с Б. Несторовичем и А. Дероко, а Г.И. Самойлов — с А. Дероко.

П.Д. Анагности вошел в сербскую архитектуру не только из-за спроектированных зданий, но и благодаря преподавательской деятельности. Несколько проектов Анагности были приобретены, в том числе и на конкурсе 1936 г. на здание Администрации государственных монополий, в котором должно было размещаться также и правительство. Приобретение его проекта позволило ему участвовать в своеобразном «втором туре» — соревновании между авторами награжденных и приобретенных проектов. Согласно воспоминаниям архитектора, он получил награду во втором туре [31. С. 246]. Однако результаты конкурса остались нереализованными из-за изменения места для постройки.

² Все конкурсные проекты Зои Петровны опубликованы в диссертации З. Баришич Маренич [30].

С точки зрения индивидуальных наград, лучший результат был у Самойлова, одного из самых талантливых архитекторов из младшего поколения русских эмигрантов. В его коллекции есть семь белградских конкурсных проектов, два из которых получили награды. На конкурсе на здание Пенсионного бюро служащих (1939 г.) он получил пятую награду [32], на конкурсе на здание Пенсионного фонда чиновников и служащих Национального банка (1937 г.) — первую [33]. Это здание в результате было возведено по его проекту. В случае белградских конкурсов это важно, так как из-за проблем в конкурсной практике только четверть проектов, получивших высшие награды на конкурсах, были реализованы без существенных изменений. Стоит отметить, что председателем совета Пенсионного фонда и членом жюри был В. Теокарович, для семьи и предприятий которого Самойлов проектировал с 1935 г. Для современников эта связь, судя по публикациям в прессе, осталась незамеченной, но на нее обратили внимание исследователи [34. С. 96].

А. Кадиевич отмечает, что русские архитекторы часто получали заказы (в том числе самые важные) вне конкурса в силу своего привилегированного положения [1. С. 139]. У этой проблемы есть два аспекта: получение заказа без проведения конкурса или в обход конкурсных результатов.

Первый аспект упоминается в связи с русскими архитекторами чаще, но такая постановка вопроса проблематична. Бесспорно, что русские архитекторы получили множество заказов на правительственные и общественные здания в 20-е годы без проведения конкурса. Но в этот период сами конкурсы были достаточно редкими (в среднем 1.5 в год в 1920-е годы, 4.5 — в 1930-е годы), и их проведение не считалось обязательным, оно оставалось на усмотрение заказчика даже в случае таких значимых проектов, как здания министерств.

К тому же все эти заказы приходятся на узкую группу опытных и известных архитекторов старшего поколения. Конечно, если сравнивать эти назначения с попытками молодых сербских архитекторов-модернистов пробиться к административным заказам, то положение русских архитекторов выглядит привилегированным. Но если сравнить эти назначения с заказами у старшего поколения сербских архитекторов, также обладавших опытом, известностью и положением в Министерстве строительства, то мы увидим сопоставимое количество заказов без конкурса³.

В паре случаев русские архитекторы получали заказ в обход результатов проведенного конкурса. Однако специфика этих ситуаций отнюдь не сводится к привилегированному положению русских архитекторов, а демонстрирует общие проблемы конкурсной практики.

Самый известный случай такого рода — это получение Красновым заказа на здание двух министерств (сельского хозяйства и водных ресурсов, лесного хозяйства и горной промышленности). В 1921 г. Министерство сельского хозяйства и водных ресурсов заказало без конкурса проект у Н. Несторовича, возможно, благодаря его членству в Сербском сельскохозяйственном обществе [35. С. 352]. Министерство лесного хозяйства и горной промышленности, получив соседний участок, обратилось к Министерству строительства для проведения конкурса, в итоге оно предложило провести общий конкурс на оба здания, чтобы создать ансамбль [36]. Бюро «Архитектор» Д. Брашована и М. Секулича заняло первое место на этом конкурсе.

³ Например, в случае с работами М. Коруновича, Н. Несторовича, П. Поповича, П. Баяловича.

После конкурса возник конфликт между Несторовичем, бюро «Архитектор» и Министерством строительства, в котором столкнулись три логики выбора проекта. На основе договора с Министерством сельского хозяйства заказ получил Несторович, но бюро «Архитектор» пожаловалось в АЮИА с опорой на свое право победителя конкурса [37]. В конце концов, Несторович и бюро разработали общий проект, которым осталось недовольно Министерство строительства, указывавшее на то, что такие здания должно проектировать только его Архитектурное отделение [38]. В результате контракт с Несторовичем и бюро «Архитектор» был разорван, а разработка проекта доверена Краснову как одному из сотрудников Архитектурного отделения [39].

Этот случай часто рассматривается в паре с конкурсом на здание Министерства финансов. Некоторые исследователи указывают, что Краснов получил заказ в обход конкурса⁴, однако ситуация гораздо сложнее. Сам конкурс на здание Министерства финансов был одним из самых скандальных в межвоенном Белграде. На конкурсе не было первой награды, а вторая досталась бюро «Архитектор» [40]. Проблема заключалась в том, что в бюро «Архитектор» работал Б. Несторович, сын председателя жюри Н. Несторовича, к тому же бюро и Н. Несторович вместе работали над проектом для вышеупомянутых двух министерств. Из-за этого АЮИА обратилось к министру финансов, а затем и к министру строительства и премьер-министру, чтобы добиться пересмотра результата конкурса [41]. Министерство согласилось провести второй конкурс, затрагивающий только фасад здания, с тем же составом жюри⁵, а АЮИА в знак протеста запретило своим членам в нем участвовать [42]. В этом конкурсе участвовали всего пять архитекторов, и победил Д. Брашован (участник бюро «Архитектор») [43. С. 151]. Считается, что этот проект Брашована был отклонен, а заказ в итоге получил Краснов вне конкурса. Но Министерство финансов вообще отказалось от идеи строить здание на этом участке из-за финансовых сложностей [44]. Ранее оно приобрело соседний участок у Министерства торговли и промышленности, где в результате и было возведено здание, заказанное этим министерством у Краснова [45], но уже для Министерства финансов, из-за чего и возникла путаница.

Еще один известный случай с нарушением конкурсной практики — это фасад В.М. Андросова для здания Главной почты. Конкурс на это здание в 1930 г. стал первым, в котором все три награды получили модернистские проекты архитекторов из западных частей Королевства. Первое место занял проект хорватских архитекторов А. Пичмана и А. Бараньи, которые, согласно оценке жюри, предложили самую подходящую и рациональную организацию пространства [46]. Проект отличался не только технической новизной, но и модернистским фасадом с обилием стекла [47]. Именно фасад стал камнем преткновения. По легенде из мемуаров архитектора Д. Леко, проект не понравился самому королю Александру, заявившему, что он не хочет видеть «напротив парламента здание, которое дети могут разрушить из рогатки» [48. С. 8–9]. Однако, согласно архивным источникам, инициатором изменения фасада стал министр транспорта Л. Радивоевич, который запросил у Министерства строительства два-три варианта более монументального и репрезентативного фасада [49]. Глава Архитектурного отделения дал это задание Н.П. Краснову,

⁴ Среди них З. Маневич, А. Кадиевич, С. Тошева, в то время как А. Игнятович и Б. Несторович упоминают отказ от идеи строить на этом участке вообще [14. Р. 55–56].

⁵ Кроме Э. Шена, который и пожаловался в АЮИА на результат конкурса, и отказался участвовать в жюри второго конкурса.

В.М. Андросову, В. Девичу и Д. Тадичу и отправил полученные пять проектов⁶, а министр транспорта выбрал среди них проект В.М. Андросова [51]. Таким образом, здание построено по плану Пичмана, но с грубым вмешательством в виде изменения фасада.

Эти три случая демонстрируют основные проблемы конкурсной практики в случае административных зданий: недостаточно четкая разработка конкурсных процедур и несоответствие архитектурных предпочтений профессионалов и политиков. Эти проблемы нельзя свести к вопросу о привилегированном положении русских архитекторов. Скорее они демонстрируют проблемы в отношениях Министерства строительства и архитекторов, особенно с учетом того, что не только русские архитекторы из министерства получали заказы в обход конкурсов по инициативе министерства.

Единственный пример, который можно было бы рассмотреть как привилегию именно русского архитектора (а не служащего министерства), — это случай с нереализованным зданием Министерства образования с участием Г.И. Самойлова. Недалеко от комплекса уже описанных министерских зданий Министерство образования решило построить новое здание и организовало конкурс проектов [52]. На этом конкурсе первая награда не вручалась, а остальные получили модернистские проекты⁷. Среди участников конкурса был и Самойлов с проектом, в котором преобладали неоклассические элементы. М. Милованович указывает, что, по воспоминаниям Самойлова министр образования Д. Магарашевич, предложил разработать проект здания именно ему, но он отказался [54. С. 285]. С учетом того, что жена Самойлова была чиновником этого министерства, он вполне мог быть близко знаком с министром. Однако других подтверждений этого предложения нет, а само здание не было построено из-за финансовых проблем.

Таким образом, русские архитекторы участвовали в конкурсах (или, как минимум, получали награды) меньше, чем следовало ожидать, исходя из их активной проектировочной деятельности в Белграде. Однако проблема их внеконкурсного приоритета сильно преувеличена исследователями и скорее является отражением общих проблем в функционировании конкурсного механизма в межвоенной Югославии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Кадичевић А.* Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // Годишњак града Београда, 2002–2003. Књ. XLIX–L.
2. *Миленковић Т.* Ruski inženjeri u Jugoslaviji: 1919–1941. Београд, 1997.
3. *Латинчић О.* Валериј Владимирович Сташевски (1882–?) у Београду: подаци из архивске грађе Историјског архива Београда // Наслеђе. 2011. № 12.
4. *Тошева С.* Рад руских архитеката у Министарству грађевина у периоду између два светска рата // Годишњак града Београда. 2004. Књ. LI.
5. *Боровняк Дж.* Российские архитекторы и инженеры — эмигранты в Белграде между двумя мировыми войнами // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. Вып. 7.

⁶ По два проекта от Краснова и Девича, один — Андросова, Тадич отказался выполнить это задание [50].

⁷ Две вторые награды у хорватской команды Хаберле—Бауэр и у македонца М. Чакелия, третий приз — у сараевской команды М. Байлон и Э. Шаманек [53].

6. *Кадиевич А.* Выставки русских архитекторов в Белграде между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
7. *Косик В.И.* Русские зодчие в Югославии // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. СПб., 2008.
8. *Никифоров К.В.* Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4.
9. *Игњатовић А.* Разлика у функцији сличности – архитектура руских емиграната у Србији између два светска рата и конструкција српског националног идентитета // Токови историје. 2011. № 1.
10. *Iljevski, A.* Form and Function: Architectural Design Competition for the State Printing House of the Kingdom of Yugoslavia // Zbornik Matice srpske za likovne umetnosti. 2014. № 42.
11. *Тошева С.* Конкурс за Бели двор на Дедињу // Годишњак града Београда. 1998–1999. Књ. XLV–XLVI.
12. *Damljanović T.* Fighting' the St. Sava: Public Reaction to the Competition for the Largest Belgrade Cathedral // Centropa. 2005. № 5(2).
13. *Šišović G.* Architectural competitions and the issue of the autonomy of architecture: The case of Terazije Terrace // Spatium. 2016. № 35.
14. *Ibragimova E.* Broken Mechanism: Architectural Competitions for Administrative Buildings in Interwar Belgrade. Budapest, 2016.
15. *Којућ Б.* Друштвени услови развитка архитектонске струке у Београду: 1920–1941. године. Београд, 1978.
16. *Ministarstvo gradjevina.* Spisak // Javan rad. 1940. № 2–3.
17. *Ђурђевић М.* Урбанистичко-архитектонска делатност Ђорђа Павловича Ковалевског у Србији // Годишњак града Београда. 2002–2003. Књ. XLIX–L.
18. *Ковалевски Ђ.* О уређењу Теразијске Терасе // Београдске општинке новине. 1930. № 6.
19. *Анђелковић М.* Од Дома краља Александра I за ученике средњих школа до Архива Југославије // Архив. 2001. № 2.
20. *Леко Д.М.* Нова зграда Министарства пољопривреде и вода // Технички лист. 1926. № 13–14.
21. *Exposition Internationale des arts Décoratifs et Industriels Modernes, Section Serbe-Croate-Slovene.* Paris, 1925.
22. *Маслаћ Д.* Скице за зграду Монополске управе // Српски технички лист. 1909. № 13.
23. *Здравковић И.* Исход конкурса за Београдску оперу // Уметнички преглед. 1940. № 4–5.
24. *Резултат конкурса за храм Св. Саве* // Време. 24.6.1927.
25. *Мађановић М.* Прилог проучавању београдског опуса Николаја Петровића Краснова (1922–1939) // Наслеђе. 2015. № 16.
26. *Београд добија још једну, нову модерну железничку станицу* // Време. 25.6.1931.
27. *Ђурђевић М.* Архитекта Андреј Васиљевич Папков // Годишњак града Београда. 2005. Књ. LII.
28. *Podizanje Doma ratnih invalida* // Vreme. 18.8.1932; *Beograd dobija još jednu, novu modernu železničku stanicu* // Vreme. 25.6.1931; *Na konkursu za idejne skice za zgradu Aero-kluba...* // Vreme. 7.3.1932.
29. *Matan C.* Architecture competition proposals in the body of work of the KKK Group (1931–1939) in the Kingdom of Yugoslavia // Építés-Építészettudomány. 2020. № 48 (1–2).
30. *Barišić Marenčić Z.* Arhitektica Zoja Dumengjić: osobitost djela u kontekstu hrvatske moderne arhitekture: doktorska disertacija Arhitektonski fakultet. Zagreb, 2007.
31. *Ђурђевић М.* Прилог проучавању живота и дела архитекте Петра Димитријевића Анагностија // Годишњак града Београда. 2000–2001. Књ. XLVII–XLVIII.
32. *Резултат јавног конкурса за идејну скицу за дом Пензионског завода за службенике* // Време. 28.10.1939.
33. *Уређење Теразија* // Правда. 16.11.1937.
34. *Просен М.* Прилог познавању београдског опуса Григорија И. Самојлова // Наслеђе. 2001. № 3.
35. *Павловић М.* Живот и дело архитекте Николе Несторовића: докторска дисертација. Универзитет у Београду. Београд, 2014.
36. *Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1371. Документ № 8842* от 10.04.1921.
37. *Архив Југославије. Фонд 62. Фасц. 1371. Договор* от 13.05.1921.
38. *Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1371. Протоколи 22700/1923, 14.241.*
39. *Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1371. Протокол 68049* от 01.09.1926.

40. Историјски архив Београда. 2770-К6. 1. Резултат јавне утакмице за израду скица за зграду Министарства Финансија у Београду.
41. Разне вести // Технички лист. 1924. № 19. Вести из удружења // Технички лист. 1924. № 20. Вести из удружења // Технички лист. 1924. № 5.
42. Одлука инжењера и архитектата поводом конкурса за фасаду палата Министарства Финансија // Политика. 25.4.1925.
43. *Кадијевић А.* Живот и дело архитекте Драгише Брашована // Годишњак града Београда. 1990. Књ. XXXVII.
44. Палата Министарства финансија // Време. 1.6.1925.
45. Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1371. Документ № 1296 от 15.04.1924.
46. Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1526. Документ № 619884 от 6.10.1931.
47. Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1526. Tehnički opis projekata P1B.
48. *Маневић З.* Јучерашње градитељство // Урбанизам Београда. 1979. № 53–54 (прилог 9).
49. Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1526. Документ № 3620 от 30.01.1931.
50. Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1526. Документ № 3620 от 18.02.1931, от 10.03.1931.
51. Архив Југославије. Ф. 62. Фасц. 1526. Документ № 13728 от 03.04.1931.
52. Архив Југославије. Ф. 81. Фасц. 2. Скица за нову зграду Министарства Просвете.
53. Резултат утакмице за израду идејних скица за нову зграду Министарства просвете // Време. 31.10.37.
54. *Миловановић М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.

DOI: 10.31857/S0869544X0012833-9

H. ILGIEWICZ. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939). Warszawa, 2019. 246 p.

Г. ИЛЬГЕВИЧ. Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно и Школа политических наук в Вильно (1930–1939)

Изучение Восточной Европы как отдельное научное направление, общепринятое в западной традиции, не входит в номенклатуру российских научных специальностей. По большей части это обусловлено сложившейся традицией восприятия восточноевропейских территорий, которые долгое время входили в состав Российской империи, а затем и Советского Союза. Этим объясняется заметное расхождение методологических подходов. Так, до сих пор диссертации по темам, связанным с Украиной, Белоруссией или балтийскими республиками, защищаются в советах по отечественной истории. Впрочем, формулировка «восточноевропейские исследования» постепенно начинает приживаться на российской почве.

Именно из-за указанной традиции в российском научном дискурсе практически не присутствуют те институции, которые занимались (и занимаются) комплексными исследованиями Восточной Европы. Их история, тем временем, насчитывает более ста лет. Они зародились накануне и в годы Первой мировой войны, а подъем пережили в межвоенный период. Наиболее мощные организации такого профиля располагались в Германии, всегда проявлявшей повышенный интерес к восточноевропейскому региону. Но они появлялись и в других странах, которые следили за ситуацией в Восточной Европе, выстраивая свою международную политику. В частности, подобные исследовательские центры имелись в Италии и Франции.

Институции со схожими задачами возникли и в межвоенной Польше, что изначально было обусловлено геополитическим положением польского государства. С одной стороны, немецкому «исследованию Востока» (*Ostforschung*), поляки противопоставляли

свою «западную программу» (*program zachodni*), создавая зеркальные структуры. Так, Институту Восточной Европы в Бреслау соответствовал Силезский институт в Катовице, Институту Балтийского моря в Данциге — Балтийский институт в Торунь, Германскому обществу по изучению Восточной Европы в Берлине — аналогичное общество в Кракове. Что касается собственно восточных исследований, то в Польше, непосредственно граничившей с СССР, они сразу приобрели соответствующий акцент. Упор на советскую проблематику проявился уже в работе варшавского Восточного института, основанного в 1926 г. Иногда в литературе эти исследования межвоенного периода именуются «советологией» (*Kornat M. Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939. Kraków, 2003*), хотя этот термин относится скорее ко временам холодной войны и смотрится несколько анахронично.

После советизации Польши сохранившиеся исследовательские центры по большей части занимались научной работой. Политическая составляющая их работы, как в случае с познанским Институтом Запада (*Instytut Zachodni*), ограничивалась притяжением «обретенных» после Второй мировой войны территорий и изучении исторических корней «германского милитаризма» (*Czubiński A. Instytut zachodni (1944–1986). Poznań, 1987*). В ФРГ институты, занимавшиеся Восточной Европой, тоже стремились сохранить академический облик, хотя и не избежали определенной идеологической окраски. Деятельность, аналогичная польской (т.е. обоснование прав Германии на «отторгнутые» земли) была отдана неформальным объединениям специалистов. Осмысление их деятельности началось в 2000-е годы практически

одновременно в Германии и Польше (см. *Deutsche Ostforschung und polnische Westforschung im Spannungsfeld von Wissenschaft und Politik: Disziplinen im Vergleich*. Osnabrück, 2002; *Unger C. Ostforschung in Westdeutschland: die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975*. Stuttgart, 2007; *Kleindienst Th. Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropa-forschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik*. Marburg, 2009) и продолжается по сей день. При этом и немецкая, и польская тематики становятся объектом интереса по обе стороны границы (см. *Szukała M. Pruskie archiwa państwowe a niemieckie badania wschodnie (deutsche Ostforschung) w okresie międzywojennym XX wieku (1918–1939): między nauką a politycznym zaangażowaniem*. Warszawa, 2011; *Schattkowsky R. Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939*. Wiesbaden, 2019).

Несмотря на неплохую разработанность темы, некоторые сюжеты оказались в тени. В первую очередь, это касается Научно-исследовательского института Восточной Европы в Вильно. Располагавшаяся на северо-восточной окраине Речи Посполитой и, казалось бы, оторванная от основных научных центров, эта организация во многом была уникальной для своего времени. Основанный в 1930 г. в знаковом для поляков городе, институт, можно сказать, находился на переднем крае исследовательской работы. При этом одновременно он становился своеобразным узловым пунктом, связывавшем вместе несколько регионов. Кроме того, именно Вильно стал центром притяжения целой плеяды ученых (историков, юристов, демографов, социологов, языковедов, экономистов), которые совсем недавно работали над возрождением польской государственности. Помимо этого, сама атмосфера многонационального и мультикультурного города постоянно подпитывала исследовательский интерес.

Первым о виленском институте в 1988 г. написал польский историк Роман Юрковский (*Dworek [Jurkowski] R. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny*. 1988. № 12). Затем к этой проблеме в 2000 г. вернулся его коллега Марек Корнат (*Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii // Kwartalnik Historyczny*. 2000. № 3), занимавшийся польской традицией изучения Советского Союза. Три года спустя, в расширенном очерке, он выделил два фактора для возникновения подобных организаций в межвоенной Польше, а именно «изменившийся мир вокруг и большевизм». Вместе с тем, оба

очерка получились слишком общие — сказывалась нехватка источников. К тому же Вильно (Вильнюс) оказался непосредственно в составе Советского Союза, что, с одной стороны, прервало интеллектуальную традицию, а с другой — на долгое время вывело восточноевропейскую тематику за рамки изучения.

В середине 2010-х годов к истории виленского института обратилась литовская исследовательница польского происхождения Генрика Ильгевич. Выпускница Вильнюсского пединститута, она долгие годы работала в Институте философии, социологии и права республиканской Академии наук, занимаясь изучением христианизации Литвы. В дальнейшем фокус ее исследовательских интересов сместился на интеллектуальную жизнь Вильны XIX — первой трети XX в. Работая в Институте культуры, философии и искусств (с 2010 г. — Институт исследований культуры Литвы), Ильгевич подготовила монографию о научных обществах Вильны в XIX в. (*Ilgiewicz H. Wileńskie towarzystwa instytucje naukowe w XIX wieku*. Toruń, 2005) и библиотеке Врублевских — знаковым центре виленской интеллектуальной жизни межвоенного времени (*Ilgiewicz H. Biblioteka Państwowa im. Eustachego i Emilii Wróblewskich w Wilnie (1912–1939) oraz towarzystwa ją popierające*. Toruń, 2015).

Стоит отметить, что рецензируемая монография Ильгевич имеет описательный характер. Однако это как раз тот случай, когда такой подход не портит работу, а наоборот, создает картину явления через обработку первичной фактуры. Тематическая книга распадается на две части — содержательную, непосредственно посвященную Институту Восточной Европы, и справочную, которая содержит биографии наиболее значимых сотрудников и дополнительные материалы о его деятельности. Первая часть, в свою очередь, состоит из трех разделов, где описываются сам институт, функционировавший при нем Школа политических наук и судьба организации после начала Второй мировой войны.

Солидная библиография книги демонстрирует, что автор предприняла попытку собрать все известные на тот момент документальные и личные источники об изучаемой организации. Благодаря этому, становится понятно, что виленский институт, в отличие от академических исследовательских центров в строгом смысле слова, был скорее общественной организацией, свободным объединением профессионалов. В частности, в институте не было формального разделения по научному статусу (младший/старший научный сотрудник), при этом сам он, подобно

академии, состоял из действительных членов, членов-корреспондентов и почетных членов. Первая категория, в отличие от других, имела право голоса и на общих собраниях избирала административный совет во главе с председателем, который руководил деятельностью института (с. 23–26).

Благодаря специфическому статусу института, там работали специалисты различного профиля, представители разных научных школ и поколений. Среди них выделялись этнолог Цезария Бодуэн де Куртенэ (1885–1967) и историк Владислав Виельгорский (1885–1967), правовед Виктор Сукенницкий (1901–1983), историк Генрик Ловмянский (1898–1984) и экономист Станислав Свяневич (1899–1997), впоследствии получивший известность как «единственный польский офицер», избежавший гибели в Катыни в 1940 г., хотя выжил еще как минимум один офицер белорусского происхождения — Франц Кушель; такие патриархи в своей области, как литературовед Мариан Здзеховский (1861–1938) и этнограф Леон Василевский (1870–1936). Работа велась в четырех секциях: историко-правовой, литературы и языкознания, этнографо-географической и экономической. Существовали также специализированные отделы, занимавшиеся более узкими темами (в том числе культурой и положением национальных меньшинств). Главной задачей сотрудники института считали исследование территорий и их населения между Чёрным и Балтийским морями «с исторической, географической, экономической, культурной, общественной и политической точек зрения», а также распространение знаний о них (с. 26–27, 38).

Описывая функционирование виленского института, Г. Ильгевич остановилась на повседневных сторонах его существования. Так, финансировалась организация в основном государственными структурами — МИД, МВД, Министерством исповеданий и народного образования и другими. Большая часть денег уходила на текущую работу секций и выпуск собственных изданий. При этом всякий раз институт заканчивал финансовый год с дефицитом бюджета. Заметной статьей расходов было пополнение библиотеки, которая к 1939 г. насчитывала около 19 000 книг и журналов. Вместе с тем, часть изданий институт получал и путем книгообмена с европейскими научными организациями и учеными обществами. При посредничестве книжной лавки Якуба Гиршовского через «Международную книгу» в Вильно получали советские издания на русском, украинском и белорусском языках (с. 32–36). Любопытно,

что библиотекарь института Марьян Пецюкевич, пользуясь служебным положением, открыл доступ к белорусским коммунистическим изданиям местным активистам Компартии Западной Белоруссии, в том числе Максиму Танку и Валентину Тавлаю (с. 37).

Важными направлениями деятельности виленского института были публичная активность и международное сотрудничество. Для проведения открытых лекций в Вильно приглашались сотрудники как польских научно-образовательных центров (в частности, Ягеллонского университета и Университета Яна Казимира), так и зарубежные коллеги. В рамках академического сотрудничества ученые института посещали страны изучения. Так, Станислав Свяневич в 1935–1937 гг. совершил ряд поездок в Германию, в том числе в Кёнигсберг, Берлин, Кёльн и Гамбург. С советскими ученым наладить контакт не удалось, хотя Виктор Сукенницкий в 1934 г. побывал в Советском Союзе (Москва, Харьков, Киев, Крым, Грузия), но немцы приезжали с ответным визитом. Известно, что в 1936 г. в Вильно побывала группа во главе с Теодором Оберлендером, будущим сотрудником абвера и политическим деятелем в ФРГ (с. 82–84).

Отдельный раздел работы Г. Ильгевич посвятила Школе политических наук, действовавшей при институте. Обучение длилось три года: первые два года изучались общие дисциплины, а на последнем курсе шла специализация. Также преподавались иностранные языки: славянские (русский, украинский, белорусский) и неславянские (латышский, литовский, турецкий). Любопытно, что белорусский язык в Школе вел Винцент Жук-Гришкевич, будущий председатель Рады Белорусской народной республики, а турецкий — Серая Шапшал, духовный лидер каримов Польши. Количество слушателей Школы в первом наборе составляло 122 человека, а уже через четыре года выросло до 236. По воспоминаниям выпускников, среди них была не только молодежь, но и люди, уже имевшие высшее образование, чиновники, учителя, представители технических специальностей. На занятия ходили и офицеры Войска польского (с. 30, 88–97).

Начавшийся в сентябре 1939 г. новый учебный год пришлось прекратить после занятия Вильно Красной армией. В декабре того же года по указанию литовских властей, одновременно с закрытием Университета Стефана Батория, были опечатаны помещения в Библиотеке Врублевских, которые занимал Научно-исследовательский институт Восточной Европы. Большинство

сотрудников впоследствии оказались в Польше или в эмиграции.

Следует отметить, что специфика виленского института, выражавшаяся в отсутствии строгой академической структуры, обусловила постоянные тематические и административные пересечения внутри организации. Это, в частности, сказывалось на текущей работе подразделений и подготовке печатной продукции. Следуя внутренней логике функционирования института, автор перенесла эти особенности и в монографию. Выделенные ею сюжеты порой переплетаются между собой, дублируют друг друга. Не хватает работе и более широкого исследовательского контекста — как на институциональном, так и на личном уровне. В этом отношении из повествования почти полностью выпадает человеческий фактор. Учитывая, что в виленском институте встретились самые разные люди, они, очевидно, формировали группы интересов, так или иначе влиявшие на направление исследований. Возможно, подобный подход позволил бы лучше изучить вклад каждого из сотрудников института, чем оценка их отдельных публикаций, как это сделано в монографии.

Это же касается и наследия организации. В книге история института обрывается на установлении советской власти в Литве в августе-сентябре 1940 г. Тем не менее, его бывшие сотрудники нашли себя в разном идеологическом окружении, продолжая изучение восточноевропейской и советской проблематики. Так, Генрик Ловмянский сделал карьеру в социалистической Польше, став профессором и академиком. Владислав Вильгорский и Виктор Сукенницкий работали в организованном польскими эмигрантами Восточном институте «Редута» в Лондоне. Сукенницкий впоследствии перебрался в США, где сотрудничал с Гуверовским институтом. Несомненно, что каждый из них использовал свой опыт, полученный в Вильно.

Несмотря на указанные недостатки, выход монографии Генрики Ильгевич стал значимым событием для восточноевропеистики. С одной стороны, она является образцовым *case-study*, рассматривающим функционирование отдельного взятого исследовательского центра. С другой — значимым вкладом в изучение польской традиции восточноевропейских исследований.

© 2021 г. И.И. Баринов
barinovnoble@gmail.com

DOI: 10.31857/S0869544X0012834-0

*Ю. ЗЛАТКОВА. Константин Леонтьев и Балканите. София, 2020, 297 с.**Ю. ЗЛАТКОВА. Константин Леонтьев и Балканы*

Фигура Константина Леонтьева не нуждается в особых представлениях, особенно для славянского мира, которому он посвятил свои многие, и временами весьма нелицеприятные, строки. В старой России, «очарованной славянством», Леонтьев был «под подозрением» уже из того, что, свободно обращаясь со словом, считал славянское племя крестом для своей страны. В СССР с его пролетарским интернационализмом «писания» Константина Николаевича, пронизанные трезвыми суждениями о братьях-славянах, горькими пророчествами, «неприемлемой антиреволюционностью», равным образом были, фактически, под запретом. Лишь в конце прошлого тысячелетия в России начали появляться публикации, связанные с его именем. Сейчас их становится все больше и больше, посвященных различным аспектам, сторонам, идеям Константина Николаевича Леонтьева. В свое время, в 1997 г., я тоже напечатал книгу «Константин Леонтьев. Размышления о славянстве», выпущенную громадным тиражом в 15 тыс. экземпляров и ставшую бестселлером. Это прямое доказательство того, что идеи Константина Николаевича живут, время над ними пока не властно, они волнуют, заставляют думать о России, изменчивом славянском мире, православии...

В этом, 2020 г., вышла настоящая книга талантливой болгарской исследовательницы Юлии Златковой, много работавшей над феноменом Леонтьева.

Труд содержит в себе четыре главы: «Очарование Востока», «Образ балканского буржуа», «Национальная политика vs церковная политика», «Византизм и будущее Балкан». Есть «обязательные» введение, заключение и библиография. Начну с последней. Она делится на две части. В первую входят художественные и философские сочинения, письма, дневники, воспоминания, дипломатические документы. Здесь, кроме самого Леонтьева, можно встретить такие имена, как П. Милуков, Г. Пърличев,

Х. Ортега-и-Гассет, В. Розанов, П. Хилендарский, С. Франк, Г. Флоровский, О. Шпенглер, Lady Blunt (Fanny Janet). Во вторую — многочисленные исследования (свыше сотни названий), из которых упомяну здесь болгарских авторов Т. Георгиеву, Д. Григорову, Ил. Тодева, из отечественных — Л. Герд, К. Долгова, К. Жукова, О. Фетисенко, М. Чижова. Уже сами названия книг и других печатных изданий позволяют говорить о солидном и системном подходе к изучению поставленной в заглавии проблематики.

Кстати, само содержание книги несколько шире заявленной в названии проблематики, так как в ней есть сюжеты, связанные с пребыванием К.Н. Леонтьева на Крите, одном из форпостов Востока в Средиземноморье. Равным образом, как отмечает сама исследовательница, в некоторых местах она выходит за рамки хронологии темы, связанной с дипломатической службой своего героя (1863–1874), что вполне объяснимо, зная его характер, личность, интересы, точнее, саму жизнь того времени.

Сама «цивилизованная скука» отталкивала романтика Леонтьева, увидевшего в Османской Турции, куда он был послан дипломатом, столь любимую ему цветистость жизни. Именно этому времени и посвящена первая глава, написанная, можно сказать, ярко, рождающая мысли. Здесь и взгляды Леонтьева на литературу, на Гоголя, Толстого, Достоевского. Причем творения Льва Николаевича он ставил выше строк Достоевского. И представлены сами занятия Леонтьева литературой (повести, рассказы), пропитанные духом и жаром Востока, жившего под господством Стамбула, этого русского Константинополя. Критика отнеслась к этим литературным опытам весьма сдержанно, что, впрочем, как показала дальнейшая литературная судьба Леонтьева, не охладила тогдашнего дипломата. Именно Восток, как читается в книге Юлии Златковой, можно сказать, представлен через красоту быта, даже любовного, разбойничьего, через легенды,

окутывавшие этот во многом таинственный регион для цивилизованной Европы.

Достаточно ярко представлено пребывание Леонтьева в Адрианополе, куда он поехал после удара хлыстом французского дипломата, позволившего себе дурно отозваться о России. В своих «Воспоминаниях о Фракии» Леонтьев прочитывается, пишет Юлия Златкова, любителем всего того, что «оригинально, красиво, экзотично», предпочитающим общение с местными беями и простолюдинами, нежели со своими коллегами — иностранцами консулами. Ю. Златкова, тонко замечает, что Леонтьев всегда был больше поэт, нежели дипломат, хотя у руководства МИДа к нему не было нареканий, его донесения читались с интересом. Довольно много страниц исследовательница отводит критическим воззрениям Константина Николаевича на феномен балканских общественных элит, у которых доминирует «своеобразный дух торговли» над чувствами, над идеализмом. Иными словами, торговля подчиняет себе красоту. Следует совершенно согласиться с Юлией Златковой, что жизнь на Балканах, в том же Адрианополе, нашла свое отражение и в литературных произведениях Леонтьева, включая и саму деятельность России в балканском регионе, прежде всего на болгарских землях. Следует отметить, что исследовательница органично включает в текст и собственно местные сюжеты, позволяющие судить об атмосфере того времени, задачах, стоявших перед деятелями болгарского возрождения. Здесь, впрочем, как и в других местах, внимание уделяется так называемому европеизму, получавшему распространение на Балканах. Исследовательница отмечает, что для Константина Николаевича европеизм грозит потерей национального лица, особенно в условиях замедленной активности России на Балканах. Причем, как пишет Ю. Златкова, он не ограничивается констатацией надвигающейся опасности, но и дает свои рецепты по ее нейтрализации, прежде всего через просвещение, образование, желательно в России, особенно в условиях, местами успешной, униатской пропаганды. Более того, «странный» Леонтьев, подчеркивается в книге, видит в успехах католичества средство для улучшения деятельности самой православной церкви. Прослеживая жизнь Леонтьева на дипломатическом поприще, Ю. Златкова останавливается и на польской теме, точнее на картинах жизни гордых поляков, не желавших подчиниться русскому царю и нашедших прибежище в Османской Турции. Константин Николаевич с его развитым чувством эстетизма, подчеркивается в труде, отмечал в поляках аристократизм, честь, отвагу, преданность католичеству, что не могло ему не нравиться, даже если перед ним были «другие», деятельность которых

все же может быть менее опасна, нежели прогрессистов и демократов. Иными словами, «красивый» враг воспринимался лучше, утонченнее, нежели «некрасивый» союзник. Пленительность Востока была ему милее по сравнению с «неотесанностью» болгар и греков. В мусульманах он видел возможную опору для России, скорее, нежели в разрушительной силе ненавистного ему европеизма. В то же время, анализируя само положение в Османской империи, Ю. Златкова, приводит и мнение Константина Николаевича, видевшего в насильственной демократизации причину ослабления Стамбула.

Вторая глава труда Ю. Златковой отведена рассмотрению воззрений Леонтьева на феномен балканского буржуа, точнее на «элиту» и «простонародье». Здесь перед читателем целая россыпь сюжетов, связанных с отсутствием на этих землях европейской традиционной, уходящей в века иерархичности, так ценимой Леонтьевым. И, соответственно, позволяющей говорить о некоей демократичности устройства жизни балканского населения. При этом образование и материальный достаток представляют собою важные факторы в устройстве простейшей социальной иерархии при одновременном определенном сохранении старого образа жизни, «добродетелей и страхов» своих «прародителей». В этой ситуации, подчеркивается в книге, Леонтьев выделял «плутократию и торгово-буржуазную псевдоаристократию». Нашлось у него «место» для интеллигенции. Ю. Златкова приводит весьма яркую цитату из Константина Николаевича о болгарском интеллигенте «Болгарский интеллигент всегда буржуа *par excellence*; всегда сдержан, всегда расчетлив, скуповат в различной степени и осторожен, всегда дипломат или всегда торговец, и в дружбе, и в браке, и в политике...». Здесь можно дискутировать, но это уже отдельная тема исследования. И, разумеется, справедливо подчеркивается в книге, что симпатии Леонтьева на стороне «неиспорченного» европеизмом простого народа, т.е. «эпической» его части. Тема «плутократии» или чорбаджийства блестяще освещена и в романе «Одиссей Полихрониадес». В этом тексте персонаж добруджанского торговца Петраки Стояновича вобрал у Леонтьева в себя типические черты этого слоя с его привычным мошенничеством, лукавством, обманом, интригами стремящегося приобрести власть у власти. И как итог — превращение в «европейца». Здесь Ю. Златкова пишет, что Константин Николаевич шел от реалий того времени, знакомой обстановки: сам Петраки Стоянович имел свой прототип.

Большое место отведено в книге сравнительной характеристике балканских народов Леонтьева, служившего вице-консулом в Тульче, и имевшего опыт общения и наблюдения за

жизнью этого пестрого в национальном смысле города, в целом — многонациональной Добруджи. Характеристики населявших этот богатый край племен отличаются сочностью, неординарностью, живостью, запоминаются сразу. Эта способность Леонтьева в нескольких словах передать не «казенную» суть человека, а обрисовать его самого — поразительна. Всему этому способствовало, несомненно, его литературное дарование. Впрочем, и сами его отчеты, пишет Ю. Златкова отличаются богатством разнообразной информации, что позволяет составить «живую» картину жизни этого края. Подводя итоги своим размышлениям, Леонтьев, как указывается в книге, пишет, что разница между греками, румынами, сербами и болгарами не больше разницы между четырьмя валами. При этом самыми яркими Леонтьев называет болгар. Развивая это утверждение, Ю. Златкова, обращаясь к истории балканского цветистого люда, подчеркивает важность болгарского «племени», его отличия от других народов Балкан, прежде всего от греков. Свои строки в книге есть и о политических идеях, связанных с этим регионом, раздорами в балканской среде.

Для него различия на Балканах носят не этнический или еще меньше, национальный характер, речь может идти о региональном компоненте, сиречь балканском. Именно этой проблематике уделено соответствующее внимание с утверждением, что балканская культура имела единый характер. Здесь можно лишь подчеркнуть, что эта тема весьма скользкая и может иметь различные толкования, хотя в глобальном контексте мысль представляется верной.

Третья глава «Национальная политика vs церковная политика» связана с важнейшим вопросом того времени о первенстве, соотношении, связи светского, национального с церковным, о греко-болгарской драме. На эту тему написано множество страниц, статей, книг... По своему объему и сюжетам она самая большая. Здесь на страницах «мелькает» и европейская история с ее национальными движениями. В эту сферу естественно входит, подчеркивается в книге, и национально-политические процессы, волновавшие болгарские просвещенные круги. Безусловно, греческо-болгарская тема достаточно солидно представлена Ю. Златковой, привлекая ряд источников для ее освещения. Сами взгляды Леонтьева, его отношение к этой проблеме показаны в динамике, позволяющей проследить всю гамму личностного восприятия переживаемой исторической драмы, приведшей к расколу. Обрисована и весьма интересная, с многими персонажами, яркая картина разрыва с Патриархией. Показано, что в этой сложной ситуации «пишущая общественность» России заняла линию поддержки болгар. Причем

сам Константин Николаевич здесь характеризуется как «русский империалист». Оценка, безусловно, лестная, но в данном контексте представляется абсолютизированной. Равно и другое определение эстетика Леонтьева как «полумонаха» весьма неоднозначно, хотя впоследствии он и принял монашеский постриг.

Разумеется, здесь «присутствует» и сама Россия, такое «страшилище», как панславизм, который самому Леонтьеву представлял «непродуктивным», «опасным». Весьма обстоятельно раскрыта в книге и тема культурного и политического национализма с привлечением солидной литературы. Религиозный мыслитель Леонтьев придерживается в своих размышлениях, как показывает Юлия Златкова парадоксального тезиса о том, что политический национализм уничтожает культурный национализм. Спектр его философских идей, представленных в книге, не только поражает, но и сейчас побуждает вновь и вновь обращаться к ним. В частности, что «социальная и национальная революции представляют собой движение к всеобщей ассимиляции». И таких мыслей-идей в книге «рассыпано» немало, благодаря внимательному изучению анализируемой проблематики, не потерявшей своего значения и в наше время.

Заключительная глава «Византизм и будущее Балкан» оригинальна уже по своему названию и достаточно полно отражает взгляды Леонтьева на эту «сумасшедшую» по своей сложности проблематику. С самого начала в книге подчеркивается, что Леонтьев понимал «защиту русского национализма и правильное ему служение как защиту и служение византизму». То есть самодержавная и православная Россия, акцентируется в книге, выступает как преемница Византии, ее наследница и хранительница. Причем его «**контра**» — славизм по Леонтьеву, пишет Ю. Златкова, являет собой «аморфный, стихийный и размытый образ». Достаточно жестко, если не сказать — жестоко. Разумеется, можно привести ряд контрдоводов, но, в сущности, глобально, Константин Николаевич прав, чему свидетельницей служит сама история. Впрочем, Ю. Златкова не преминула подчеркнуть, что сам русский народ, например, страдает слабостью личностного начала в противовес коллективному, «податливостью чужим влияниям», «нетворческим» характером. Россия, по Леонтьеву, сильна «организующими византийскими началами». Здесь возникает некая коллизия с вопросом, что правее? Каждая из сторон может представить свои взгляды, только не надо забывать, что сам Леонтьев ярым националист — видел в «Письмах о восточных делах» главную цель России в создании «собственной, оригинальной славяно-азиатской цивилизации». В целом, Юлия Златкова весьма отчетливо представила

портрет Константина Николаевича, того, кому любовь к России не мешала видеть и критиковать все, что ему не нравилось в русском народе. Иначе, не зная Константина Николаевича, можно было бы предположить, что он враг России, славянства, отказывавшийся видеть в славянстве собственную цивилизацию. Только в русских и поляках он видел некую оригинальность и самобытность. Разве он не прав по своей сути?

Только в византизме, в византийской традиции Леонтьев, подчеркивает в очередной раз Ю. Златкова, видел силу России. Логично, что именно феномену византизма уделено достаточно много строк, весьма интересных, полагаю, для читателя.

Органично в эту главу входят православие и католицизм, в частности, тема сближения с Римом, даже есть строки восхваления католицизма с «культурно-исторической точки зрения»! Странно и удивительно читать такие строки у Леонтьева, ярого поборника православия. Даже «ремарка», что, собственно, богословских вопросов он не касается, оставляет почву для размышлений. И как итог: в византизме, пишет Юлия Златкова, Леонтьев «видит силу, способную создать новую культурную реальность в восточно-православном мире и отрезать его от Запада».

В своем аналитическом исследовании Ю. Златкова достаточно подробно останавливается на феномене легендарного Царьграда, который, по мысли Константина Николаевича, мог стать во главе политического и культурного центра конфедерации, выстроенной из нескольких восточно-православных и мусульманских государств. Присутствует также ряд сюжетов, связанных с болгарским и греческим

национально-освободительным движением. И как вершина размышлений Леонтьева следует в книге внимательный анализ «триединого процесса». В главе «мелькают» имена О. Шпенглера, Н. Данилевского, Вл. Соловьева с их воззрениями, предвидениями, философскими построениями на тему культурно-исторических типов. Очень интересны строки о «русском расцвете». Ю. Златкова отмечает здесь, что только русская религиозная философия в конце XIX — начале XX в. переживает расцвет. Сам Константин Николаевич, пишет автор книги, в конце земного пути теряет веру в «свой культурный идеал и особенное историческое призвание России». Мир, судя по его теории, впадал в третью стадию, характеризующуюся всесмешением, упрощенчеством, свободой. Причину этого страшного явления следует искать, по Леонтьеву, в психологии человека, в его ненасытности в атмосфере свободы. Новый культурно-исторический тип, о котором грезил философы, становился призракным.

Все это достаточно емко и аналитически исследуется в талантливом труде Юлии Златковой.

В завершении своей рецензии могу сказать, что книга болгарской исследовательницы доставила мне удовольствие, которое редко появляется от чтения иных исторических трудов. И, безусловно, исследование вносит свой значимый и весомый вклад в разработку проблематики, поставленной и исследуемой Константином Николаевичем Леонтьевым, имя и мысли которого продолжают жить во времени.

Добавлю, что сам труд снабжен богатым иллюстративным материалом.

© 2021 г. *В.И. Косик*
kosikviktor@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0012835-1

Русский травелог XVIII — начала XX веков: аннотированный указатель / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2018. 832 с.

Записки путешественников — один из древнейших источников личного происхождения, традиционно многообразный, привлекающий внимание исследователей самых разных областей знания: историков, филологов, этнографов, антропологов и исследователей природных богатств Земли. Пожалуй, в этом универсальном богатстве информации ни один другой вид источников не может соперничать с травелогами. И при этом, столь же характерной чертой путевых записок можно назвать их неодинаковость, неоднородность, сложность для систематизации.

Именно поэтому, на наш взгляд, работа, проделанная группой авторов из Новосибирска, по подготовке аннотированного указателя «Русский травелог XVIII — начала XX веков» заслуживает пристального внимания научного сообщества.

Книга, вышедшая в самом конце 2018 г., подвела итог многолетней работе по изучению и систематизации записок путешественников. Выходу аннотированного указателя сопутствовали три коллективных монографии: «Русский травелог XVIII—XX веков» (Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015. 656 с.), «Русский травелог XVIII—XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы» (Под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск, 2016. 462 с.), «Русский травелог XVIII—XX веков: Между литературой и документом» (Под ред. Н.А. Ермаковой. Новосибирск, 2019. 342 с.), и стоящий особняком сборник статей «Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты» (Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2013. 592 с.). Каждое из этих изданий требует отдельной рецензии, но переоценить важность всего комплекса научно-исследовательских работ, проведенного новосибирскими учеными, невозможно. Все вместе эти издания без преувеличения можно назвать прорывом в разработке темы: в первую очередь,

благодаря концентрации разнонаправленных исследовательских усилий и объему проделанной работы.

Примечательно, что необходимость такого издания остро ощущалась уже более столетия назад, когда в недрах Отдела этнографии Русского музея А.Н. Пыпин и Е.А. Ляцкий готовили подобную библиографию путешествий по России, охватывавшую XVI—XIX вв.: «Обзор путешествий, древних и новых, иностранных и русских, в землях древней и позднейшей территории Русского государства» — издание, доведенное до корректуры, но так и не увидевшее свет.

Рискованный выбор для современного издания англицизма «травелог» точного, емкого, но непривычного отечественному исследователю, на наш взгляд, оправдывает себя. Он дает возможность книге возвыситься над корпоративной терминологией («литература путешествий», «записки путешественников»), заведомо сужающей и круг зрения, и круг «взирающих». Авторы-составители называют несколько важнейших признаков текстов, включенных в издание: описание маршрута путешествия (как «сюжетообразующего» начала), выражение отношения к увиденному, передача личных впечатлений, внутренняя интенция «остранения», т.е. отношение к окружающему как другому/чужому/новому.

Составители считают свою работу экспериментальной, хотя, думается, правильнее назвать ее уникальной (по объему и масштабу). Выявление текстов о путешествиях велось по печатным изданиям всех уровней: от газет до отдельных книг. Указатель не охватывает все травелоги (такая задача была бы нереалистичной, в том числе в силу жанрового разнообразия и вариантов толкования термина), однако (что принципиально важно) он дает адекватное представление как о «карте» путешествий, так и о самой литературе путешествий — ее объеме и видовом разнообразии.

Максимально полно в книге представлены тексты, помещенные в периодических изданиях XIX — начала XX в., а публикации в советской научной периодике имеют, к сожалению, заметные пропуски.

В издание включены только описания реальных путешествий (показательно исключение из каталогизированных текстов «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, тогда как другие травелоги историографа присутствуют в книге). Среди представленных жанров: статейные списки дипломатов, дорожные журналы, научные отчеты об экспедициях, путевые дневники и записки, эпистолярий, мемуары, очерки. Всего в книге даны аннотации 4127 текстов (в сквозной нумерации статей Указателя допущена ошибка — пропущены номера 898–997, поэтому в книге номер последнего травелога 4227), систематизированных по территориальному признаку. Два больших раздела представляют путешествия по Российской империи и за ее пределы с более подробным делением внутри на крупные регионы (Европу, Америку, Африку и т.д.).

Если обратиться к путешествиям по славянским землям, то в Указателе можно найти, например, известные травелоги А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова, очерки военного корреспондента на Балканах Е.Н. Чирикова и путешественника по «Европейской Турции» В.И. Григоровича, заметки из поездки по Далмации и Черногории А.С. Троянского, письма из Болгарии В.Г. Теплякова, путевой очерк о Македонии и Болгарии А.Н. Сиротинина, македонские воспоминания Б.Л. Тагеева, зарисовки о пребывании в Сербии П.А. Ровинского, записки о русинах Венгрии и Галиции В.Б. Броневского. При этом, обширный дневник поездки по славянским землям Ф.В. Чижова, опубликованный в 1958 г. в «Славянском архиве» выпал из поля зрения составителей.

Каталог сопровождают именные указатели, причем один из них аннотированный — авторы стремились познакомить читателей с биографиями малоизвестных и неизвестных путешественников.

Важной частью издания стала библиография отечественных исследований, посвященных травелогам (статьи, монографии, сборники статей, диссертации), дающая представление об основных направлениях изучения литературы путешествий в России. В ней заметно абсолютное преобладание работ, написанных в XXI в., характеризующее взрывной рост интереса к теме.

Спорные аспекты систематизации травелогов в Указателе прекрасно осознаются составителями — подвижность границ областей и территорий, нечеткость временных рамок и видовые особенности текстов. И доля научного подвижничества состоит в том, что авторы-составители прекрасно осознают невозможность идеально выстроить Указатель под некие идеальные рамки, и все же максимально полно реализуют поставленную перед собой задачу.

Наибольшее сожаление при работе с книгой вызывает тираж в 300 экземпляров, отпечатанных на средства гранта РФФИ, что, очевидно, крайне мало для такого издания, необходимого не только в библиотеках университетов и научных центров, но и на рабочих столах многих исследователей. Хочется надеяться на выход электронной версии Указателя или дополнительный тираж.

Из практических атрибутов книги недостает указателя топонимов, охватывающего хотя бы то, что поименовано в издании. Систематизации по крупным регионам тут явно недостаточно, поскольку внутри разделов (Сибирь и Дальний Восток, Европа, Восточная Азия и др.) авторы травелогов расположены в алфавитном порядке.

Труд, предпринятый филологами на стыке исторического источниковедения, литературоведения, культурологии и этнографии безусловно раздвигает поле известного на сегодняшний день. Перед читателем предстает огромный массив текстов «литературы путешествий», ставшей заметным явлением в русском обществе XVIII — начала XX веков. Большинство этих травелогов ждут своих исследователей в XXI столетии.

© 2021 г. *Т.В. Медведева*
tmedvedeva1@yandex.ru

Научная конференция «Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе в XX–XXI веках»

17–18 ноября 2020 г. в Институте славяноведения РАН состоялась научная видеоконференция, посвященная 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. Владимир Константинович работал в Институте славяноведения и балканистики АН СССР с 1956 г., с 1970 г. заведовал сектором истории международных отношений, в 1987–2004 гг. был директором Института. Круг его научных интересов отличался исключительной широтой и разнообразием. В монографиях, статьях, выступлениях В.К. Волкова нашли отражение различные проблемы истории международных отношений с конца XIX в. до начала XXI в.: от анализа внешнеполитических концепций кайзеровской Германии и Брестского мира 1918 г. до распада Советского Союза и Югославии и складывания новой конфигурации международных отношений на рубеже XX–XXI вв.

Значительное место в научной работе В.К. Волкова всегда занимала Вторая мировая война, 75-летие окончания которой отмечалось в 2020 г. Исследованию политики нацистской Германии на Балканах и предыстории войны посвящены его наиболее значительные монографии: «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933–1938)» (1966), «Операция «Тевтонский меч»» (1966), «Мюнхенский сговор и балканские страны» (1978) и коллективный труд под его редакцией «Мюнхен – преддверие войны» (1988). В ряде статей и очерков содержится анализ международных отношений и дипломатической борьбы накануне и в начальный период войны. Большое внимание В.К. Волков уделял проблемам послевоенного мирного урегулирования, становлению «социалистического содружества», развитию международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны.

Владимир Константинович был одним из первых в отечественной исторической науке, кто правдиво написал о противоречиях между социалистическими странами, о советско-югославском конфликте 1948 г., о событиях в Чехословакии 1968 г. Он живо откликался на текущие политические события и обладал способностью произвести их взвешенный, глубокий и точный анализ. Об этом свидетельствуют его статьи о революциях 1989 г. в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы и их последующем развитии, о трагедии Югославии и Балканском кризисе 1990-х годов, о современном состоянии славянского мира и актуальных проблемах славяноведения.

В конференции приняли участие исследователи из Института славяноведения и Института всеобщей истории РАН, МГУ, МГИМО, Минского филиала Российского государственного социального университета, Белградского университета и Института новейшей истории Сербии.

Конференцию открыли доклады, посвященные современным подходам к исследованию международных отношений в Юго-Восточной Европе. Директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров* отметил большой вклад В.К. Волкова в исследование югославского кризиса в 1990-е годы. Докладчик проанализировал особенности становления и развития политических систем в Словении, Хорватии, Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговине после распада Югославии и до настоящего времени. *А.А. Улуян* (ИВИ РАН) рассмотрел международные отношения на Балканах в XX в. в контексте современных национальных, общественных и академических дискурсов в странах региона.

В секции «Центральная и Юго-Восточная Европа в годы Первой мировой войны. Образование новых государств, их место и роль в Версальской системе международных отношений» были заслушаны доклады *Т.В. Волокитиной* (ИСл РАН) о дневниках российского дипломата князя Л.В. Урусова как источнике об участии Болгарии в Первой мировой войне, *О.В. Соколовской* (ИСл РАН) о взглядах высших чиновников министерства иностранных дел Российской империи на Грецию в годы Первой мировой войны, *Е.М. Мироновой* (ИВИ РАН)

о деятельности представительств Совета послов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917–1939 гг.), *Н.Н. Станкова* (ИСл РАН) о неудавшихся попытках государственного секретаря по иностранным делам Немецкой Австрии О. Бауэра достичь объединения с Германией в 1918–1919 гг., *Ю.В. Лобачевой* (ИСл РАН) о повседневной жизни русских эмигрантов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев на примере семьи И.Г. Грицкат-Радулович, *С.А. Склярова* (МГИМО МИД РФ) о проблеме транзита в Персию в польско-советских отношениях в начале 1920-х годов, *Г.Н. Матвеева* (МГУ) о причинах поворота польской внешней политики в первой половине 1930-х годов.

В секции «Государства Центральной и Юго-Восточной Европы накануне Второй мировой войны» были заслушаны четыре доклада сотрудников Института славяноведения РАН. *П.В. Мошечков* рассмотрел предпосылки установления советско-чехословацких дипломатических отношений в 1934 г. *С.З. Случ*, основываясь на новых архивных документах, посвятил выступление «миссии Д.В. Канделаки» в Берлин в середине 1930-х годов. *Б.Й. Желицки* показал влияние мирных договоров после Первой мировой войны на внешнеполитические устремления Венгрии в 1930-х годах. *А.А. Силкин* рассказал об отношении европейских дипломатов к режиму регентства в королевской Югославии в 1934–1941 гг.

Отдельная секция была посвящена Второй мировой войне и проблемам послевоенного мирного урегулирования. *А.Ю. Тимофеев* (Белградский университет / Институт новейшей истории Сербии) рассмотрел переговоры югославских партизан с немцами в 1942–1945 гг. *А.В. Ганин* (ИСл РАН) рассказал об участии бывшего офицера царской армии Ф.Е. Махина в народно-освободительном движении в Югославии в годы Второй мировой войны. *Е.П. Серапионова* (ИСл РАН) охарактеризовала внутреннюю обстановку в протекторате Богемии и Моравии и в Словакии летом 1944 г. *Н.С. Гусев* (ИСл РАН) посвятил выступление анализу воспоминаний советских солдат и офицеров о болгарях и Болгарии во время вступления на ее территорию Красной армии осенью 1944 г. *А.Ф. Носкова* (ИСл РАН) представила доклад о переговорах И.В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и премьер-министром польского правительства в эмиграции С. Миколайчиком в Москве осенью 1944 г. Доклад *К.В. Шевченко* (Центр евразийских исследований филиала РГСУ в г. Минске, Республика Беларусь) был посвящен сербобулажницкому национальному движению в Германии в 1945–1948 гг.

В секции «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в годы холодной войны» были представлены шесть докладов сотрудников Института славяноведения РАН. *Л.Я. Гибианский* обратился к проблеме соотношения результатов исследования источников и версий историографии о возникновении первого раскола в советском блоке в 1948 г. *А.С. Аникеев* показал, как Москва расценивала внешнюю политику Белграда в период советско-югославского конфликта в 1949–1954 гг. *А.Б. Едемский* рассмотрел политику СССР в Юго-Восточной Европе в конце 1950-х годов. Выступление *А.С. Стыкалина* было посвящено обсуждению венгерского вопроса в ООН в 1956–1963 гг. *Б.С. Новосельцев* представил доклад о Югославии в системе международных отношений в начале 1970-х годов. *Н.С. Пилько* рассказала о посещении М.С. Горбачевым Словении во время визита в СФРЮ в 1988 г.

Завершила работу конференции секция «Центральная и Юго-Восточная Европа в современных международных отношениях», в которой были заслушаны три доклада сотрудников Института славяноведения РАН. *Г.Н. Энгельгардт* проанализировал причины сокращения объема экономического сотрудничества СССР и Югославии в начале 1990-х годов (накануне распада этих государств). *Е.Ю. Гуськова*, основываясь на новых архивных документах, рассмотрела деятельность российской дипломатии, в частности министра иностранных дел А.В. Козырева, в период введения санкций против Югославии в 1992 г. Дискуссию вызвал доклад *И.М. Мамедова* «Геополитическое место Турции и стратегические императивы на Балканах в XXI в.», участники которой с различных позиций рассмотрели политику Анкары в отношении балканских государств. Дискуссия о политике Турции на Балканах переросла в обсуждение современных международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Таким образом, в докладах участников конференции охвачен широкий круг проблем истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, введены в научный оборот неизвестные ранее документы отечественных и зарубежных архивов, намечены перспективы новых научных исследований.

© 2021 г. *Н.Н. Станков*
stankov11@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0012847-4

Конференция «Россия — Турция — Греция: возможности диалога на Балканах»

15 сентября 2020 г. Институт славяноведения РАН на базе Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы провел международную научную конференцию «Россия — Турция — Греция: возможности диалога на Балканах». На конференции планировалось рассмотреть следующие группы вопросов: политические отношения между Россией, Турцией и Грецией в прошлом, настоящем и будущем; культурно-исторические связи между этими странами и их влияние на балканский регион; геополитическое положение России, Турции и Греции в многополярном мире между Востоком и Западом; экономическое и энергетическое, а также гуманитарное сотрудничество между Россией, Турцией и Грецией на Балканах. Работа конференции проходила в двух секциях: «Российско-турецко-греческие отношения в исторической ретроспективе» и «Россия, Турция, Греция на современном этапе: возможности сотрудничества и партнерства». На конференции выступили более двадцати ученых, представляющих Институт славяноведения и другие научные, высшие учебные и религиозные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Перми, Саратова, а также эксперты из Турции, Черногории и Албании. Все выступления сопровождались многочисленными вопросами к докладчикам и оживленной дискуссией, что говорит об актуальности и важности поднимавшихся на конференции проблем.

Конференцию открыли директор Института славяноведения *Константин Владимирович Никифоров* и директор Греческого культурного центра в Москве *Теодора Янници*. В их приветственном слове подчеркивалась особая роль России, Турции и Греции на Балканах, а также значимость налаживания между ними конструктивного диалога на региональном уровне.

В ходе работы первой секции были прочитаны и обсуждены доклады, посвященные месту и роли на Балканах России, Турции (Османской империи) и Греции (сначала в составе Османской империи, а после как независимого государства) в прошлом.

Теме «Война миров: сравнительный анализ византийско-османского и русско-ордынского взаимодействий (вторая половина XIV — середина XV вв.)» посвятил доклад научный сотрудник Государственного исторического музея *А.Ю. Чернов*. Автор сопоставил феномены гибели Византийской империи и рождения Османской империи, а также борьбы русских княжеств с золотоордынским игом. Эти события можно рассматривать как соприкосновение кочевого — тюркского — и оседлого миров. Большую роль играл здесь и религиозный фактор: в обоих случаях речь шла о противостоянии православных христиан и мусульман. Тем не менее между этими сходными формами противодействия Востока и Запада существовали и значимые различия, связанные с геополитическим положением сравниваемых государств, и именно в них лежит причина заката Византийской империи и почти одновременного возвышения Московского княжества.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института славяноведения *О.Е. Петрунина* прочитала доклад «Первые российские консулы в Османской империи: особенности несения консульской службы в 1770–1780-е годы». После Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и торгового договора между Российской и Османской империями 1783 г. на турецких территориях возникла сеть российских консульств. Документы Архива внешней политики Российской империи позволяют обозначить цели открытия и особенности функционирования консульских учреждений до русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а также проанализировать такие сюжеты, как личные впечатления российских консулов о месте службы, взаимоотношения между ними, местными властями и христианским населением, а также ситуацию после начала в 1787 г. новой войны. Был сделан вывод, что созданная Екатериной II сеть консульских учреждений стала новым этапом в развитии отношений между Россией и Османской империей.

События еще одной русско-турецкой войны были затронуты в докладе старшего научного сотрудника Института славяноведения *М. М. Фроловой* «Русские, болгары и турки в горниле русско-турецкой войны 1877—1878 гг.». На основании воспоминаний русских офицеров и официальных документов автор показала неоднозначность отношений русских, болгар и турок.

Докладчики, выступавшие в первой секции, отметили значительную роль межцерковных связей в развитии русско-греческих отношений в XIX в. Доклад ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН *Е. П. Кудрявцевой* «Русско-греческие политические и церковные связи в 20—30-х гг. XIX в.» был посвящен становлению политических отношений между Россией и Грецией после обретения последней независимости. Автор показала особое значение православия в этом процессе. Россия оказывала безвозмездную материальную поддержку греческим монастырям, храмам и священнослужителям, в том числе Афонским обителям, и это покровительство закономерным образом положительно повлияло на политические отношения двух стран.

Российских связей с Афоном, в том числе для продвижения внешнеполитических интересов Российской империи на Балканах, а также укрепления ее влияния на православном Востоке касались и другие выступающие. Иерей *Иоанн Кудласевич*, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в докладе «Архимандрит Леонид (Кавелин) и Свято-Пантелеимонов монастырь: к истории русско-афонских связей во второй половине XIX века» проанализировал некоторые аспекты русского присутствия на Афоне в непростой геополитической обстановке, сложившейся на Балканах после Крымской войны. Несмотря на препятствия дипломатического и правового характера, Россия оказывала покровительство Свято-Пантелеимонову монастырю, который стал важным форпостом российского влияния на Святой Горе.

Ведущий научный сотрудник Института российской истории *И. Ю. Смирнова* в докладе «Хиландарский монастырь на Афоне и российская дипломатия: к истории русско-сербских отношений (1850—1870-е гг.)» рассмотрела русско-сербские межцерковные связи в третьей четверти XIX в. Афон в этот период был вовлечен в сферу интересов великих держав, желавших использовать этноконфессиональный фактор в целях укрепления своего влияния на Балканах и Ближнем Востоке, поэтому и Россия оказывала материальную помощь, в частности, сербскому монастырю Хиландар. Автор показала процесс принятия решений в российских государственных ведомствах относительно финансирования афонского монастыря.

В докладе старшего научного сотрудника Института российской истории *Р. Б. Бутовой* ««Поездка в Румелию» архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник по истории Балкан середины XIX в.» на конкретном примере подчеркивалась роль священнослужителей в получении и систематизации знаний о малоисследованных областях Балкан. «Поездка в Румелию» архимандрита Антонина (Капустина) стала широко известным историческим источником, востребованным исследователями и по сей день.

Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН *Ар. А. Улунян* в докладе «Балканы между Византийской, Османской и Российской империями в исторической памяти и современных внешнеполитических практиках» коснулся вопроса о связи истории и современности. Отсылки к имперскому византийскому, османскому и российскому присутствию на Балканах стали неотъемлемой частью культурно-исторического и международно-политического позиционирования этих государств. Данные отсылки дают возможность современным странам — преемницам империй проводить соответствующую внешнюю политику, позволяющую им укреплять свое положение на Балканах с помощью апелляции к историческому наследию.

Вторая секция, посвященная современным возможностям и проблемам России, Турции и Греции на Балканах и показавшая сложность и запутанность взаимоотношений между странами на полуострове, отличалась многообразием тем выступающих. Докладчики касались самых различных аспектов отношений между Россией, Турцией и Грецией, как двусторонних, так и многосторонних, включающих и разногласия, и партнерство.

В докладе «Проблемы и перспективы развития сотрудничества на Балканах: роль России» *Н. Махмутай* (Албания) рассмотрела отношения, сложившиеся между Россией и странами региона в начале XXI в. Автор отметила, что Россия препятствует усилению присутствия ЕС и НАТО на Балканах, выполняя таким образом функцию их противовеса, а также проанализировала текущий уровень сотрудничества России с балканскими странами.

Трехстороннее взаимодействие России, Турции и Греции было рассмотрено в трех выступлениях. Доцент МГУ имени М. В. Ломоносова *Т. В. Никитина* в докладе «Политические отношения СССР, Греции и Турции по кипрскому вопросу в 1960—1970-е гг.» рассказала о противоположных позициях этих государств по данной проблеме. Москва выступала за создание

независимого государства, Афины — за воссоединение Кипра с Грецией, а Анкара — по меньшей мере за раздел острова между Турцией и Грецией. Кроме того, Великобритания и США преследовали собственные интересы на Кипре. Была подчеркнута роль ООН в урегулировании кипрского вопроса, а также охарактеризованы позиции вовлеченных сторон после образования Республики Кипр.

Кадер Озлем, доцент Университета Улудаг (Бурса, Турция) в докладе «Сравнительный анализ политики Турции, Российской Федерации и Греции в отношении косовского вопроса (1999–2008 гг.)» проанализировал основные мотивы политики этих стран в отношении независимости Косово. Он отметил, что Турция поддержала независимость Косово, в то время как Россия выступила против декларации о независимости в одностороннем порядке. Позиция Греции, не признавшей Косово, обуславливалась ее традиционным союзничеством с Сербией.

Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН *И.А. Свистунова* прочитала доклад «Балканская политика Анкары и подходы Турции к взаимодействию с Россией и Грецией на Балканах». По замечанию автора, этот регион является приоритетным внешнеполитическим направлением Анкары. В выступлении делался акцент на особенностях — и сложностях — выстраивания отношений Турции с Россией и Грецией в контексте ее балканской политики и подчеркивалось, что и Москва, и Афины осознают геополитическую необходимость ведения диалога с Анкарой, в том числе на Балканах.

Несколько докладов касались темы отношений Греции с Россией и Турцией. Научный сотрудник Института славяноведения *А.К. Александрова* в докладе «Российско-греческие отношения: есть ли точки роста в череде кризисов?» охарактеризовала политические и экономические связи двух стран, складывающиеся в последнее десятилетие, отметив, что на них сильно повлияли финансово-экономический кризис в Греции, санкции Запада в отношении России, а также пандемия COVID-19. Был сделан вывод, что в настоящее время следует говорить о заморозке российско-греческого сотрудничества.

Сотрудник РАНХиГС *А.С. Лубоцкая* выступила с темой «Вечный друг и вечный враг: образы России и Турции в сознании современных греков». В докладе утверждалось, что Греция принадлежит Европе и одновременно сохраняет свою балканскую идентичность, которая проявляется в том числе во враждебном отношении к Турции. При этом Греция всегда поддерживала дружественные связи с Россией, даже несмотря на возникающие внешнеполитические разногласия.

В докладе доцента Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета *М.А. Ермошиной* «К особенностям функционирования русскоязычных СМИ в Греции» было продемонстрировано значение иммигрантских СМИ в формировании этноконфессиональных отношений на примере русскоязычных изданий в Греции. Автор обратила внимание на изменения, происходящие в этой сфере в последние годы, а также на основные проблемы, с которыми сталкиваются в Греции редакторы ведущих русскоязычных СМИ.

Два выступления были посвящены турецко-греческому противостоянию. Старший научный сотрудник Института славяноведения *И.М. Мамедов* прочитал доклад на тему «Турецко-греческие разногласия по Эгейскому морю». Он отметил, что на Балканах среди неурегулированных вопросов между Турцией и Грецией спор по Эгейскому морю имеет наибольшее значение. Эти разногласия связаны с делимитацией континентального шельфа Эгейского моря. Обе страны стремятся разрешить конфликт с помощью механизмов двустороннего диалога, который, правда, в настоящее время осложнен появлением нового очага напряженности в Восточном Средиземноморье.

Старший научный сотрудник Института Европы РАН, доцент Вятского государственного университета (г. Киров) *К.В. Власова* прочитала доклад «Греция и Турция: сотрудничество или соперничество в миграционной сфере?», в котором проанализировала греко-турецкие взаимоотношения в миграционной сфере за последние несколько лет. Особое внимание автор уделила непростому положению, сложившемуся на границе двух стран в 2020 г., а также роли Евросоюза в разрешении данной проблемы.

В.С. Шабловский, аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН, выступил с докладом «Современное соперничество России и Турции на Балканах: политический и экономический аспекты», сделав оценку значимости Балкан в современных внешнеполитических приоритетах России и Турции. Автор доказывал, что отношения между Россией и Турцией на Балканах следует расценивать как соперничество, так как точек соприкосновения интересов двух стран в настоящее время в регионе немного.

Н. Микович, студент Университета Черногории, в докладе «Латентная нестабильность на Балканах и международный фактор — ретроспектива и перспектива отношений» коснулся

российских, турецких и греческих интересов на Балканах, а также оценил возможность этих стран влиять на дальнейшее развитие региона в условиях глобализации. Общебалканские проблемы также рассматривались в докладе старшего научного сотрудника Института славяноведения *А.А. Пивоваренко* «Новые подходы к географическому определению Балканского региона», в котором обосновывалась концепция «Четырехморья».

В докладе научного сотрудника Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС при Президенте РФ *А.С. Айрапетяна* «Математические инструменты измерения уровня полиязычия населения на примере Российской Федерации, Турецкой Республики, Греции и Республики Кипр» разбирались особенности языковой политики в данных многонациональных государствах, а также оценивалось влияние в них интеграционных и глобализационных процессов на уровень полиязычия населения.

В докладе младшего научного сотрудника Института славяноведения *А.А. Леонтьевой* «“Возродительный процесс” в памяти современных жителей Болгарии (по материалам экспедиции в с. Славяново)» было проанализировано отношение современных болгар и турок к политике болгарских властей под руководством Т. Живкова по насильственной ассимиляции турок и помаков, особенностями которой стали принудительная смена имен, государственное вмешательство в религиозную жизнь и ряд других запретов. Также автор рассмотрела результаты этой политики, приведшей к серьезному обострению болгаро-турецких отношений.

В последнее время наблюдается сближение российско-турецких отношений и расширение диалога и сотрудничества как на двустороннем уровне, так и в региональном формате, невзирая на наличие разных подходов к некоторым проблемам. В Греции сохраняются традиционные культурно-исторические связи с Россией, кроме того, общественное мнение демонстрирует высокую степень доверия к современной России и ее руководству. В этом контексте международная конференция «Россия — Турция — Греция: возможности диалога на Балканах» стала важным вкладом в исследование балканской проблематики, способствовала обмену мнениями, налаживанию сотрудничества между учеными и дальнейшему укреплению взаимопонимания между народами России, Турции и Греции.

© 2021 г. *А.А. Александрова*
anna.k.aleksandrova@gmail.com

© 2021 г. *И.М. Мамедов*
ilgarmm@yandex.com

DOI: 10.31857/S0869544X0012836-2

ARTICLES

<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). The Flemish echo of the Greek revolution. The «Gazette van Gend» newspaper and the initial phase of the «Greek events» (from January to December of 1821)	3
<i>Zadorozhnyuk E. G.</i> (Moscow). Vaclav Havel: the contours of a changing worldview (to the eighty-fifth anniversary).....	16
<i>Lomonosov M. Yu.</i> (Tyumen). Slobodan Milošević between the left and the right: Слободан Милошевич между левыми и правыми: the balance of power, political struggle, and persuasion strategy.....	29
<i>Mamedov I.M.</i> (Moscow). Ideological dimension of the Turkish policy in the twentieth and early twenty-first centuries	44
<i>Pilko N.S.</i> (Moscow). Contemporary history of Republic of Slovenia in the recent works of Slovenian researchers.....	55
<i>Barinov I.I.</i> (Moscow). Walter Jaeger's «Weissruthenien»: the history of a book.....	64
<i>Vashchenko D. Yu.</i> (Moscow). Slovak temporal adverbs of the «rarely» group: possible semantic differences in the light of corpus data	73

ESSAY

<i>Kosik V.I.</i> (Moscow). Fedor Dostoevsky: the Eastern Question.....	85
<i>Belousov S.S.</i> (Элиста). Displaced persons of Slavic origin in the Astrakhan province during the First World War: the problem of life support and adaptation.....	94
<i>Ibragimova E.N.</i> (Moscow). Russian émigré architects and architecture competitions in the interwar Belgrade	105

REVIEWS

<i>Barinov I.I. H.</i> Ilgiewicz. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939)	117
<i>Kosik V.I.</i> Ю. Златкова. Константин Леонтиев и Балканите.....	121
<i>Medvedeva T.V.</i> Русский травелог XVIII — начала XX века: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской	125

SCHOLARLY LIFE

<i>Stankov N.N.</i> The Conference «International relations in Central and South-Eastern Europe in the twentieth and twenty-first centuries».....	127
<i>Aleksandrova A.K., Mamedov I.M.</i> The Conference «Russia — Turkey — Greece: Dialogue Opportunities in the Balkans».....	129

БАКАЛАВРИАТ

**История
Культурология
Археология**

МАГИСТРАТУРА

**Модели всемирной истории
Культура массовых
коммуникаций**

АСПИРАНТУРА

**История
Культурология**

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).